Лб1 5/32.

Инв. 458/34.

Генералъ Маіоръ Алексѣй Петровичъ

ТЫРТОВЪ

Бывшій Директоръ Михайловской Воронежской Военной Гимназіи (съ 1870 г. по 1878 годъ).

Большинство матеріаловъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ нашего изданія, относятся ко времени управленія этимъ заведеніемъ, Воронежской военной Гимназіей, незабвеннаго для тѣхъ, кто имѣлъ счастіе воспитываться подъ его начальствомъ, Генерала Маіора А. П. Тыртова и почти всѣ эти матеріалы для исторіи „горячо мною любимаго заведенія“, какъ онъ самъ выразился въ письмѣ къ намъ, доставлены имъ самимъ въ сыромъ, не обработанномъ видѣ. Это обстоятельство въ связи съ тою доброю памятью, которая сохраняется и будетъ сохраняться до гробовой доски среди бывшихъ питомцевъ его, не однократно выражаемая намъ въ письмахъ ихъ, налагаетъ на насъ священную обязанность приложить при этомъ томѣ портретъ Генерала Тыртова и сообщить на страницахъ его краткій біографическій очеркъ его служебной дѣятельности. Хотѣлось бы намъ сдѣлать здѣсь очеркъ и оцѣнку свѣтлой дѣятельности его по управленію Воронежскимъ корпусомъ, но не настало еще для этого время. Благодарные питомцы и очевидцы его управленія помнятъ его труды и долго будутъ хранить ихъ въ своихъ сердцахъ, а безпристрастное потомство и будущій историкъ корпуса въ частности и военно-учебныхъ заведеній въ особенности, оцѣнитъ труды этого педагога и истиннаго отца своихъ

питомцевъ по тѣмъ матеріаламъ, которые мы помѣщаемъ въ этомъ томѣ и воспоминаніямъ—имѣющимъ быть помѣщенными въ послѣдующихъ томахъ (*), теперь же намъ трудно быть судьею дѣятельности тѣхъ лицъ, труды которыхъ мы видѣли сами и память о которыхъ свято чтется нами?

Алексѣй Петровичъ Тыртовъ происходитъ изъ стариннаго дворянскаго роду Тыртовыхъ, фамилія которыхъ упоминается въ исторіи еще въ 1488 г., когда въ числѣ посланныхъ въ Новгородъ служивыхъ людей Карамзинъ упоминаетъ и семейство Тыртовыхъ; одинъ изъ предковъ его Василій Матвѣевичъ Тыртовъ, жившій во второй половинѣ XVI вѣка и въ первой половинѣ XVII вѣка, пожалованъ за царскую службу помѣстьемъ въ Тверской губерніи. Прадѣдъ и дѣдъ его украсили свое имя и фамилію воинскими подвигами, за что неоднократно были на граждаемы Высочайшими рескриптами. Отецъ его Петръ Александровичъ произведенъ въ офицеры изъ 2 Кадетскаго корпуса въ 1814 г., служилъ въ конной артиллеріи, а по выходѣ въ отставку поселился въ своемъ родовомъ имѣніи „Миронежьѣ“ (Тверской губ.) и служилъ по выборамъ дворянства бывши, между прочимъ, Предсѣдателемъ Тверской уголовной палаты, а потомъ, отказавшись отъ службы, мирно дожилъ свой вѣкъ въ родномъ уголку. (**)

Алексѣй Петровичъ родился 2 Февраля 1834 г., кажется, въ «Миронежьѣ» гдѣ онъ и провелъ, счастливые, беззаботные годы дѣтства. Воспитаніе онъ получилъ въ Дворянскомъ полку, этомъ славномъ разсадникѣ военнаго образованія дворянъ, учрежденномъ, первоначально, въ 1807 г., при второмъ Кадетскомъ корпусѣ а послѣ 1832 г, существовавшаго до переименованія его, въ 1855 г. въ Константиновскій корпусъ, (нынѣ Константиновское военное училище), самостоятельнымъ заведеніемъ. По окончаніи тамъ курса Ал. Петр. 13 Августа 1852 г. былъ произведенъ Прапорщикомъ въ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскій полкъ и въ томъ же году 2 Сен-

(*) и мы скажемъ объ нихъ въ «Историческомъ очеркѣ корпуса,» приготовляемомъ нами къ изданію.

(**) Рус. ст. 1885 г. «Родъ дворянъ Тыртовыхъ» стр. 680—681.

тября былъ прикомандированъ къ Михайловскому артиллерійскому училищу (нынѣ Академія) Въ 1854 г. окончивъ курсъ Академіи въ числѣ „отличнѣйшихъ“ учениковъ, былъ назначенъ въ штабъ инспектора всей артиллеріи, гдѣ и былъ прикомандированъ, 2 Іюня къ Лейбъ Гвардіи 2 артиллерійской бригадѣ, гдѣ оставался только два мѣсяца: въ Августѣ былъ перемѣщенъ прикомандированнымъ къ легкой № 2 батареи. 5 Декабря 1885 г. произведенъ въ подпоручики, а 8 Декабря переведенъ въ Лейбъ Гвардіи резервную № 2 батарею. 8 Мая 1857 г. командированъ въ штабъ отдѣльнаго гвардейскаго Корпуса, для приготовленія къ поступленію въ Николаевскую Академію генеральнаго Штаба, куда и поступилъ 30 Августа того же года, съ производствомъ въ поручики. По окончаніи курса наукъ въ академіи, по 1 разряду, 1859 г. 21 Декабря назначенъ былъ въ Департаментъ генеральнаго штаба, съ опредѣленіемъ на службу въ отдѣльный Сибирскій Корпусъ, а за отличные успѣхи въ наукахъ въ бытность въ Академіи, 10 Января 1860 г. произведенъ былъ въ штабсъ-Капитана. До прибытія еще къ мѣсту своего новаго служенія, 22 Марта 1860 г. назначенъ къ исправленію должности старшаго адъютанта въ отдѣльный Сибирскій Корпусъ. Черезъ годъ, почти, по прибытіи къ мѣсту своего назначенія 27 Марта 1861 г. утвержденъ былъ учителемъ 3 разряда въ Сибирскомъ Кадетскомъ Корпусѣ въ г. Омскѣ, по предметамъ артиллеріи и тактикѣ, а 23 Апрѣля произведенъ въ Капитаны. Съ этого времени начинается уже, чисто военно-педагогическая дѣятельность Алексѣя Петровича, на которой онъ подвизается съ такимъ успѣхомъ, оставляя всюду по себѣ добрую память! 4 Мая 1861 г. онъ прибылъ въ Корпусъ, черезъ годъ, 5 Марта 1862 г. назначенъ инспекторомъ классовъ въ томъ же Корпусѣ, а 17 Апрѣля 1863 г. произведенъ въ полковники съ зачисленіемъ по гвардейской пѣшей артиллеріи. 19 Апрѣля 1864 г. награжденъ орденомъ Св. Станислава 2 степени. 10 Марта 1868 г. кончается служебная дѣятельность Алексѣя Петровича въ далекой непривѣтливой Сибири; ему готовили другое, болѣе обширное, поприщѣ дѣятельности. Онъ былъ назначенъ въ главное управленіе

военно-учебныхъ заведеній, для особыхъ порученій, съ оставленіемъ по гвардейской пѣшей артиллеріи, куда вскорѣ и отправился въ ожиданіи Высочайшаго приказа о новомъ назначеніи, которое и состоялось 12 Іюня 1869 года; Алексѣй Петровичъ былъ назначенъ Директоромъ Учительской Семинаріи военнаго вѣдомства, помѣщавшейся въ Москвѣ, на Нѣмецкой улицѣ, въ зданіи бывшаго Малолѣтняго отдѣленія Московскаго Корпуса, (Семинарія упразднена, кажется въ 1884 или 1885 году) и имѣвшей цѣлью приготовленія учителей въ военные прогимназіи и гдѣ, кромѣ преподаванія обще-образовательныхъ предметовъ, преподавалось главное положеніе о воспитаніи, съ общей дидактикой и методикой каждаго учебнаго предмета, а для практическихъ упражненій будущихъ учителей, при Семинаріи устроена была образцовая школа приходящихъ учениковъ. Наставникомъ и начальникомъ этого заведенія, разсадника будущихъ педагоговъ и пришлось быть Алексѣю Петровичу! Утвержденіе правилъ о преобразованіи военныхъ начальныхъ школъ въ военные прогимназіи, въ 1868 г. вызвало необходимость новаго устройства или вѣрнѣе, соотвѣтственныхъ измѣненій въ тогдашнемъ устройствѣ учительской Семинаріи военнаго вѣдомства, какъ учрежденія долженствующаго впередъ готовить наставниковъ для военныхъ прогимназій, воспитанники коихъ предназначались для службы, впослѣдствіи, въ офицерскихъ чинахъ. Осуществленіе этого проэкта и выпало на долю Алексѣя Петровича, который послѣ многихъ трудовъ привелъ его къ исполненію, какъ нельзя лучше. Учительская семинарія, послѣ этихъ измѣненій много лѣтъ выпускала учителей, пользующихся всюду доброй славой и репутаціей хорошихъ и опытныхъ педагоговъ. Не даромъ говоритъ русская пословица, что „яблоко отъ яблони далеко не упадетъ“. Намъ самимъ пришлось быть въ учительской семинаріи въ началѣ нынѣшняго десятилѣтія (1880-ыхъ годовъ) и память объ Алексѣѣ Петровичѣ еще свѣжа среди питомцевъ его, большинство которыхъ были при насъ учителями и репетиторами въ родной семинаріи и Московскихъ военныхъ гимназіяхъ и фельшерской школы, и эту память они съ бла-

годарностію передаютъ своимъ младшимъ братьямъ-однокашникамъ!

При назначеніи на эту должность Алексѣю Петровичу Всемилостивѣйше пожаловано на подъемъ 900 рублей. Прибывъ въ Семинарію 1 Іюля, онъ 17 Апрѣля 1870 г. былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 степени. Непродолжительно было служеніе его въ семинаріи! Труды его были оцѣнены! Вслѣдствіе приказанія главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, сообщеннаго ему въ предписаніи главнаго Управленія отъ 13 Іюня за № 6335, Алексѣй Петровичъ 15 Іюня отправился въ Воронежъ, прибывъ куда 18 числа приступилъ къ пріему Михайловской Воронежской военной гимназіи, а 20 вступилъ въ завѣдываніе заведеніемъ, назначеніе его на должность директора котораго послѣдовало (какъ значится по формулярному списку) только 29 Іюня, при чемъ на подъемъ ему Всемилостивѣйше пожаловано было 1000 рублей.

Долго затрудняясь принять заведеніе отъ бывшаго директора Генерала Маіора Винклера, вслѣдствіе замѣченнаго безпорядка въ матеріальной части и въ зданіяхъ гимназіи, онъ телеграфировалъ объ этомъ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній генералу Н. В. Исакову, бывшему тогда въ Кіевѣ и 24 Іюня получилъ отвѣтъ такого содержанія: „Воронежъ Военная гимназія. Полковнику Тыртову. Если затрудняетесь выдайте временную квитанцію въ какомъ видѣ приняли заведеніе. При свиданіи переговоримъ. Исаковъ.“ Вслѣдствіе этого 1 Іюля, Алѣк. Петр. была выдана квитанція генералу Винклеру, въ томъ, что гимназія принята отъ него на законномъ основаніи. Подробные свѣдѣнія о состояніи зданій и матеріальной части заведенія при принятіи его Алексѣемъ Петровичемъ помѣщены ниже въ статьѣ: „Матеріалы къ состоянію гимназіи въ 1870 году“. Затѣмъ посѣтивъ С.-Петербургъ, бывши на юбилеѣ Артиллерійской Академіи и лично переговоривъ тамъ о всѣхъ дѣлахъ, касающихся гимназіи, Алексѣй Петровичъ, твердо пошелъ по пути ея благоустройства. Письмо его отъ 2 Ноября 1870 г. къ генералу Исакову, помѣщенное въ вышеупомянутой статьѣ, нагляднѣе всѣхъ словъ показываетъ сколь-

ко заботъ предстояло ему для приведенія заведенія въ порядокъ, особенно по части матеріальной и какъ умѣло и удачно онъ достигъ того, что заведеніе во всѣхъ частяхъ своихъ быстро стало улучшаться, достигнувъ въ концѣ его управленія имъ (въ 1875, 1876 и 1877 г. г.) репутаціи одной изъ лучшихъ военныхъ гимназій. Не будемъ здѣсь перечислять всѣхъ мѣръ предпринимаемыхъ имъ для благоустройства ввѣреннаго ему заведенія, не будемъ, какъ мы сказали, дѣлать оцѣнки его дѣятельности; все это, по мѣрѣ силъ нашихъ, постараемся доказать фактическими матеріалами, собравъ ихъ на страницахъ нашего изданія; скажемъ только то, что въ лице Алексѣя Петровича, каждый изъ насъ, бывшихъ воспитанниковъ Корпуса, видѣлъ не начальника только, но и добраго любящаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ строго справедливаго отца. Каждый проступокъ воспитанника онъ близко принималъ къ сердцу и прежде чѣмъ карать воспитанника, что, къ несчастію, многіе очень любили, онъ глубоко и всесторонне обсуждалъ степень вины воспитанника, мотивы повлекшіе его къ совершенію проступка и тогда уже налагалъ наказаніе. Какъ образецъ его глубокаго анализа проступковъ воспитанниковъ не можемъ не привести здѣсь, первый попавшій приказъ его по гимназіи 19 Августа 1870 г. № 104. Въ пунктѣ 4-мъ онъ пишетъ: «Воспитанникъ VI класса *Зайцевъ*, 15 сего Августа замѣченъ былъ въ куреніи папиросъ, за что и арестованъ былъ въ карцерѣ отдѣльнымъ воспитателемъ; на другой день, въ воскресенье, я зашелъ къ арестованному воспитаннику Зайцеву и засталъ его занимающимся выдѣлкою папиросъ. Въ проступкѣ этомъ воспитанника Зайцева, я вижу не только нарушеніе правилъ заведенія, но и явное равнодушіе его къ наложенному на него взысканію,—какимъ образомъ будучи наказанъ за извѣстный проступокъ онъ тотчасъ же, такъ сказать, въ самый моментъ своего наказанія, повторяетъ тотъ часъ же самый проступокъ! Такое равнодушіе не простительно особенно для воспитанника VI класса, который черезъ годъ долженъ быть переведенъ въ Военное училище, а слѣдовательно аттестованъ какъ вполнѣ надежный и нравственно развитой юноша: равнодушіе

оказанное Зайцевымъ къ наложенному на него взысканію, показываетъ, что онъ далекъ еще отъ этой аттестаціи и, что ему предстоитъ еще много работы надъ собой, чтобы заслужить то мнѣніе о себѣ своихъ воспитателей, подъ условіемъ котораго единственно и могутъ переводиться воспитанники военныхъ гимназій въ Военныя училища. Предлагаю воспитателямъ возраста и особенно отдѣленному, имѣть воспитанника Зайцева подъ особымъ наблюденіемъ и считать его лишеннымъ довѣрія до тѣхъ поръ, пока онъ добросовѣстнымъ и честнымъ исполненіемъ всѣхъ налагаемыхъ заведеніемъ обязанностей и добропорядочнымъ поведеніемъ, не засвидѣтельствуетъ о совершенномъ измѣненіи своихъ привычекъ и своей нравственной переработкѣ; такому же наблюденію должны подлежать всѣ воспитанники замѣченные въ прежнее время въ куреніи..... Приказъ этотъ прочесть при собраніи воспитанниковъ IV возраста. Вмѣстѣ съ тѣмъ при настоящемъ посѣщеніи карцеровъ, я замѣтилъ, что арестованные воспитанники для ночлега не имѣютъ, ни тюфяка, ни подушки, ни даже одѣяла, а спятъ на голыхъ доскахъ одѣтыми, подкладывая подъ себя верхнее платьѣ. Предписываю Завѣдующему обмундированіемъ, Маіору Степанцову, немедленно распорядиться снабженіемъ карцеровъ соломенными тюфяками, подушками, одѣялами и нужнымъ количествомъ постельнаго бѣлья, смѣна котораго должна, лежать на обязанности унтеръ-офицера при карцерахъ.... «Воспитателямъ, изъ отдѣленій которыхъ могутъ быть арестованные воспитанники, предлагаю отъ времени до времени въ теченіи дня, посѣщать арестованныхъ. Отправляя воспитанника подъ арестъ имѣть наблюденіе за тѣмъ чтобы кромѣ учебныхъ книгъ и пособій, воспитанникъ ничего не имѣлъ при себѣ въ карцерахъ, и т. д.» И такихъ приказовъ не мало!

Часто посѣщая уроки воспитанниковъ, подробно разсматривая лично всѣ дѣла гимназіи, Алексѣй Петровичъ, не рѣдко, нетолько прочитывалъ самъ ученическіе опыты, самостоятельной письменной работы, но и самъ составлялъ образцы для внѣ классныхъ занятій, по иностраннымъ языкамъ, самъ составлялъ конспекты для

занятій съ воспитанниками, во время отсутствія учителей, самъ лично писалъ разные инструкціи (нѣкоторые изъ нихъ, представляющіе всеобщій интересъ, мы сочли не лишнимъ помѣстить на страницахъ нашаго изданія). А это труды не малые, при его много-сложныхъ и много-трудныхъ занятій! Часто бесѣдуя съ воспитанниками, давая имъ наставленія, онъ старался говорить безъ всякаго униженія личностей, безъ всякаго оскорбленія ихъ юнаго самолюбія, съ истинно отеческою кротостью и снисхожденіемъ! Въ его отношеніяхъ къ воспитателямъ и учителямъ не было и тѣни холоднаго формализма, напротивъ онъ, не рѣдко, сообщалъ имъ свои планы, дѣлился своими наблюденіями, открывалъ свои мысли и чувства. И какъ то особенно отрадно и тепло чувствовалось въ задушевныхъ бесѣдахъ съ нимъ! Въ квартирѣ его, куда доступъ всегда былъ открытъ для каждаго изъ нихъ, не вѣяло жилищемъ холоднаго, хмураго и оффиціальнаго начальника, а было какъ-то весело и свободно, среди его домашняго очага. Хорошо сознавая, какъ необходимы развлеченія для воспитанниковъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, по его иниціативѣ не рѣдко въ стѣнахъ заведенія устраивались семейные танцовальные вечера, (на которыхъ мы, кадеты чувствовали себя на верху счастія), музыкальные вечера и спектакли. Отзывъ мѣстной газеты «Воронежскій Телеграфъ» объ одномъ изъ подобныхъ музыкальныхъ вечеровъ и воспоминаніе бывшаго кадета В. Н. Александрова, о памятномъ для каждаго Воронежца «Михайловомъ днѣ», помѣщены въ настоящемъ томѣ. И не только мы, бывшіе питомцы Алексѣя Петровича, но и любой изъ жителей Воронежа, бывавшій на этихъ вечерахъ, съ любовію вспоминаетъ эти невинные развлеченія воспитанниковъ! Да! время управленія гимназіей Алексѣя Петровича, было лучшее, славное время изъ всей ея полувѣковой жизни и каждый изъ бывшихъ въ то время въ гимназіи воспитанниковъ, не можетъ, и теперь даже, вспомнить безъ слезъ это лучшее время его жизни, проведенное въ стѣнахъ дорогаго заведенія, подъ начальствомъ незабвеннаго Алексѣя Петровича.

Улучшеніе пищи и обмундированія воспитанниковъ, подробное

выясненіе обязанностей воспитателей и ихъ отношеній къ воспитанникамъ, правила и вопросы, касающіе лично воспитанниковъ, ихъ жизни, воспитанія, вопросы объ отпускахъ воспитанниковъ, о прислугѣ—все это составляло предметъ постоянныхъ заботъ его о благоустройствѣ ввѣреннаго ему заведенія. Ниже въ статьѣ „Нѣсколько матеріаловъ къ внутреннему благоустройству Корпуса," мы имѣли возможность привести краткій перечень всѣхъ его распоряженій, по всѣмъ этимъ вопросамъ, изъ котораго, опять таки ясно видны его труды по всестороннему управленію гимназій.

Вскорѣ послѣ прибытія Алексѣй Петровича въ Воронежъ, онъ за отличіе по службѣ, 28 Марта 1871 года, былъ произведенъ въ Генералъ Маіоры, о чемъ и объявлено было въ приказѣ по гимназіи 31 Марта въ № 90. Въ 1873 г. согласно предписанію Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній отъ 13 Августа 1873 г. за № 11474 ему разрѣшено сохранить права учебной службы проведенной въ должности директора учительской семинаріи военнаго вѣдомства и Михайловской Воронежской военной гимназіи, на основаніи Высочайшихъ повелѣній отъ 27 Мая 1869 г. и $^{3}/_{15}$ Іюня 1870 г. 30 Августа 1874 г. онъ Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3 степени; 6 Октября 1877 г. за выслугу по учебно-воспитательной части 25 лѣтъ, назначена была пенсія на службѣ въ размѣрѣ 1500 руб. въ годъ. Въ день новаго, 1878 г. 1 Января Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Станислава 1 степени, а 5 Августа того же года онъ былъ назначенъ Директоромъ Полоцкой военной гимназіи, при чемъ 31 Декабря ему было выдано, согласно Высочайшаго повелѣнія на подъемъ и обзаведеніе 1000 рублей.

Трудно еще, въ настоящее время, объяснитъ причину его внезапнаго перевода въ Полоцкъ, хотя мы увѣрены, что оно выяснится въ недалекомъ будущемъ но считаемъ своимъ долгомъ сказать, что нѣкоторыми лицами въ Воронежѣ распускался слухъ, что причина этого перевода слабый надзоръ за воспитанниками, выразившійся въ обнаруженіи гнустнаго порока, которому предавались нѣкоторые изъ воспитанниковъ гимназіи довольно продол-

жительное время, но для опроверженія этого ложнаго слуха, съ истиннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ здѣсь въ подлинникѣ письмо И д. Воронежскаго губернатора Г. Звегинцева, полученное Алексѣемъ Петровичемъ 2 Ноября 1878 года.

Милостивый Государь
Алексѣй Петровичъ!

«До свѣдѣнія моего дошло, что кто-то распространяетъ слухъ, «будто Воронежскій Губернаторъ сообщилъ Г-ну Главному Началь-«нику Военно-учебныхъ заведеній о слабости надзора надъ воспи-«танниками Воронежской Михайловской военной гимназіи, допу-«щенной въ бытность Вашу начальникомъ оной. Считаю своею «обязанностію симъ удостовѣрить, что въ дѣлахъ губернатора «нѣтъ слѣда о подобномъ заявленіи, ранѣе моего вступленія въ «должность; за время же управленія моего Воронежской губерніею, «т. е. за Сентябрь и Октябрь 1876 года и съ Апрѣля 1877 года «по настоящее время, ничего подобнаго не было, ни на словахъ, «ни на письмѣ, сообщаемо Генералъ-Адъютанту Исакову, ни кому «либо иному. При чемъ позволю себѣ прибавить, что это было «бы противно моему личному взгляду на существовавшій при «Васъ въ гимназіи порядокъ. Такъ какъ, кромѣ извѣстнаго, произ-«шедшаго въ послѣднее время, прискорбнаго случая, за все время «пребыванія моего въ Воронежѣ, я ничего предосудительнаго о «гимназіи и ея дисциплинѣ не слыхалъ, а напротивъ нерѣдко «слышалъ, отзывы вполнѣ благопріятные и посѣщая заведеніе, «всегда выносилъ самое отрадное личное впечатлѣніе.

«Прошу Ваше Превосходительство располагать настоящимъ «письмомъ по Вашему усмотрѣнію и принять увѣреніе въ совре-«менномъ почтеніи и преданности.

Вашъ покорный слуга
Иванъ Звегинцовъ.

Его Прев-ству А. П. Тыртову.

Относительно же упомянутаго нами порока, обнаруженнаго между нѣкоторыми воспитанниками то, по нашему крайнему разумѣнію, развитіе его вовсе не можетъ наложить ни какого пятна ни накого изъ воспитателей и учителей гимназіи, а тѣмъ болѣе на Директора, какъ явленіе случайное, проявившееся не въ стѣнахъ заведенія, а во время отпуска, гдѣ глазъ воспитателей, какъ бы зорко не слѣдилъ за питомцами, не можетъ всего усмотрѣть, тѣмъ болѣе, что вопросъ объ отпускѣ воспитанниковъ всегда глубоко заботилъ Алексѣя Петровича, что мы ясно видимъ изъ его распоряженій и помѣщеннаго ниже циркуляра его къ родителямъ и письмо его къ генералу Исакову, отъ 3 Мая 1878 г. Родители болѣе всего, по нашему виноваты въ слабомъ надзорѣ за дѣтьми, находящимися у нихъ въ отпуску и безучастіи къ исполненію циркуляра и правилъ гимназіи, относительно отпуска. Кромѣ того, развѣ можетъ быть и есть-ли, на самомъ дѣлѣ, заведеніе, въ которомъ среди 500 воспитанниковъ, воспитывающихъ въ стѣнахъ его, не найдется нѣсколько человѣкъ испорченныхъ нравственно! Честь еще и хвала воспитателямъ и начальству гимназіи, что они недопустили этихъ испорченныхъ овецъ, передать свою заразу другимъ... а фактъ на лицо: всѣ воспитанники гимназіи даже и незнали о существованіи этого порока, среди нѣсколькихъ товарищей своихъ и при обнаруженіи его были поражены не менѣе начальства! И мы глубоко убѣждены, что никто изъ бывшихъ питомцевъ и вообще всѣхъ знакомыхъ Алексѣя Петровича, знающихъ это грязное дѣло, даже въ мысляхъ, не укоритъ его въ слабомъ надзорѣ за воспитанниками, какъ причины развитія этого порока, а слухи подобные вышеупомянутымъ, распускаемые нѣкоторыми личностями, даже мы свободно можемъ опровергнуть имѣющими у насъ подъ руками документами. Да и врядъ ли эта клевета можетъ коснуться того человѣка, чьи труды видны для каждаго здравомыслящаго человѣка!

По истинѣ тяжелое время переживала гимназія въ концѣ Августа 1878 года, когда ей приходилось прощаться съ дорогимъ для нея человѣкомъ! Объ переводѣ Алексѣя Петровича, воспитан-

ники узнали послѣ возвращенія изъ каникулярнаго отпуска, въ приказахъ же по гимназіи было объ этомъ объявлено 19 Августа въ № 72. Новаго директора, гимназія увидала, кажется 25 или 26 Августа, когда онъ пріѣхалъ въ гимназію и впервые вошелъ въ нее, сопровождая Командующаго войсками Харьковскаго военнаго округа, при посѣщеніи его гимназіи. 28 Августа Алексѣй Петровичъ прощался со своими бывшими питомцами. Среди присланныхъ намъ воспоминаній, имѣющихъ быть помѣщенными въ послѣдующихъ томахъ нашего изданія, одинъ изъ бывшихъ его питомцевъ гимназіи, такъ описываетъ это прощаніе....„ нѣтъ это было не прощаніе начальника съ воспитанниками, а отца съ любящими его дѣтьми! Помню какъ теперь, какъ простившись съ старшимъ, 4-мъ возрастомъ, Алексѣй Петровичъ, блѣдный взволнованный пришелъ къ намъ, въ 3-ій возрастъ. Мы стояли «въ фронтѣ,» но едва онъ вошелъ и началъ говорить, мы окружили его. Долго говорилъ онъ намъ, давая намъ послѣдніи прощальные наставленія ... Голосъ его дрожалъ. Какъ теперь, помню его слова: «любилъ я васъ, старался сдѣлать для васъ все, что могъ, а если виноватъ передъ кѣмъ, обидѣлъ кого напрасно, простите» плакалъ Алексѣй Петровичъ рыдала и толпа воспитанниковъ, все плотнѣе и плотнѣе прижимаясь къ нему. Перецѣловавъ каждаго отдѣльно, онъ быстро вышелъ изъ залы. Намъ тяжело было, но не легко было и ему. Долго не расходились воспитанники бесѣдуя между собою, тихо пошли потомъ они на гулянье, прямо къ его дому, и неслышно было цѣлый день, ни шума, ни криковъ въ возрастѣ. Говорили тогда, что въ 1 и 2 возрастѣ при прощаніи со многими сдѣлались истерическіе припадки.» 30 Августа утромъ Алексѣй Петровичъ уѣхалъ изъ Воронежа. Въ № 221 «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 2 Сентября помѣщена объ этомъ отъѣздѣ слѣдующая небольшая замѣтка. «*Изъ Воронежа.* 30 Августа» «я только что вернулся съ вокзала желѣзной дороги гдѣ мнѣ довелось быть свидѣтелемъ весьма умилительнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательнаго прощанія воспитанниковъ здѣшней военной гимназіи со своимъ бывшимъ директоромъ А. П. Тыртовымъ, переведеннымъ

въ Полоцкъ. Погода была великолѣпная. На платформѣ, около отдѣльнаго вагона, въ которомъ отъѣхалъ генералъ стояла густая толпа воспитанниковъ и бывшихъ сослуживцевъ. Проводы не имѣли никакого официальнаго характера. Сотня воспитанниковъ, которые были на проводахъ, пришли туда по доброй волѣ пользуясь днемъ отпуска къ родственникамъ. Среди провожавшихъ не мало было и такихъ мальчиковъ кои уже выбыли изъ заведенія—значить и у нихъ осталась добрая память о добромъ человѣкѣ. Родителей и родственниковъ было также не мало. Къ вагону было трудно протѣсниться. Генералъ и его семейство (*) простились съ каждымъ изъ присутствовавшихъ отдѣльно. Могу сказать, что трудно было найти сухой глазъ между провожавшими дѣтьми. Думаю, что эта тяжелая минута разставанія и нѣсколько теплыхъ словъ назиданія и пожеланій сказанныхъ каждому на прощаніе уѣзжавшимъ педагогомъ на долго останутся въ памяти и воспитанниковъ и сослуживцевъ.»

Прибывъ въ Полоцкъ, Алексѣй Петровичъ принялъ гимназію 2 Сентября; 7 Января 1880 г. ему Россійскимъ Обществомъ краснаго креста, состоящимъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы пожалованъ «знакъ краснаго креста» съ свидѣтельствомъ о правѣ ношенія его. 30 Августа 1881 г. онъ Всемилостивѣйше награжденъ подаркомъ по чину. Въ 1882 г. Полоцкая военная гимназія, вмѣстѣ со всѣми остальными была переименована, согласно Высочайшему повелѣнію 22 Іюля въ Кадетскій Корпусъ. 6 Октября того же года, разрѣшенно производить ему добавочную пенсію, въ размѣрѣ 300 рублей въ годъ, за выслугу по учебной части сверхъ 25 лѣтъ, еще 5 лѣтъ. Декабря 1885 г. Полоцкій Корпусъ отпраздновалъ пятидесятилѣтіе со дня своего открытія. 4 Іюня 1886 г. Высочайшимъ приказомъ по Министерству Юстиціи за № 44 онъ назначенъ съ разрѣшенія военнаго Министра, почет-

(*) Семейство А. П. состояло изъ жены, Елизаветы Михайловны урожд. Плѣшковой, трехъ сыновей, всѣхъ воспитывавшихъ въ военной гимназіи Владиміра, Михаила, Петра и двухъ дочерей Ольги и Елизаветы.

нымъ Мировымъ Судьею Полоцкаго Округа Витебской губерніи, а 30 Августа того же года Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Анны 1 степени.

Заканчивая нашъ небольшой очеркъ о жизни Алексѣя Петровича не можемъ не пожелать, чтобы Богъ далъ намъ побольше такихъ какъ онъ педагоговъ—начальниковъ. Онъ много потрудился на благо и пользу нашей дорогой alma—mater употребляя всѣ силы, что бы въ ней—Воронежской военной гимназіи, нынѣ Кадетскій Корпусъ общее направленіе было основано «на любви къ Богу, на благоговѣніи къ постановленіямъ Святой Его церкви, на сыновней преданности престолу, на безкорыстной любви къ Отечеству, на душевномъ сознаніи долга семейнаго и общественнаго, военнаго и гражданскаго, и на современомъ состояніи наукъ въ просвѣщенномъ мірѣ.“ Память о немъ вѣчно будетъ жить въ благодарныхъ сердцахъ его питомцевъ, раскинутыхъ нынѣ «отъ Финскихъ хладныхъ скалъ, до пламенной Колхиды, отъ потрясеннаго Кремля, до стѣнъ недвижнаго Китая»!

Ив. Каргопольцовъ.

А. Д. Рябининъ. (*)

ВОСПОМИНАНІЕ О НЕМЪ БРАТА.

(1833—1879).

Братъ мой, Александръ Дмитріевичъ, младшій изъ насъ троихъ,—сыновей весьма небогатыхъ родителей,—родился 11-го Февраля 1833 года, Воронежской губ. въ Валуйскомъ уѣздѣ. Онъ остался четырехлѣтнимъ ребенкомъ послѣ смерти отца; но дѣтство маленькаго Саши проходило счастливо, благодаря попеченіямъ нашей матери, которая всю свою жизнь во вдовствѣ посвятила дѣтямъ. Александръ былъ ея кумиромъ, да и баловнемъ всей семьи. Такое привиллегированное положеніе досталось ему не только какъ младшему изъ дѣтей, но и какъ подававшему богатые задатки счастливыхъ качествъ и способностей. Это былъ пресимпатичный мальчикъ, очень живой и рѣзвый, но кроткій и безгранично добрый: баловство со стороны всѣхъ окружающихъ не испортило ничуть въ немъ характера, а напротивъ,—какъ будто смягчило порывистую натуру чертою женственной нѣжности,—чертою, уцѣлевшею

(*) Въ 1 томѣ нашего изданія согласно программы, должны быть помѣщены только матеріалы къ исторіи корпуса и воспоминанія за періодъ отъ 1870—1878 г. Но помѣщая эту статью почтеннаго Д. Д. Рябинина мы желаемъ, такъ сказать вызвать воспоминанія о первыхъ періодахъ жизни въ корпусѣ среди питомцевъ его, въ надеждѣ, что и они не откажутся подѣлиться ими съ нами для помѣщенія ихъ въ послѣдующихъ томахъ заключающихъ въ себѣ матеріалы для исторіи корпуса въ остальные годы его существованія. Портретъ Александра Дмитріевича Рябинина помѣщенъ въ 1 выпускѣ «Альбома». *Издатель.*

въ немъ навсегда.—Выписныхъ гувернеровъ и учителей у насъ не было; ихъ замѣняла сама мать наша, бывшая воспитанница Екатерининскаго института, женщина довольно образованная по своему времени; поэтому, первые уроки до семилѣтняго возраста Александра и первые начатки его нравственнаго и умственнаго развитія принадлежали всецѣло ей одной. Далѣе-же роль педагога, вовсе нетрудная съ такимъ понятливымъ и любознательнымъ ученикомъ, пала на меня старшаго (семью годами) брата его и продолжалась до тѣхъ поръ, какъ Александру стукнуло 12 лѣтъ. Надо сказать здѣсь, что за годъ передъ тѣмъ, или болѣе, матушка усиленно ходатайствовала о принятіи Александра въ имѣющій открыться въ Воронежѣ Кадетскій Корпусъ, который строился на средства, пожертвованныя въ 1836 г. генералъ-маіоромъ Николаемъ Дмитріевичемъ Чертковымъ. Хлопоты эти были не безуспѣшны: послѣдовало желанное согласіе на зачисленіе нашего отрока въ число пансіонеровъ основателя и попечителя Корпуса, конечно подъ условіемъ вступительнаго экзамена,—хотя будущій воспитанникъ нѣсколько переросъ уже возрастъ, установленный для принятія. И вотъ, въ Августѣ или Сентябрѣ 1845 года, повезла на искусъ нашего птенца сама матушка, въ губернскій городъ, за двѣсти слишкомъ верстъ отъ нашего деревенскаго захолустья. Директоромъ новаго Корпуса былъ генералъ-маіоръ Александръ Дмитріевичъ Винтуловъ, а инспекторомъ классовъ полковникъ Викторъ Андреевичъ Половцовъ. Въ ихъ присутствіи, а равно и Алексѣя Николаевича Черткова, двоюроднаго брата попечителя Корпуса и уполномоченнаго его довѣренностію (по вопросамъ, касавшимся Чертковскихъ пансіонеровъ), происходило испытаніе съ ѣхавшихся дѣтишекъ. Оно, для нашего новобранца, окончалось вполнѣ благополучно: онъ оказался по экзамену однимъ изъ наилучше приготовленныхъ и объявленъ принятымъ. Кстати, назову здѣсь имена нѣкоторыхъ кадетъ, одновременно съ нимъ принятыхъ, какіе сохранились въ моей памяти. Не считая сыновей самого директора (Петра и Николая) это были: отъ *Воронежскаго* уѣзда: Карѣевъ, Самбикинъ, Прибытковъ, Левинецъ; *Бобровскаго*—Суво-

ринъ (Алексѣй Сергѣевичъ, нынѣ извѣстный литераторъ-журналистъ); *Нижнедѣвицкаго*—Яковлевъ (1-й); *Острогожскаго*—Разуваевъ (1-й); *Коротоякаго*—Троцкій, Переверзевъ; *Валуйскаго*—Титовъ (Александръ), Кузинъ (Иванъ); *Павловскаго*—Катасоновъ (рослый и дюжій не по лѣтамъ). Уроженцы, не помню какихъ уѣздовъ и даже губерній: Михайловъ, Максимовъ, Ковердяевъ, Двигубскій Макшеевъ-Мошковъ (впослѣдствіи вышедшій въ Генеральный Штабъ), Груздевъ (послѣ скоро-умершій въ Корпусѣ). Прочихъ не помню.

8-го Ноября 1845 года состоялось торжественное открытіе Корпуса, названнаго *Михайловскимъ*, въ честь Его Высочества, Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній, великаго князя Михаила Павловича, лично положившаго первый камень при закладкѣ корпуснаго зданія, въ 1837 году. Комплектъ кадетовъ—батальонъ четырехсотеннаго состава—сформировался не вдругъ, а постепенно: сперва составилась одна рота, а въ слѣдующіе три года образовались три остальныя роты до полнаго комплекта. Недоставшее число воспитанниковъ пополнялось каждогодными пріемами новыхъ, какъ непосредственно поступавшихъ въ Михайловскій Воронежскій Кадетскій Корпусъ изъ уроженцевъ-дворянъ мѣстной и приписныхъ губерній (*), такъ и переходившихъ изъ приготовительнаго заведенія, какимъ служилъ для него Тамбовскій Кадетскій Корпусъ, въ комплектѣ одной неранжированной роты. По Высочайшему повелѣнію, это послѣднее заведеніе, съ 1838 года, изъ самостоятельнаго превратилось въ филіальный отдѣлъ Воронежскаго Корпуса, подъ ближайшимъ управленіемъ особаго командира (въ 1845 г. полковника Пташника, по происхожденію малоросса), и подъ начальственнымъ контролемъ директора Винтулова.

Первые годы существованія Воронежскаго Кадетскаго Корпуса памятны у насъ какъ самая цвѣтущая, самая свѣтлая пора въ его жизни. Учебныя заведенія, обыкновенно отражаютъ на себѣ

(*) Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Войска Донскаго и Кавказской Области.

всѣ перипетіи человѣческаго бытія, также переживая возрастъ юности, съ ея надеждами и роскошными посулами. Общаго закона не миновалъ и Воронежскій Корпусъ. Онъ быстро вошелъ у насъ въ большую моду, и это было тѣмъ легче, что прочія мѣстныя воспитательно-учебныя учрежденія конкурировать съ нимъ не могли. Куда-же было тянуться тогда за такимъ *аристократомъ* другимъ учебнымъ заведеніямъ! Корпусъ просто щеголялъ между ними какъ баринъ между плебеями,—щеголялъ новою обстановкой, избыточными матеріальными средствами, подборомъ лучшихъ и дѣльнѣйшихъ преподавателей, притягиваемыхъ, напримѣръ, изъ губернской гимназіи, крупными служебными преимуществами и болѣе щедрыми окладами содержанія; щеголялъ, сравнительно съ прочими средне-образовательными заведеніями, внѣшнею элегантностью и независимостью отъ мѣстныхъ властей.... И нашимъ добрымъ Воронежцамъ все нравилось въ этомъ свѣженькомъ питомникѣ учащагося дворянскаго юношества: его начальство, строевые порядки, сословная обособленность «благородныхъ» дѣтей отъ разночинцевъ, бытъ и содержаніе кадетъ, ихъ одежда, ихъ пища, (дѣйствительно здоровая и питательная, приготовляемая всегда изъ свѣжихъ припасовъ),—однимъ словомъ, нравилось все вообще, безъ дальнѣйшаго критическаго анализа, для какого и не настало еще тогда время, столь многоплодное въ наши нынѣшніе дни сложными вопросами и требованіями.... Но насколько могло и умѣло въ ту приснославленную эпоху проявляться въ провинціи такъ называемое «общественное мнѣніе», оно громко подавало свой голосъ, въ видѣ единодушныхъ похвалъ на всѣ лады, (славословить, вѣдь, никому не возбранялось),—и словно въ тонъ этому поощрительному говору доброй молвы, суровые казенно-форменные порядки, долженствовавшіе неизбѣжно водвориться въ Корпусѣ, по исконнымъ традиціямъ,—какъ-то стушовывались передъ этой молвой, отступая на задній планъ, что выказывалось въ маленькихъ уступкахъ любопытству заинтересованной публики, т. е. родителей, родичей кадетъ и даже постороннихъ лицъ. Въ условные дни и часы для посѣщеній, приходящіе были допускаемы безпрепятствен-

но не только въ пріемную комнату, но и въ другія залы, какъ-то: столовыя, дортуарныя и проч. Иногда дозволялось гостямъ присутствовать при ужинѣ воспитанниковъ и даже при отходѣ ихъ на сонъ грядущій: любезность, не разъ испытанная мною самимъ. Впослѣдствіи на всѣ подобныя льготы наложенъ былъ безусловный запретъ,—какъ помнится, съ 1848 года, когда, вообще установились многіе небывалыя прежде строгости. Въ первые же три года не слышно было и о томъ суровомъ обращеніи съ кадетами, про которое заговорили съ того времени,—какъ напримѣръ, про безпощадныя, будто бы, сѣченія розгами передъ ротами или цѣлымъ батальономъ, выстраиваемыми въ большой залѣ, ради вящшей торжественности и назидательности такихъ зрѣлищъ....

Но до этого времени было тогда еще далеко. Самъ директоръ, человѣкъ, безпорно, очень умный, отлично свѣдущій по своей части и гордый (въ хорошемъ значеніи этого слова), хотя и порядочный деспотъ въ душѣ, искренно заботясь о пользѣ Корпуса, старался окружать себя дѣльными и просвѣщенными сотрудниками по службѣ, начиная отъ учителей, до ротныхъ командировъ и *отдѣленныхъ* офицеровъ. Я помню (и зналъ лично) нѣкоторыхъ изъ числа первыхъ. Напримѣръ, П. В. Малыхина, А. А. Хованскаго (впослѣдствіи издателя-редактора «Филологическихъ Записокъ»), Н. Н. Глотова, Славатинскаго, Спримона, С. П. Павлова (художника, учителя рисованія), а нѣсколько позднѣе—М. Ѳ. Де-Пуле и Н. С. Тарачкова. Вообще классная часть шла весьма успѣшно. Наставники, въ большинствѣ своемъ, умѣли пріобрѣсти полезное нравственное вліяніе на учащихся, не злоупотребляя властію въ классахъ и приватно бесѣдуя съ ними внѣ уроковъ, чѣмъ возбуждались въ дѣтяхъ любознательность и соревнованіе. Относительно названныхъ выше учителей я постоянно слышалъ добрые отзывы отъ многихъ бывшихъ кадетъ, говорившихъ о нихъ съ признательной памятью и любовію,—особенно о П. В. Малыхинѣ, М. Ѳ. Де-Пуле и Н. С. Тарачковѣ.

Изъ числа ротныхъ командировъ и отдѣленныхъ офицеровъ мнѣ помнятся: капитанъ Шубинъ, Ждановичъ, Нарбутъ, Лосевъ,

Маллеръ. Эти представители военно-строеваго элемента, состоявшіе сперва подъ вѣдѣніемъ баталіоннаго командира полковника Корвинъ-Красинскаго, (а впослѣдствіи—полковника Филипьева), остались у меня въ памяти, по ихъ приличному тону и отсутствію армейско-полицейскихъ замашекъ; главнымъ-же образомъ, по ихъ толковому обращенію съ воспитанниками, гдѣ требовался большой тактъ.

На развитіе въ послѣднихъ общительности, умѣнья держать себя въ обществѣ, склонности къ изящному, образованіе вкуса и, вообще, на нравственное развитіе ихъ со стороны сердца, имѣла важное вліяніе жена директора, Александра Петровна (рожденная Сонцева). Эту замѣчательно разумную и, въ высокой степени, добрую женщину, кадеты недаромъ называли (конечно, *заглазно*) своимъ добрымъ геніемъ и ангеломъ хранителемъ, какъ искусную за нихъ предстательницу отъ грозныхъ расправъ, насколько ей возможно было узнавать о готовящихся возмездіяхъ и обезоруживать гнѣвъ строгаго карателя. Она умѣла обращать вниманіе на выдававшихся по успѣхамъ и способностямъ воспитанниковъ и старалась какъ-бы съютить ихъ съ своимъ семействомъ, гдѣ собирала ихъ въ свободное отъ занятій время, развлекая всѣхъ то общими бесѣдами, то увлекательными чтеніями, то разными замысловатыми играми и неотразимо дѣйствуя ласковымъ словомъ на молодыя сердца, въ которыхъ вселяла горячія сочувствія ко всему возвышенному и доброму. И долго, долго вспоминали послѣ кадеты материнскія ласки этой превосходной женщины, когда ее не стало. Братъ мой тоже принадлежалъ къ числу принятыхъ въ ея семейномъ кружку и не иначе говорилъ о ней, какъ со слезами на глазахъ. Смерть покойницы отразилась замѣтною пустотой на жизни питомцевъ Корпуса и, притомъ, совпала, страннымъ образомъ, съ увеличеніемъ излишнихъ строгостей въ школьномъ быту, началомъ крутыхъ мѣръ (конечно предписанныхъ свыше), безконечнаго «подтягиванья», системы подозрительнаго наблюденія, неумолимыхъ взысканій и господства «шагистики»... Нависшая туча разсѣялась не скоро.

Александръ нашъ, освоившійся очень скоро съ корпуснымъ житьемъ, съ первыхъ-же поръ своего поступленія заявилъ себя съ выгодной стороны по отличному поведенію и успѣхамъ. У меня сохранилось множеетво его тогдашнихъ писемъ къ матери, съ самыми лестными о немъ аттестаціями начальниковъ, обыкновенно въ видѣ ихъ собственноручныхъ внизу приписокъ. Отзывы эти, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, были неизмѣнно похвальны, а въ особенности сдѣлались еще благопріятнѣе съ тѣхъ поръ, какъ нашъ кадетъ произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры. Но вотъ, въ одно прекрасное утро, передъ наступленіемъ каникулъ, когда обыкновенно родители или родственники воспитанниковъ готовились отправляться въ путь за увольняемыми въ отпускъ кадетами (что всегда, касательно брата, исполнялъ я, вмѣсто больной и полуослѣпшей матери),—получается внезапно оффиціальная бумага на ея имя, за подписью самого директора. Содержаніе этой бумаги гласило, «что хотя Александръ Рябининъ, по успѣхамъ его въ классныхъ занятіяхъ, и удостоенъ перевода въ высшій классъ; но что въ виду понизившихся отмѣтокъ о его поведеніи, онъ не можетъ быть уволенъ въ отпускъ и долженъ провести вакантное время въ лагерѣ, *тѣмъ болѣе, что ему предстоитъ отправляться, вмѣстѣ съ другими товарищами, въ Петербургъ*, для установленнаго поступленія въ спеціальные классы Дворянскаго полка» (*)

Это было въ 1851-мъ году,—дѣйствительно послѣднемъ году пребыванія въ Воронежскомъ Корпусѣ воспитанниковъ, окончившихъ въ немъ шестиклассный общій курсъ. Такое зловѣщее посланіе генерала Винтулова, лишавшее нашу больную мать всякой возможности проститься съ любимцемъ-сыномъ передъ отбытіемъ его въ Питеръ, поразило старушку большимъ горемъ. Думали мы, думали съ нею, какъ тутъ поступить,—и рѣшились написать къ его превосходительству умилостивительное письмо, въ которомъ,—помню я,—просьба матери мотивировалась почти тѣмъ-же генеральскимъ аргументомъ, какой былъ употребленъ въ полученномъ

(*) Нынѣ Константиновское военное училище.

нами отказѣ на отпускъ провинившагося чѣмъ-то нашего кадета. «*Тѣмъ болѣе* (заканчивали мы слезное наше челобитье), *что наканунѣ отъѣзда воспитанника Александра Рябинина въ Петербургъ,* наканунѣ долгой разлуки съ нимъ, мать желаетъ имѣть утѣшеніе проститься съ сыномъ и проситъ дозволенія прислать за нимъ старшаго его брата.» —Въ отвѣтъ мы получили вѣжливое согласіе А. Д. Винтулова на эту просьбу; но оно, однако, обусловливалось сокращеннымъ до половины Іюля срокомъ отпуска и обратнымъ прибытіемъ увольняемаго въ лагерь, къ извѣстному числу.

Поѣхалъ я за Сашей и, по пріѣздѣ въ Воронежъ, получилъ, черезъ адъютанта Сипягина, словесное приглашеніе побывать сперва у его превосходительства, по утру въ десять часовъ.

Я, въ назначенный часъ, не преминулъ явиться, одѣвшись во фракъ. Генеральская квартира была во второмъ этажѣ одного изъ казенныхъ большихъ флигелей, справа отъ главнаго корпуснаго зданія. По докладѣ обо мнѣ, я былъ введенъ въ залу и, черезъ нѣсколько минутъ, генералъ вышелъ ко мнѣ. Какъ подобало молодому и малочиновному человѣку (мнѣ было тогда 25 л.), я стоялъ среди комнаты, въ почтительной позѣ, а генералъ былъ облеченъ въ застегнутый халатъ, сюртучнаго покроя, съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ. Остановлюсь на нѣсколькихъ словахъ о его наружности.

Это былъ человѣкъ небольшаго роста, но весьма сановитый и бодрый, съ довольно густыми, коротко остриженными волосами; черты его были неправильны и нѣсколько калмыковаты, но общее выраженіе лица не имѣло въ себѣ ничего непріятнаго или жесткаго, хотя было серьезно. Не большіе глаза такъ и свѣтились умомъ и озаряли имъ всю физіономію. Говорилъ онъ бѣгло, чуть-чуть картавя, громко и живо. Вѣжливо отвѣтивъ на мой глубокій поклонъ, онъ, однако, не подалъ мнѣ руки и сѣсть не предложилъ, оставаясь самъ на ногахъ, во все время нашего разговора.

— Улучшилось ли здоровье вашей почтенной матушки?— началъ онъ,—каково теперь состояніе ея зрѣнія?

— Не совсѣмъ хорошо, в. п.; она не могла, поэтому лично

поблагодарить васъ за снисхожденіе, оказанное ея просьбѣ объ отпускѣ моего брата, и теперь, посылая за нимъ, поручила мнѣ выразить это передъ вами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и освѣдомиться: чѣмъ имѣлъ несчастіе братъ мой навлечь на себя неблагопріятный отзывъ о его поведеніи.

— Именно затѣмъ-то я и предложилъ вамъ навѣдаться ко мнѣ, чтобъ это высказать. Единственно изъ уваженія моего къ изъявленному столь убѣдительно желанію матушки вашей, я разрѣшилъ отпускъ вашему брату; но самъ по себѣ онъ этого не заслуживаетъ. Мальчикъ сталъ портиться, колобродничать, возмечталъ что-то о себѣ. Въ немъ сдѣлалась видимая перемѣна къ худшему. Я разумѣю перемѣну въ отношеніи нравственномъ, зависящую не отъ какихъ-либо намъ извѣстныхъ причинъ. Вы молодой человѣкъ, я полагаю, достаточно знаете, что я принималъ искреннее участіе въ вашемъ братѣ и, въ первые годы его корпуснаго житья, былъ имъ совершенно доволенъ, какъ и всѣ ближайшіе надъ нимъ начальники. Мальчикъ велъ себя какъ нелязя лучше,— тихо, безупречно, благонравно; по классамъ тоже шелъ отлично,— кромѣ, впрочемъ математики, въ которой немножко прихрамывалъ, получая по этому предмету баллы посредственные... ну, да по классной части, вообще говоря, онъ и теперь ничего... учится не хуже прежняго. Зато въ поведеніи его, повторяю я, произошла съ нѣкотораго времени,--и давно уже,—перемѣна разительная. Не то, чтобы онъ явно манкировалъ своими обязанностями или позволялъ себѣ особенно выдающіяся выходки или проступки чрезвычайные: этого у меня дѣлать никто и ни въ какомъ случаѣ не посмѣетъ. Знаютъ, вѣдь, что подобныхъ вещей я спускать ни кому не люблю и не умѣю и что расправа у меня короткая. Но, видите-ли, у брата вашего завелась откуда-то особенная манера держать себя, манера какого-то пассивнаго соблюденія правилъ нашихъ, пассивнаго повиновенія начальству... Онъ, по видимому, исполняетъ все, что отъ него требуется, и съ этой стороны придраться къ нему не за что, то-есть, нѣтъ достаточно-очевиднаго предлога. Но какъ исполняетъ? Безъ охоты, безъ любви къ дѣлу,

безъ участія дѣятельной воли, автоматично, механически, ограничиваясь наружнымъ, холоднымъ послушаніемъ. А у самого совсѣмъ не то на умѣ. Куда! Онъ тайкомъ не пропускаетъ случая безнаказанно поглумиться надъ порядками заведенія, скрытно вольнодумничаетъ передъ своею школьною братіей, проповѣдуя бѣднымъ олухамъ какія-то вздорныя идеи о пріятностяхъ жизни на-распашку, о прелестяхъ мирной хижины и сельской свободы, при чемъ, конечно, расточаются фантазіи на тему скорой отставки, вслѣдъ за производствомъ въ великій чинъ прапорщика... и такъ далѣе. А всего возмутительнѣе въ немъ, въ вашемъ миломъ братцѣ,—это замѣченное нами пренебрежительное отношеніе къ религіознымъ обязанностямъ, къ наставленіямъ духовно-нравственнымъ. Напримѣръ, надобно видѣть его въ церкви, надобно слѣдить, съ какою двусмысленною миной онъ стоитъ на общей молитвѣ, подходитъ къ св. кресту, слушаетъ проповѣдь... Я васъ спрашиваю: какой выйдетъ изъ него добрый слуга Царю и Отечеству, при столь несчастномъ настроеніи мыслей и при отсутствіи священныхъ вѣрованій? Какой будетъ въ немъ путь и для частной жизни?—Я самъ вѣкъ изжилъ на царской службѣ и дослужился, благодаря Бога и моего Государя, до чина повыше, чѣмъ у послѣдней спицы въ колесницѣ, вѣроятно потому, что всякое дѣло въ жизни привыкъ съ молоду начинать, осѣнивъ лобъ крестомъ. Да, усердная молитва есть сила великая! Всякое благо среди добрыхъ людей, какъ и семейное счастіе, ниспосылаются къ намъ этой силой.

— Я слышу—былъ мой отвѣтъ—слышу съ глубокимъ огорченіемъ и даже съ ужасомъ о такомъ печальномъ нравственномъ перерожденіи въ моемъ братѣ, какое в. п. изволите находить въ немъ теперь, почти наканунѣ его перехода въ Петербургъ. Перерожденіе это тѣмъ изумительнѣе, что оно не объясняется никакими видимыми обстоятельствами и причинами. Откуда-бы могла *здѣсь* подобная порча зародиться въ молодомъ мальчикѣ и овладѣть имъ? — Смѣю припомнить вашему пр-ству, что изъ рукъ нашей матери, изъ среды родной семьи, онъ принятъ въ Кадетскій Корпусъ чистымъ нравственно и что домашнимъ

направленіемъ Александра вы, генералъ, были вполнѣ довольны....

Легкая краска показалась на лицѣ директора. Онъ снова заговорилъ горячо и скоро.

—Вы, кажется, хотите намекнуть, что вашъ братъ сбился съ толку у насъ въ Корпусѣ? Вы очень ошибаетесь, милостивый государь. Корпусъ здѣсь не при чемъ. На мальчишку, очевидно, нашла блажь отъ вліяній какихъ то постороннихъ, совершенно чуждыхъ заведенію, которое не усыпно охраняется нашими заботами отъ всякой зловредной заразы. Поэтому, упрекъ въ допущеніи чего-нибудь въ этомъ родѣ такъ же мало можетъ касаться нашего Корпуса, какъ и родительскаго дома, какъ и роднаго семейства... Даже менѣе, если взять во вниманіе, что семьи бываютъ слишкомъ различны и не всѣ представляютъ образцы нравственной выдержки. Но, впрочемъ, этотъ предметъ отводитъ насъ въ сторону отъ прямой дороги. Вы сейчасъ высказали недоумѣніе: откуда молъ братъ вашъ могъ нахвататься всякой чепухи?—Да Боже мой, мало-ли откуда! всѣхъ угловъ и щелей въ городѣ не перечесть. Вѣдь, братъ-то вашъ наравнѣ съ прочими кадетами, пользуется общимъ правомъ возрастныхъ воспитанниковъ—ходить въ отпуски, по праздникамъ и воскресеньямъ, безъ провожатыхъ. Это вездѣ допускается потому, что держать мальчиковъ вѣчно въ заперти,—когда за ними въ теченіи недѣли, нѣтъ вины,—было бы невозможно и неблагоразумно. Конечно и тутъ встрѣчаются нежелательныя злоупотребленія и обманы, противъ которыхъ, однако, ничего не подѣлаешь. Записывается въ отпускъ каждый изъ не проштрафившихся подростковъ, беретъ билетъ на имя лицъ, намъ извѣстныхъ, благонадежныхъ. А шляться по городу можетъ куда угодно, лишь бы не попался на глаза начальству въ чемъ нибудь недозволенномъ. Прошу покорно услѣдить, къ кому таскаются эти мальчишки и съ кѣмъ якшаются! Вотъ именно такъ могло случиться и съ вашимъ братомъ, и туть-то ему было легко набраться всякой всячины, при неразборчивости въ знакомствахъ. Я говорю съ вами объ этомъ потому, что онъ у насъ оканчиваетъ

общій курсъ и скоро отправится въ Петербургъ, для поступленія въ спеціальный: считаю долгомъ указать вамъ на крайнюю опасность для него быть тамъ замѣченнымъ въ вольнодумствѣ и безбожіи. Онъ можетъ совсѣмъ погибнуть. Передайте-ка отъ меня вашей почтенной матушкѣ все, что я говорилъ. Пусть она внушитъ ему необходимую осторожность въ словахъ и поступкахъ, да если можно, то повліяетъ къ совершенной перемѣнѣ въ образѣ мыслей. Материнское увѣщаніе дѣйствуетъ сильнѣе всякаго начальническаго нагоняя. Теперь еще не ушло время остеречь молокососа отъ бѣды непоправимой; дальше—это было бы уже поздно. Вы понимаете, что все, слышанное вами отъ меня, я говорилъ только изъ участія къ нему, какъ старый его начальникъ и какъ отецъ собственнаго семейства. Болѣе сдѣлать ничего не могу. Прощайте-съ. Засимъ, можете съ нимъ ѣхать.

Я отвѣсилъ генералу почтительный поклонъ и на этотъ разъ имѣлъ честь пожать его благородную руку.

Черезъ полчаса увидѣвшись съ Сашей, я пересказалъ ему весь вышеприведенный разговоръ, при чемъ, разумѣется, не поскупился на пени и выговоры.

— «Помилуй, оправдывался обвиняемый,—самъ не знаю съ чего, я здѣсь безъ вины виноватый, вотъ уже больше полутора года. Меня подозрѣваютъ въ чемъ-то, слѣдятъ за мною на каждомъ шагу; генералъ смотритъ на меня звѣремъ, ловитъ глазами малѣйшее мое движеніе, прислушивается ко всякому моему слову.... Въ классахъ, въ церкви напримѣръ, пронизываетъ своими строгими взглядами меня всего насквозь, такъ, что я незнаю куда дѣваться и что дѣлать. Офицеры наши и тоже этотъ ханжа С***— особенно за мною шпіонятъ и все наговариваютъ на меня генералу небывальщины... Чего хотятъ отъ меня и что за напасть такая—не понимаю. По неволѣ, иной разъ, не въ пору выскажешься передъ товарищами про наше житье бытье горемычное, отъ котораго просто бѣжалъ бы куда глаза глядятъ!... А что до знакомствъ какихъ-то подозрительныхъ, то у меня, ей Богу, ихъ не водится и никогда не было...»

Но какъ ни оправдывался передо мной Саша, какъ ни отнѣкивался, а я чувствовалъ, что онъ во многомъ таки грѣшенъ и что генералу не изъ чего было преслѣдовать его ни съ того, ни съ сего. Въ словахъ старика, въ ихъ тонѣ чуялась доля правды. Очевидно, что нашъ малый, увлекаемый обыкновеннымъ въ его возрастѣ броженіемъ мыслей и чувствъ, позволялъ себѣ, изподтишка, лишнія и необдуманныя выходки. Положимъ, усердные пѣстуны юношества изъ мухи дѣлали слона, но самая «муха» была несомнѣнно.... Ниже мы увидимъ также, что старый генералъ былъ выше всякихъ побужденій мелочной злобы и мстительности и что онъ всегда готовъ былъ выручать изъ бѣдъ своихъ прежнихъ питомцевъ, своихъ «Михайловцевъ», на сколько могъ это дѣлать.

Кадеты перваго выпуска выбрались въ путь изъ Воронежа, сколько помню 26 Іюля 1851 года, въ сопровожденіи одного изъ офицеровъ. Генералъ, на прощанье, сказалъ всѣмъ отъѣзжавшимъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ и обѣщалъ не оставлять и въ Питерѣ юныхъ Воронежцевъ, посильною поддержкой и содѣйствіемъ, предоставляя имъ обращаться къ нему, въ случаѣ надобности. Съ братомъ моимъ онъ простился тепло, сердечно, не поминая ему прежнихъ грѣховъ. Самъ генералъ поѣхалъ почти вслѣдъ за отправлявшимися, такъ какъ отвозилъ въ Петербургъ своихъ сыновей, для помѣщенія въ Училище гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ (что нынѣ Николаевское кавалерійское) и, притомъ хотѣлъ лично присутствовать при сдачѣ большинства Воронежцевъ-кадетъ въ Дворянскій полкъ, чѣмъ былъ живо заинтересованъ. Первый ихъ выпускъ не посрамилъ репутаціи своего корпуса и зарекомендовалъ себя блистательно передъ главнымъ начальствомъ военно-учебныхъ заведеній; а старикъ-генералъ былъ этимъ очень утѣшенъ: онъ видимо торжествовалъ, гордясь своими «молодчиками»

Скоро представился случай доказать на дѣлѣ какъ этотъ твердый и честный человѣкъ умѣлъ постоять за *своихъ* и какъ близко принималъ къ сердцу положеніе каждаго. Брату моему пришлось

изъ первыхъ испытать на себѣ пользу его участія. Новое ближайшее начальство, педантично взыскательное въ мельчайшемъ изученіи всѣхъ ремешковыхъ таинствъ пѣхотнаго строя, которымъ особенно славился Дворянскій полкъ,—сильно не взлюбило благовоспитаннаго и самолюбиваго подростка *Винтуловской закваски*, дерзавшаго имѣть видъ существа мыслящаго, что въ Дворянскомъ полку, съ грозныхъ временъ знаменитаго генерала Пущина, признавалось преступленіемъ противъ регламента воинской субординаціи, въ особенности со стороны новичковъ. (*) Посыпались на бѣдняжку выговоры, распеканціи, отказы въ воскресныхъ отпускахъ. Однимъ словомъ, воздвиглись тѣ безконечныя мелкія гоненія, которыя иногда доводятъ молодыхъ людей до отчаянія, до рѣшимости на важные проступки и потомъ до наказаній весьма суровыхъ. Чтобы избѣгнуть бѣды, оставалось одно средство спасенія: перейти въ другую роту и другой батальонъ (ихъ было въ Дворянскомъ полку два); но это было не легко для воспитанника: перепрашиваться отъ одного командира къ другому безъ видимо-уважительной причины отнюдь не дозволялось, и нужно было, чтобы замолвилось чье-нибудь вѣское слово за просителя. Вотъ нашъ Александръ и обратился къ своему бывшему начальнику, воспользовавшись однимъ случаемъ его пріѣзда въ столицу. Тотъ мигомъ уладилъ это дѣло своимъ ходатайствомъ и мой юноша добился перевода, по желанію; тогда положеніе его измѣнилось къ лучшему. Онъ писалъ объ этомъ къ генералу, въ Воронежъ, и получилъ слѣдующій собственноручный отвѣтъ, сохранившійся въ посмертныхъ бумагахъ моего брата и приводимый здѣсь дословно:

Воронежъ, 6 Февраля 1852 года.

«Меня порадовало, любезный тёзка (**), письмо твое отъ 18 прошлаго мѣсяца, во первыхъ потому, что ты вспомнилъ меня;

(*) Директоромъ Двор. полка былъ тогда (т. е. при братѣ моемъ) генералъ *Воронецъ*, кажется пріемникъ Пущина.

(**) Имя обоихъ—(А. Д. Винтулова и брата моего) было одинаково: *Александръ Дмитріевичъ*.

а еще болѣе потому, что твои дѣла поправились. Поблагодари отъ имени моего, своего ротнаго командира, капитана Стебницкаго, за участіе, которое принялъ въ тебѣ.»

«Съ удовольствіемъ я прочиталъ о твоей надеждѣ быть подпорою матери.—Какъ-бы я желалъ, чтобы каждый изъ васъ имѣлъ постоянно въ виду эту цѣль,—и тогда вы будете честные, благородные мальчики, добрые слуги Государя, достойные сыны нашей славной родины. Да, вѣрь, мой милый, когда въ человѣкѣ вкоренится прочно мысль быть добрымъ сыномъ, то она поведетъ его и къ образованію, и ко всему честному, возвышенному, истинно, но не ложно, благородному. А припомните, мои милые друзья, не то ли вамъ постоянно твердилъ вашъ старый начальникъ и другъ?—Если ты прочтешь мое письмо нашимъ Михайловцамъ, то, можетъ-быть, нѣкоторые скажутъ: Генералъ опять ворчитъ,—но это старая пѣсня. Правда, друзья мои, пѣсня старая, но правдивая, которую я пою ежедневно моимъ дѣтямъ, а слѣдовательно и вамъ, и которую буду пѣть, пока не закрою глаза.—Настанетъ возрастъ разсудка и вы скажете, что я пѣлъ правду, которую узналъ опытомъ и за которую ни передъ кѣмъ не краснѣю. Слѣдовательно, ведите себя хорошо, учитесь прилежно, будьте скромны, честны и благородны; а затѣмъ—можете называть меня въ тихомолку воркуномъ;—говорю «въ тихомолку» потому, что если услышу,—то выдеру уши.

«Пожалѣлъ я о Двигубскомъ,—но онъ самъ напросился на бѣду; а каково перенести эту бѣду и ему самому, а того болѣе его родителямъ, надѣявшимся видѣть въ немъ подпору старости.—Я слышалъ, что нашъ Самбикинъ продолжаетъ школьничать. Скажи ему отъ меня, что пора сдѣлаться человѣкомъ и бросить дурачества. Зачѣмъ-же онъ стыдитъ меня? Рязвѣ для того, чтобы я отрекся отъ него.—

«Цѣлую васъ всѣхъ, мои бывшіе кадеты,—какъ другъ; благословляю васъ, какъ-бы благословляли васъ ваши родители, потому что люблю васъ столько-же. Если Богъ поможетъ и Его Вычество позволитъ, то надѣюсь въ Августѣ видѣться съ вами и

подрать за уши юныхъ прапорщиковъ. До того времени прощайте и вспомните иногда любящаго васъ искренне и, мысленно, почти всегда при васъ находящагося, А. Винтулова.

«Богъ съ вами: да осѣнитъ Онъ васъ Своею благодатію».

Кромѣ этого письма, обрисовывающаго довольно хорошо личность почтеннаго человѣка и его отеческія отношенія къ бывшимъ своимъ воспитанникамъ, сохранились еще кое-какія другія письма: отъ остававшихся въ Воронежѣ товарищей Александра, съ которыми онъ не разрывалъ дружеской связи, и отъ прежнихъ его начальниковъ и наставниковъ. Изъ этихъ послѣднихъ писемъ одно отъ бывшаго ротнаго его командира, добродушнаго капитана Нарбута, а другое отъ наставника-наблюдателя, подполковника Никифора Никифоровича Глотова, служившаго прежде во флотѣ и преподававшаго въ Воронежскомъ корпусѣ математику. Глотовъ былъ особенно расположенъ къ моему брату, хотя тотъ не слишкомъ любилъ его предметъ, платя наставнику впрочемъ, равными чувствами личной пріязни и уваженія. Для характеристики писавшихъ лицъ и отношеній ихъ къ брату моему, считаю не излишнимъ привести здѣсь эти эпистолы:

I-е) 26 Января 1852 года. Любезнѣйшій Александръ Дмитріевичъ! Отъ всей души благодарю Васъ за доброе расположеніе Ваше; вѣрьте, что письма Ваши доставляютъ мнѣ большое удовольствіе. Не знаю съ чѣмъ сравнить чувства при полученіи извѣстій отъ добраго кадета, гдѣ видна искренняя благодарность, можетъ быть даже и незаслуженная мною; но какъ каждый человѣкъ, болѣе или менѣе,—эгоистъ,—думаетъ, что можетъ быть и на самомъ дѣлѣ заслужилъ его (sic), это есть истинная награда намъ за труды.—Очень сожалѣю, что Вы праздникъ провели не въ кругу родныхъ; что дѣлать—нужно покориться обстоятельствамъ. Особенно новаго у насъ въ корпусѣ ничего нѣтъ, кадеты стараются подражать Вамъ; съ большимъ удовольствіемъ читали отчетъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, въ которомъ Вы взяли верхъ надъ прочими корпусами. Генерала нашего много обрадовалъ Вашъ успѣхъ. При вечернихъ рапортахъ, онъ много разговарива-

етъ и утѣшается вашими успѣхами; ему хотѣлось бы знать ваши баллы за полугодовой экзаменъ.—Многіе кадеты Вамъ кланяются, также и офицеры; я, съ своей стороны, желаю Вамъ всего лучшаго на свѣтѣ и, разцѣловавъ Васъ остаюсь всегда преданный Вамъ до гроба, П. Нарбутъ.

P. S. Всѣмъ нашимъ кадетамъ отъ меня засвидѣтельствуйте мое почтеніе.

II-е) Воронежъ, 28 Апрѣля 1852 года. Наконецъ-то я получилъ отъ тебя вѣсточку, любезный другъ, Александръ Дмитріевичъ! Ты представить себѣ не можешь, какъ мнѣ было грустно, что ты, котораго считалъ я всегда способнымъ оцѣнивать людей, находящихся въ ближнихъ съ тобою отношеніяхъ,—забылъ меня совершенно, забылъ, что я училъ тебя, а что всего больнѣе, забылъ что я любилъ тебя. Нарбутъ мнѣ читалъ письма твои, и мнѣ грустно было, что ни въ головѣ твоей, ни въ сердцѣ твоемъ не было уголка для меня, который всегда истинно былъ расположенъ къ тебѣ; но зато, по полученіи письма твоего, любезный Александръ, удовольствіе мое не только равновѣсило, но далеко превзошло степень того огорченія, которое было слѣдствіемъ предполагаемой мною забывчивости и невниманія твоего. Благодарю и тысячу разъ благодарю тебя; жалѣю объ одномъ, весьма не основательномъ, предположеніи твоемъ, что будто я сердился на тебя; за что же? Правда, бывши расположеннымъ къ тебѣ, мнѣ часто было досадно, что ты дурно занимался математикой;—но чтобы сердиться на тебя,—я и въ головѣ не имѣлъ. Ну, да забудемъ все это;—я увѣренъ, что ты любишь меня.—Душевно пожалѣлъ о непріятности, съ тобою случившейся; сказалъ бы, что пожалѣлъ и о Переверзевѣ; но онъ, послѣдніе два года, такъ велъ себя въ отношеніи ко мнѣ, что я въ правѣ предполагать, что участіемъ своимъ сдѣлаю ему неудовольствіе, а потому—Богъ съ нимъ: желаю ему всего хорошаго, но оставляю его въ покоѣ.—Напиши, любезный другъ, о результатѣ годичнаго экзамена твоего; меня очень это интересуетъ,—и, главнѣе всего, успѣлъ ли ты возстановить о себѣ хорошее мнѣніе, которое всегда заслуживаешь,

Г. Директора вашего. Мнѣ прискорбно думать, если непріятность случившаяся съ тобою, будетъ имѣть какія либо послѣдствія и если новые начальники твои не такъ будутъ понимать тебя, какъ мы. Старайся, другъ, возстановить хорошее о себѣ мнѣніе; а какъ и чѣмъ,—ты настолько уменъ, что самъ знаешь очень хорошо, а насъ, которые тебя истинно любили, ты очень и очень порадуешь, въ особенности всегда душою къ тебѣ расположеннаго и вѣчно преданнаго, Н. Глотова.

Однообразная жизнь кадета въ Петербургѣ чередовалась для Александра Рябинина почти еженедѣльными его посѣщеніями родной намъ семьи,—именно семьи нашей тетки (матушкиной сестры), гдѣ юноша находилъ возможность провести иногда время въ пріятномъ обществѣ близкихъ ему людей и пользоваться изрѣдка нѣкоторыми общедоступными развлеченіями, какъ-то, театромъ, концертами и проч. Такъ непримѣтно прошло цѣлыхъ два года, до Августа 1853 г., когда настало время, подумать о предстоящемъ выпускѣ въ офицеры. По класснымъ успѣхамъ, онъ могъ бы выйти въ артиллерію и уже помышлялъ серьезно объ этомъ, заявивъ оффиціально и желаніе свое поступить туда; но, по разнымъ соображеніямъ, вдругъ измѣнилъ это намѣреніе и просилъ зачислить его къ производству въ кавалерію, почему и долженъ былъ предварительно провести еще одинъ годъ въ Образцовомъ Кавалерійскомъ полку, которымъ тогда командовалъ въ Павловскѣ (близь Петербурга) генералъ Курдюмовъ. Наконецъ 16-го Мая 1854 г. состоялся Высочайшій приказъ о производствѣ новыхъ офицеровъ. Школьная жизнь кадета осталась позади, и нашъ Александръ вышелъ изъ нея корнетомъ Кирасирскаго Глуховскаго вел. княгини Александры Іосифовны полка, получивъ старшинство съ 12-го Августа 1853 г.—Это было въ эпоху роковой войны, угрожавшей въ то время Россіи соединенными силами всей почти Европы, въ союзѣ съ Турціей.

Брату пришлось, чуть не мимоѣздомъ, на пути въ свой полкъ, завернуть на родину. Онъ пробылъ у насъ недолго,—всего около мѣсяца,—и въ началѣ Іюля отправился къ мѣсту службы, напутствуемый молитвами и горькими слезами бѣдной матери нашей. Полкъ его расположенъ былъ въ Подольской губерніи, переходя въ разныя мѣстности, прилегающія къ Австрійской границѣ,—то въ Волынскую, то въ Кіевскую и Херсонскую губерніи. Въ этихъ безпрестанныхъ и совершенно безплодныхъ передвиженіяхъ, которыя закончились походомъ въ Николаевъ, тоже безкровнымъ, обѣ кирасирскія дивизіи не имѣли ни разу случая ни участвовать въ дѣлѣ, ни пріобрѣсти какія-либо отличія. Понятно, что Александръ Дмитріевичъ воротился изъ этихъ походовъ въ томъ-же чинѣ корнета, но усталымъ, съ надломленнымъ здоровьемъ и разочарованнымъ... Тогдашнія письма его всѣ дышали глубокимъ унынiемъ. «Ясно вижу, писалъ онъ ко мнѣ въ одномъ изъ нихъ (1856 г.), что мнѣ не добиться ничего въ армейской службѣ. Завѣтная моя мечта поступить въ Военную Академію теперь мнѣ кажется до того несбыточною, что я самъ хохочу надъ нею. Мы слишкомъ два года прошлялись походами безъ всякой пользы для отечества и для себя, а за это время много воды утекло. Все что было прежде въ моей памяти еще свѣжо, теперь значительно изгладилось и мнѣ пришлось бы начинать съизнова, на что̀ потребовалось бы, по крайней мѣрѣ, года два времени... «Но скоро въ немъ зародилась находчивая мысль прикомандироваться изъ полка въ Воронежскій Кадетскій Корпусъ на должность репетитора (русскаго языка), для необходимой подготовки въ Военную Академію, на что̀ богатая библіотека Корпуса давала всѣ нужныя средства. Естественно было прежнему воспитаннику того-же учебнаго заведенія, которое даровало ему первоначальное образованіе, толкнуться опять въ знакомую дверь и за нею найти дополнительныя свѣдѣнія на пути къ высшему научному курсу. Въ исходѣ Мая 1857 г., намѣреніе это осуществилось. Директоромъ Михайловскаго Кадетскаго Корпуса былъ тогда пріемникъ А. Д. Винтулова, генералъ-Маіоръ Павелъ Николаевичъ Броневскій, человѣкъ высоко—образованный,

рѣдкій по свойствамъ души и оставившій по себѣ въ Корпусѣ,— (гдѣ пробылъ, впрочемъ, недолго), самыя отрадныя воспоминанія въ средѣ *лучшихъ* своихъ сослуживцевъ и *всѣхъ* воспитанниковъ (*). Онъ принялъ очень радушно въ братѣ моемъ стараго кадета и новаго репититора, предоставивъ ему всѣ способы воспользоваться приготовительными пособіями, такъ что тотъ могъ, черезъ годъ спустя (въ Іюлѣ 1858 г.), ѣхать на экзаменъ въ Академію генеральнаго Штаба, куда, наконецъ, и поступилъ, послѣ неизбѣжныхъ въ этомъ случаѣ треволненій. Въ письмѣ ко мнѣ, отъ 29 Сентября 1858 г., братъ мой такъ передавалъ ихъ, между-прочимъ: «Миновало, наконецъ, время террора и томленій: я поступилъ въ Академію! Много я, въ жизнь мою, держалъ экзаменовъ, но вступительнаго академическаго, я, конечно, не забуду никогда и каждый разъ буду вспоминать о немъ со страхомъ. Ни познанія, ни способности, ни начитанность, ничто не спасаетъ отъ рѣшительнаго остракизма, если ты не усвоишь себѣ до мельчайшихъ подробностей того предмета, изъ котораго экзаменуешься. Малѣйшая остановка въ отвѣтѣ, необдуманно-сказанная фраза, оговорка даже,— губятъ безвыходно. Все время, пока ты отвѣчаешь, экзаменаторы молчатъ, что̀ бы ты ни говорилъ; потомъ предлагаютъ два—три неожиданныхъ вопроса, по большей части не изъ того курса, по которому ты готовился, выслушаютъ какъ ты ихъ разрѣшаешь, молча дѣлаютъ знакъ, что ты можешь садиться, ставятъ все-таки молча баллъ и оставляютъ тебя въ страхѣ и сомнѣніи до слѣдующаго экзамена, на которомъ уже объявляютъ, можешь ли ты продолжать испытаніе далѣе. Насъ пріѣхало всѣхъ до 190 челов., а къ ситуаціонному черченію, служащему безмолвнымъ знакомъ принятія въ Академію, допущено только 98..... Въ числѣ поступившихъ, чрезвычайно много моихъ товарищей: или по Воронеж-

(*) Мастерскія и правдивыя характеристики генераловъ Винтулова и Броневскаго см. въ «Русскомъ Архивѣ», въ статьяхъ М. Ѳ. Де-Пуле: 1877 г., кн. 2, стр. 441—443, и 1879 г., кн. 3, стр. 243—248.

скому Корпусу (*), или по Дворянскому полку, такъ что я нахожусь здѣсь *en paus de connaissance,* какъ говорятъ французы».

Считаясь прикомандированнымъ къ Академіи изъ своей служебно-фронтовой части, онъ во все время Академическаго курса, числился офицеромъ прежняго полка; а по расформированіи армейскихъ кирасиръ, въ Октябрѣ 1860 г.,—Александрійскаго гусарскаго, Его Высочества в. к. Николая Николаевича Старшаго, полка. Въ Декабрѣ-же (21-го) того года, окончивъ курсъ въ Академіи, причисленъ къ Генеральному Штабу, съ назначеніемъ состоять при Штабѣ Оренбургскаго Корпуса; окончательно-же былъ переведенъ въ Генеральный Штабъ лишь въ послѣдствіи, съ 1863 года; а пока,—т. е., по полученіи назначенія вслѣдъ за окончаніемъ академическаго курса,—пришлось ему перебираться въ Оренбургъ и Уральскъ. По пути изъ столицы Александръ Дмитріевичъ, предварительно, заѣхалъ домой, въ деревню, для свиданія съ матерью и родными. Здѣсь въ послѣдній разъ принялъ онъ благословеніе матери, не предчувствуя, что ему уже не суждено болѣе въ жизни ее увидѣть, и въ Маѣ 1861 г. отправился на мѣсто своего назначенія. Въ Оренбургѣ онъ познакомился со всѣми мѣстными властями, имѣвшими соотношеніе съ его служебными обязанностями, начиная съ оберъ-квартирмейстера генеральнаго штаба, полковника Дандевиля, и, само-собою разумѣется, представился генералъ-губернатору края, Безаку, а въ Уральскѣ—наказному атаману Уральскаго казачьяго войска, Столыпину. Генералъ-губернатору, почему-то, ново-прибывшій не понравился, хотя при первомъ визитѣ былъ вѣжливо принятъ; зато Столыпинъ обошелся съ нимъ съ привѣтливымъ радушіемъ. Александру Дмитріевичу наказный атаманъ

(*) Изъ нихъ мнѣ лично извѣстенъ былъ прежній кадетъ Воронежскаго Корпуса *Николай Алексѣевичъ Ѳедоровъ*, позднѣйшаго выпуска, чѣмъ братъ мой. Онъ служилъ потомъ въ Л. Гв. Стрѣлковомъ баталіонѣ (Царскосельскомъ); одновременно съ моимъ братомъ слушалъ и окончилъ курсъ въ Военной Академіи и вскорѣ послѣ того женился на землячкѣ, Тамбовской помѣщицѣ Это былъ весьма привлекательный по душевнымъ достоинствамъ человѣкъ. Незадолго до смерти (слишкомъ преждевременной и несчастной), онъ служилъ по земству членомъ Тамбовской уѣздной управы. Заболѣвъ размягченіемъ мозга, онъ впалъ въ тоску, вслѣдствіе которой застрѣлился. Послѣ него осталась вдова и двое малолѣтковъ-дѣтей—сынъ (Николай) и дочь.

оказывалъ всякое зависящее отъ него содѣйствіе, въ исполненіи заданной тому генеральнымъ штабомъ одной серьёзной работы: составить статистическое описаніе Уральскаго войска,—трудъ многосложный, требовавшій немало архивныхъ розысковъ, справокъ, поѣздокъ, усидчивыхъ занятій и т. п. Однимъ словомъ, требовалось добросовѣстное и всестороннее изученіе предмета; однако, нашему автору-статистику посчастливилось благополучно справиться съ этимъ дѣломъ, о чемъ свидѣтельствуетъ появившаяся въ печати его книга, обратившая на себя вниманіе критики въ учено-литературныхъ и спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ того, авторъ получилъ за свой трудъ и оффиціальную награду—годовой окладъ жалованья по чину.

Между тѣмъ прошло два года. Наскучивъ однообразіемъ жизни въ полудикомъ краѣ и надоѣдливыми, свыше всякой мѣры, разными дрязгами, Александръ Дмитріевичъ, въ Апрѣлѣ 1863 года, выбрался оттуда и назначенъ былъ сперва состоять при Департаментѣ Генеральнаго Штаба, а затѣмъ на должность Старшаго адъютанта въ штабъ 28-й пѣхотной дивизіи, въ г. Витебскъ, гдѣ и женился на своей дальней Петербургской родственницѣ, очень милой дѣвушкѣ, «безприданницѣ» въ буквальномъ смыслѣ слова.— Съ 1864 г. служба его постоянно пошла по вѣдомству Генеральнаго Штаба, при чемъ однажды (въ 1865 г.) онъ былъ командированъ опять на Уралъ, въ качествѣ дѣлопроизводителя коммиссіи, учрежденной для раздѣла между уральскими казаками и зауральскими Киргизами долины лѣваго берега этой рѣки. Не описывая подробно всѣхъ занятій по служебной дѣятельности моего брата въ Генеральномъ Штабѣ, скажу только, что съ Мая 1867 г. до временнаго оставленія службы,—т. е. до 12-го Февраля 1872 г., онъ завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ по главному управленію Иррегулярныхъ войскъ; а послѣ того вышелъ въ отставку, по прошенію, съ чиномъ подполковника (и Аннинскимъ крестомъ 3-й степени), воспользовавшись встрѣтившимся случаемъ занять выгодное (по видимому) частное мѣсто, съ значительнымъ денежнымъ содержаніемъ: сколько помню, онъ былъ распорядителемъ операцій

по разработкѣ каменно-угольныхъ копей, принадлежавшихъ одному богатому господину. Но тутъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, разразилась жестокая катастрофа. Всегда безукорызненно-честный, беззавѣтно-добрый, дѣтски-довѣрчивый и въ житейскихъ разсчетахъ крайне не практичный человѣкъ, Александръ Дмитріевичъ Рябининъ имѣлъ неосторожность поручиться за ловкаго дѣльца, обманувшаго его довѣріе, и горько поплатился за свою оплошность, совершеннымъ раззореніемъ и потерею мѣста. Имущество его, всё безъ изъятія, погибло, распроданное съ молотка, подвергнутое запрещеніямъ, и бѣдный братъ мой, съ больною женой и двумя маленькими дѣтьми, остались безъ куска хлѣба... Родовое-же имѣньице его давнымъ-давно перешло въ другія руки.—Оставалось единственное средство, къ пропитанію семьи и себя: вернуться на покинутую дорогу службы, на которую онъ и былъ опять принятъ, въ концѣ 1878 г. штабъ-офицеромъ (подполковникомъ) Генеральнаго Штаба, по войскамъ Кіевскаго округа. Но силы его, надорванныя уже физически и разбитыя нравственно, не долго могли выдерживать тягости службы: 11-го Декабря 1879 г. братъ мой внезапно скончался въ Кіевѣ, отъ разрыва сердца (*) Вскорѣ за нимъ послѣдовали: сперва мать наша (въ Январѣ 1880 г.), а потомъ его вдова (въ Ноябрѣ 1884 г.)... Дѣти его воспитываются нынѣ во 2-мъ Петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Въ заключеніе, исчислю здѣсь литературно-ученые труды Александра Дмитріевича Рябинина, появлявшіеся въ печати, какъ собственно имъ написанные, такъ и при участіи другихъ сотрудниковъ:

1. Статья, подписанная буквою *Р* (т. е. начальною буквою имени автора: «Яицкое Казачество». См. «Русскій Вѣстникъ» Іюль 1863 г. (т. 46), стр. 311—336 и Августъ 1864 г. (т. 52), стр. 590—619.

2. Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные

(*) Погребенъ въ Кіевѣ-же, 13 ч. того-же мѣсяца на Лыбедскомъ кладбищѣ.

офицерами Генеральнаго штаба. *Уральское казачье войско.* Двѣ части. Составилъ Генеральнаго Штаба поручикъ *А. Рябининъ.* Страницъ: въ первой части III+V+419; во второй части (приложенія)—108 и XLVII статистическихъ таблицъ. Съ картою земли Уральскаго войска. Спб. Тип. Веймара 1866 (8).

См. рецензіи и критич. разборы въ періодическихъ изданіяхъ: 1) „Русскій Инвалидъ 1866 г., № 96 (Статья И). 2) Уральскія войсковыя вѣдомости 1867 г., № 42, 43 ,44 и 52 (Статья Г. Карелина). 3) Отечественныя Записки 1866 г., № 17, т. 168 отд. 2.

3. Общедоступное изложеніе Уложенія о Наказаніяхъ съ примѣрами замѣчательныхъ процессовъ и съ приложеніемъ воинскаго и дисциплинарнаго уставовъ. Состав. *Рябининъ* и *Шведеръ.* Спб. 1870.

Рецензія: „Судебный Вѣстникъ" 1871 г., № 23.

4. Краткое объясненіе Уложенія о Наказаніяхъ для нижнихъ чиновъ и крестьянскаго сословія, съ примѣрами замѣчательныхъ процессовъ и съ приложеніемъ воинскаго и дисциплинарнаго уставовъ. *А. Рябининъ* и *К. Шведеръ.* Спб. 1870.

5. Руководство практическихъ свѣдѣній: уголовнаго законодательства, судебной реформы, обязанностей общей полиціи и закона 19-го Мая 1871 г. Для офицеровъ корпуса жандармовъ *А. Рябининъ.* Спб. 1872.

Переводъ:

6. Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи, въ связи съ развитіемъ литературы. *Г. О. Тэнъ.* (Historie de la litterature anglaise). Перев. подъ редакціей *А. Рябинина* и *М. Головина* (*). Двѣ части. Въ первой страницъ: VIII+IX+577; во второй—XII+552. Спб. Тип. Товарищества «Общественная Польза» 1871 (8).

„Сынъ Отечества" 1871 г., № 76, 77 и 78 (будничн. №).

Д. Д. Рябининъ.

20 Сентября *1886* г.

(*) Генеральнаго Штаба капитанъ *Михаилъ Ивановичъ Головинъ*, сотоварищъ по службѣ А. Д. Рябинина.

ДОБЛЕСТНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Михайловской Воронежской Военной Гимназіи, павшихъ на полѣ битвы, въ войну 1877—1878 года.

Во время посѣщенія Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго Корпуса «8» Мая 1887 года Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Александровичъ изволилъ обратить вниманіе на черные мраморные доски, находящіяся въ церкви заведенія, на которыхъ золотыми буквами высѣчены имена бывшихъ питомцевъ Корпуса убіенныхъ на полѣ брани.

Во время послѣдней русско-турецкой кампаніи къ этому печальному, но славному списку, прибавилось еще нѣсколько человѣкъ питомцевъ Корпуса, обагрившихъ своею кровію поля Балканскіе и твердыни Карса. Въ полной надеждѣ собрать полныя свѣдѣнія о всѣхъ этихъ герояхъ для помѣщенія въ нашемъ изданіи, мы считаемъ не лишнимъ привести теперь здѣсь «доблестный списокъ» убіенныхъ воспитанниковъ Воронежской Гимназіи, во время послѣдней войны, извлекая его изъ № 97 «Воронежскаго Телеграфа», гдѣ онъ былъ помѣщенъ 20 Декабря 1877 года. Помѣщая этотъ списокъ, редакція газеты пишетъ . . . . . «Нижепомѣщенный списокъ, бывшихъ воспитанниковъ военной гимназіи, павшихъ со славою на полѣ брани, доставленный намъ высокоуважаемымъ начальникомъ гимназіи, г. Тыртовымъ, говоритъ» . . . . о глубокой сердечной связи этого заведенія, со своими бывшими

воспитанниками, служащими въ арміи,—связь, желательная и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ... «Заведеніе, какъ видно изъ этого списка, ревниво слѣдитъ за бывшими своими питомцами и по выпускѣ ихъ, какъ оно слѣдило за ними въ стѣнахъ своихъ. Этотъ неразрывный союзъ заведенія съ воспитанниками служитъ къ большей славѣ самаго заведенія: оперившіеся птенцы его, чувствуя обращенные на нихъ взоры, живѣе помнятъ высокія правила, въ которыхъ воспитаны были они и, прославляя себя доблестными подвигами, вмѣстѣ съ тѣмъ прославляютъ и заведеніе, которое научило ихъ неуклонному и славному исполненію своего долга. Нельзя не умиляться, наблюдая проявленіе такой глубокой связи заведенія съ своими питомцами; а потому мы съ полною готовностію и охотою даемъ мѣсто на страницахъ нашей газеты «доблестному списку, героевъ-питомцевъ Воронежской военной гимназіи».

Приведемъ и мы этотъ списокъ полностію

„Доблестный Списокъ“.

«Бывшіе воспитанники военно-учебныхъ заведеній служатъ отлично, многіе геройски»—такъ заключается отвѣтная депеша Августѣйшаго Главнокомандующаго кавказскою арміею на принесенное Ему Главнымъ Начальникомъ Военно-Учебныхъ Заведеній поздравленіе съ днемъ Тезоименитства и со взятіемъ Карса. Да, по истинѣ геройски служитъ наша молодежь—офицеры! А давно-ли раздавались страшныя соболѣзнованія и нѣкоторою частію нашего военнаго общества высказывались серьезныя опасенія за доброкачественность офицерскаго состава нашей молодой арміи и дѣлались жестокія нападки на существующую систему военно-учебныхъ заведеній!? Не далѣе какъ весною прошлаго 1876 г. въ газетѣ «Русскій Міръ» (№№ 19, 54, 79, 81, 108 и 121) помѣщенъ былъ рядъ статей, трактующихъ о военно-учебной реформѣ и критикующихъ ее во всѣхъ отношеніяхъ. Въ «сущности» читаемъ мы, напр., въ одной статьѣ: «воспитанники военно учебныхъ заведеній это порядочно образованные, довольно развитые,

но крайне мало воспитанные молодые люди и, *никакъ не военные* (курсивъ въ подлинникѣ) по складу ума и внутреннимъ убѣжденіямъ офицеры. Къ службѣ, они относятся или *слегка* (опять курсивъ), или *свысока;* въ ближайшихъ же практическихъ ея подробностяхъ и и требованіяхъ оказываются до *наивности мало подготовленными»* Депеша одного изъ Августѣйшихъ Главнокомандующихъ нашихъ дѣйствующихъ армій, бывшаго притомъ главнымъ начальникомъ Военно-учебныхъ заведеній до ихъ реформы, жестоко опровергаетъ эти инсинуаціи «Русскаго Міра« и той части общества, которая такъ недовѣрчиво и мрачно смотрѣла на всѣ реформы военнаго вѣдомства, а также и на реформу военно-учебныхъ заведеній

Всѣ свѣдѣнія, получаемыя съ театровъ войны—а ихъ получается масса въ разныхъ корреспонденціяхъ—въ одинъ голосъ говорятъ, что какъ нашъ молодой солдатъ, такъ и наша молодежь—офицеры вполнѣ поддерживаютъ прежнюю боевую славу нашей арміи; таже сознательная безропотность въ перенесеніи трудовъ и лишеній; та-же преданность долгу и присягѣ; та же стойкость въ оборонѣ и беззавѣтная храбрость въ атакѣ; то-же человѣческое, гуманное отношеніе къ побѣжденному врагу; словомъ, все, чѣмъ славилась наша скорослуживая армія съ офицерами изъ кадетскихъ корпусовъ —все это сохраняется и нынѣ въ нашей юной арміи съ офицерами изъ военно-учебныхъ заведеній настоящаго ихъ типа.

Корреспонденты и даже оффиціальныя извѣстія много сообщаютъ геройскихъ подвиговъ нашихъ молодыхъ офицеровъ. Кто не помнитъ, напр. подвига штабсъ-капитана *Брянова* (бывшаго воспитанника Нижегородской военной гимназіи) при переправѣ у Зимницы черезъ Дунай; кто не читалъ въ корреспонденціяхъ Градовскаго въ «Голосѣ» о подвигѣ храбрости и самоотверженіи молодого подпоручика *Родзевича* (бывшаго воспитанника Воронежской военной гимназіи) при несчастной атакѣ Зивинскихъ позицій? (*) И много, много пало этихъ молодыхъ героевъ, совершив-

(*) Карточка подпоручика Ромуальда Родзевича будетъ помѣщена въ 1 выпускѣ альбома портретовъ.

шихъ свои подвиги, но истинѣ геройскіе, просто, безъ хвастовства, считая ихъ простымъ исполненіемъ своего святаго долга. Миръ праху Вашему, молодые герои, исполнители великой идеи нашего возлюбленнаго Монарха, молодые работники въ вѣковой работѣ освобожденія Востока и свободы славянскаго міра! Подвиги Ваши не пропадутъ безслѣдно, имена ваши не забудутся въ стѣнахъ тѣхъ заведеній, гдѣ вы росли и воспитывались; мы, военныя гимназіи, будемъ постоянно чтить Вашу память, а геройскіе подвиги Ваши всегда будутъ служить живымъ примѣромъ молодому воспитывающемуся поколѣнію, да познаетъ оно изъ нихъ, какъ слѣдуетъ служить русскому офицеру и какъ служили бывшіе воспитанники—ихъ товарищи по воспитанію!

Въ этихъ видахъ мы печатаемъ списокъ бывшихъ воспитанниковъ ввѣренной намъ Воронежской военной гимназіи, окончившихъ курсъ уже при насъ и павшихъ смертію храбрыхъ съ открытія настоящей кампаніи.

1) *Алексѣй Грамотинъ.* Окончилъ курсъ гимназіи по 1-му разряду въ 1873 году и произведенъ изъ 1 Павловскаго военнаго училища, въ 1875 г въ прапорщики въ 161-й пѣхотный Александропольскій полкъ, (*) на Кавказѣ. Убитъ 29 Апрѣля 1877 г. при исполненіи возложеннаго на него порученія въ Ріонскомъ округѣ, генерала Оглобжіо, при захватѣ непріятельской баржи, въ устьѣ р. Кинтришъ. Трупъ его остался въ рукахъ турокъ и только черезъ нѣсколько дней, подкупленнымъ матерью его Гурійцемъ, уже обезглавленный и обезображенный мѣстными баши-бузуками, былъ выкупленъ за деньги и преданъ землѣ въ г. Озургетахъ.

2) *Николай Мусхеловъ.* Окончилъ курсъ гимназіи по 2-му разряду въ 1874 году; произведенъ изъ 3-го Александровскаго Военнаго Училища, въ 1876 г., въ подпоручики въ 153-й пѣхотный Бакинскій полкъ, на Кавказѣ. Убитъ 5 Мая при штурмѣ Ардагана.

3. *Ромуальдъ Родзевичъ.* Окончилъ курсъ гимназіи по 1-му разряду въ 1874 году; произведенъ изъ 1-го Павловскаго военнаго

(*) нынѣ расположенный въ губ. г. Могилевѣ.

училища въ подпоручики въ Тифлисскій гренадерскій полкъ, на Кавказѣ, въ 1876 году.

Убитъ при штурмѣ Зивинскихъ позицій 15-го Іюня Корреспондентъ «Голоса» разсказываетъ, что когда въ центрѣ атаки взята была первая линія турецкихъ траншей и, когда убійственный огонь турокъ отразилъ атаку на вторую линію и атакующія войска залегли за занятыми турецкими ложементами и начали перестрѣлку, то подпоручикъ Родзевичъ, желая примѣромъ своимъ ободрить солдатъ, въ головѣ нѣсколькихъ смѣльчаковъ, снова бросился на занятую непріятелемъ траншею, но не успѣвъ добѣжать до нея, упалъ смертельно раненый и геройская попытка его осталась безъ успѣха. Впослѣдствіи, въ теченіе всего боя солдаты то по одиночкѣ, то кучками дѣлали нѣсколько попытокъ вынести еще живаго, молодаго героя изъ подъ турецкихъ выстрѣловъ, но всякій разъ это не удавалось и многіе смѣльчаки поплатились за это жизнію. При общемъ отступленіи отъ Зивина раненый Родзевичъ такъ и остался на позиціи на поруганіе изверговъ.

4) *Николай Пороженко*, поручикъ Л. Гв Финляндскаго полка, окончилъ курсъ гимназіи по 2-му разряду въ 1871 году и произведенъ въ подпоручики арміи съ прикомандированіемъ къ Л. Гв. Финляндскому полку изъ 1-го Павловскаго военнаго училища въ 1873 г. Убитъ при взятіи турецкихъ позицій при Горномъ-Дубникѣ 12-го октября.

5) *Митрофанъ Экскузовичъ*, прапорщикъ Л. Гв. Драгунскаго полка окончилъ курсъ гимназіи по 1-му разряду въ 1874 году и произведенъ въ офицеры гвардіи изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища въ 1876 году. Убитъ 12 Октября въ сраженіи при Горномъ-Дубникѣ.

6) *Михаилъ Данилевскій,* прапорщикъ и полковой адъютантъ Л. Гв. Драгунскаго полка, окончилъ курсъ гимназіи по 1-му разряду въ 1874 г. и произведенъ въ офицеры гвардіи изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища въ 1876 году. Убитъ 10 Ноября въ жаркомъ кавалерійскомъ дѣлѣ, произшедшемъ въ отрядѣ, демонстрировавшемъ, при атакѣ Правецкой позиціи, отъ Врацы на

Орханіе, для отвлеченія турецкихъ силъ отъ атакованной позиціи. Депеша его Высочества, Главнокомандующаго Дунайской Арміею, отъ 16 Ноября, изъ Богота сообщаетъ, что Данилевскій и еще два молодыхъ офицера, защищая послѣднее оставшееся въ отрядѣ орудіе, были буквально изрублены окружившими ихъ черкесами».

Директоръ Михайловской Воронежской Военной Гимназіи

Генералъ маіоръ *Тыртовъ*.

15 Декабря 1877 г.

Оканчивая этотъ «доблестный списокъ» Генералъ Маіоръ А. Тыртовъ обѣщался по окончаніи войны собрать отъ полковыхъ командировъ и прочихъ начальниковъ частей всѣ свѣдѣнія объ отличившихся, раненыхъ и убитыхъ офицерахъ изъ воспитанниковъ бывшаго Воронежскаго Кадетскаго Корпуса и военной Гимназіи, изъ котораго она преобразована, а редакторъ газеты «Воронежскій Телеграфъ» В. И. Исаевъ просилъ «лично отъ себя и отъ имени многихъ другихъ лицъ не отказать въ сообщеніи» продолженія этого «скорбнаго, но доблестнаго списка». Неизвѣстно исполнились ли эти предположенія, по крайней мѣрѣ подъ руками продолженія этого списка у насъ нѣтъ и, кажется, въ кампаніи 1877—1878 гг. убитыхъ бывшихъ воспитанниковъ Корпуса и Гимназіи не было, но мы усерднѣйше просимъ всѣхъ, кому извѣстно, сообщить намъ самыя полныя свѣдѣнія объ всѣхъ герояхъ, Воронежцахъ, павшихъ на полѣ брани, съ указаніемъ, если возможно года выпуска и производства. Это будетъ одна изъ славныхъ страницъ исторіи Корпуса, во все его, почти пятидесятилѣтнее бытіе!

Примѣчаніе. Считаемъ не лишнимъ прибавить, что братъ подпоручика Родзевича, Раймундъ Родзевичъ, воспитывающійся въ Воронежской военной гимназіи, былъ уволенъ изъ гимназіи, но во вниманіе боевыхъ заслугъ брата, предписаніемъ Главнаго Управленія, былъ принятъ вновь въ гимназію. Въ приказѣ по гимназіи 5 Октября

1877 г. за № 81, пун. 4 Директоръ объявилъ: «Главное Управленіе военно-учебныхъ заведеній, отъ 23 минувшаго Сентября, за № 13887, меня увѣдомило, что Главный Начальникъ военно-учебныхъ заведеній, въ виду безпомощнаго состоянія вдовы маіора Родзевичъ и во вниманіе боевыхъ заслугъ старшаго ея сына Ромуальда Родзевича, бывшаго воспитанника гимназіи, убитаго въ настоящую войну въ Азіатской Турціи, въ сраженіи подъ Зивиномъ, по предварительномъ сношеніи со мною приказалъ: не въ примѣръ прочимъ, принять вновь въ гимназію уволеннаго изъ нея воспитанника Раймунда Родзевича съ помѣщеніемъ его въ VI классѣ. Объявляя объ этомъ по гимназіи предписываю прибывшаго Раймунда Родзевича зачислить на лицо въ 1 отдѣленіе VI класса и впредь до объявленія въ приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ показать его при IV возрастѣ прикомандированнымъ». Гдѣ нынѣ Раймундъ Родзевичъ намъ неизвѣстно, младшій же братъ его Рославъ Родзевичъ служитъ подпоручикомъ въ 161 пѣхотномъ Александропольскомъ полку (окончилъ гимназію 1882 г.).

И. К.

РѢЧЬ

Законоучителя Михайловской Воронежской Военной Гимназіи протоіерея Мих. Ив. Некрасова передъ совершеніемъ панихиды по бывш. воспитанникѣ гимназіи, прапорщикѣ Александропольскаго полка Алексѣѣ Граматинѣ, убитомъ въ войнѣ съ турками 1877 г. Апрѣля 22 дня. (*)

Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своея.

Въ полнотѣ и совершенствѣ исполнилъ эту заповѣдь Спасителя одинъ изъ воспитанниковъ нашего заведенія, такъ недавно оставившій насъ, образъ котораго такъ живъ въ нашей памяти,—рабъ Божій Алексѣй (Граматинъ): въ борьбѣ съ невѣрными за освобожденіе братьевъ нашихъ Славянъ отъ несноснаго турецкаго ига онъ положилъ душу свою.

Господь не судилъ здѣсь на землѣ увѣнчать его побѣднымъ вѣнцемъ. Помолимся-же Господу Богу, чтобы Онъ, Всеблагій, увѣнчалъ его вѣчнымъ, неувядаемымъ вѣнцемъ славы на небеси.

Богохранимое заведеніе! Тяжелую, грустную, но вмѣстѣ и славную вѣсть ты получило! Высоко призваніе твое—приготовлять защитниковъ Вѣры, Престола и Отечества. И далеко славу твою несутъ дѣти твои! Жизнью своею, смертію своею они свидѣтельствуютъ, что они вѣрные слуги Царя, достойные славы отцевъ своихъ, что добрыя сѣмена, посѣянныя тобою въ сердцахъ ихъ, приносятъ добрый плодъ. Храни же какъ святыню память объ этихъ дѣтяхъ твоихъ—мученикахъ за Вѣру и Отечество; да воодушевляемые примѣромъ своихъ старшихъ братьевъ, такъ мужественно исполнившихъ свой долгъ, и воспитываемые теперь тобою юноши и дѣти, въ свое время, когда выйдутъ на дѣло свое, также свято и доблестно исполнятъ свое призваніе, свой долгъ!

Да будетъ же вѣчная память юному нашему герою, рабу Божію Алексѣю!

(*) Заимствуемъ какъ эту, такъ и слѣдующую рѣчь отца Михаила изъ изданныхъ имъ «Словъ и рѣчей» выпускъ 1. Воронежъ 1880 г.

РѢЧЬ

предъ совершеніемъ панихиды по убитыхъ въ турецкую войну бывшихъ воспитанникахъ Михайловской Воронежской Военной Гимназіи Михаилѣ Данилевскомъ, Митрофанѣ Экскузовичѣ и Николаѣ Мусхеловѣ, произнесенная законоучителемъ ея о. протоіереемъ Михаиломъ Некрасовымъ.

Давно ли мы, братія, молились объ упокоеніи раба Божія, Августѣйшаго племянника нашего Царя, Великаго Князя Сергѣя Максимиліановича, положившаго животъ свой на брани за Вѣру и Отечество. Скорбь Царя и Царствующаго Дома живо была принята нами. Это была великая, общественная скорбь; эту скорбь раздѣляла съ нами вся Россія, благоговѣйно чтущая Царя своего.

Но у насъ есть и свои домашнія скорби. Какъ ни малы онѣ въ сравненіи съ скорбями общественными, тѣмъ не менѣе для насъ онѣ очень тяжелы, очень чувствительны. Наше заведеніе не можетъ оставаться и, благодаря Бога, не остается равнодушнымъ къ участи своихъ бывшихъ питомцевъ; оно съ живымъ участіемъ, съ материнскою заботливостью слѣдитъ за ихъ участью на разнообразныхъ путяхъ ихъ общественной дѣятельности, радуется ихъ радостями, скорбитъ ихъ печалями, оно и по смерти ихъ входитъ съ ними въ молитвенное общеніе....

Вотъ и въ настоящее время мы собрались, чтобы помолиться о рабахъ Божіихъ Михаилѣ, Николаѣ и Митрофанѣ, на брани убіенныхъ. Свою любовь къ Царю и Отечеству, къ Вѣрѣ Христовой и церкви православной, къ несчастнымъ, угнетеннымъ братьямъ нашимъ Славянамъ они запечатлѣли геройскою смертію.

Поля Болгарскія! Горы Балканскія и Анатолійскія! Сколько русской крови пролито на васъ! Сколько храбрыхъ витязей пало тамъ! Сколько благородныхъ юношей нашло въ васъ преждевременную могилу! Сколько женъ стало вдовами! Сколько дѣтей—сиротами? Сколько матерей сдѣлали вы бездѣтными? Милосердный Господи! Мы чувствуемъ свое призваніе; мы слышимъ голосъ Твой, зовущій насъ къ спасенію нашихъ братьевъ. И предки наши ра-

достно несли и намъ завѣщали нести великія жертвы за освобожденіе братьевъ нашихъ отъ ига Агарянскаго... и мы несемъ ихъ и до конца понесемъ, твердо вѣруя, что ничто великое не бываетъ безъ жертвъ. Молимъ Тя, Многомилостиве, прилежно: пріими эти великія жертвы въ пренебесный и мысленный Твой жертвенникъ, да хотя въ наше время на этой несчастной Болгарской землѣ, столь обильно упитанной русскою кровію, выростетъ наконецъ свобода человѣческая, возсіяетъ Крестъ Христовъ, и поклонники Твои безбоязненно будутъ славить пресвятое имя Твое.

Братія, всѣ мы составляемъ одну семью, всѣ и настоящіе, и прошедшіе, и будущіе воспитанники—суть дѣти одной матери, этого Богомъ хранимаго заведенія. Дѣти! Старшіе братья ваши не словомъ а примѣромъ завѣщеваютъ вамъ быть вѣрными Царю и Отечеству, мужественно, даже до смерти подвизаться за честь и славу ихъ. Помолимся же усердно Богу духовъ и всякія плоти о рабахъ Божіихъ Михаилѣ, Николаѣ и Митрофанѣ, чтобы Онъ простилъ имъ всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія ихъ и, вмѣнивъ имъ вѣру и самоотверженіе ихъ вмѣсто дѣлъ, упокоилъ ихъ въ Своемъ небесномъ царствіи. Аминь.

Протоіерей М. Некрасовъ. (*)

(*) При полученіи извѣстія о кончинѣ кого либо изъ бывшихъ воспитанниковъ въ гимназіи совершались панихиды, въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ и начальства.

Къ вопросу объ обязанностяхъ воспитателей военныхъ гимназій.

(Участіе въ составленіи инструкціи для воспитателей, Воронежской военной гимназіи въ 1870 году).

Циркуляромъ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній, отъ 25 Января 1870 г., за № 4, были затребованы отъ военныхъ гимназій мнѣнія по поводу печатаемыхъ въ оффиціальной части журнала «Педагогическій сборникъ» издаваемымъ при этомъ управленіи «матеріаловъ для инструкціи по воспитательной части».

Получивъ отвѣтъ на это требованіе только отъ одного заведенія, Главное Управленіе военно-учебныхъ заведеній, въ видахъ существенной пользы, какую слѣдуетъ ожидать отъ участія гимназій въ разработкѣ упомянутыхъ матеріаловъ для предстоящаго составленія самой инструкціи, 15 Ноября того же года, циркуляромъ за № 42, вновь предложило военнымъ гимназіямъ поспѣшить доставленіемъ своихъ отзывовъ на предложенный, циркуляромъ отъ 25 Января, вопросъ. Къ сему присовокуплялось, что заведенія никакъ не должны стѣсняться въ свободномъ изложеніи своихъ, по этому вопросу, мнѣній, какъ бы сіи послѣднія не расходились съ изложенными въ «матеріалахъ», имѣя въ виду, что чѣмъ съ большаго числа сторонъ будутъ разсмотрѣны педагогическія вопросы, тѣмъ скорѣе можно ожидать правильнаго ихъ разрѣшенія въ инструкціи.

Объявляя объ этомъ распоряженіи Главнаго Управленія, въ приказѣ по Михайловской Воронежской военной гимназіи отъ 26 Ноября 1870 г. за № 204, Инспекторъ классовъ подполковникъ Мамчинъ, исполняющій въ то время обязанности директора, по случаю отъѣзда полковника А. П. Тыртова, по дѣламъ службы въ г. С.-Петербургъ, предписалъ: «ускорить доставленіемъ, безъ всякаго стѣсненія въ изложеніи, мнѣній своихъ, относительно составленія Инструкціи по воспитательной части».

Вслѣдствіе этого предписанія, нѣкоторые изъ преподавателей и воспитателей гимназіи представили подполковнику Мамчину, требуемыя отъ нихъ мнѣнія, изъ которыхъ и была составлена общая записка отъ Михайловской Воронежской военной гимназіи, представленная затѣмъ въ Главное Управленіе военно-учебныхъ заведеній.

Приведемъ въ подлинникѣ эту записку, изъ которой можно видѣть какіе взгляды руководили воспитателей и учителей Воронежской гимназіи, авторовъ ее, при веденіи труднаго дѣла воспитанія въ закрытомъ заведеніи, въ то время когда полная инструкція ихъ дѣятельности не была еще выработана.

Отъ Михайловской Воронежской военной гимназіи.

По вопросу объ инструкціяхъ для воспитателей необходимо сказать предварительно нѣсколько словъ:

Важность значенія воспитателя, если понимать подъ этимъ званіемъ, лицо, которому приходится воспитывать другихъ, слишкомъ очевидна.

Однако изъ главныхъ причинъ преобразованія бывшихъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, была, конечно, всѣми *сознанная* необходимость поставить воспитательную часть въ среднеобразовательныхъ заведеніяхъ на должное не отъемлемо принадлежащее ей мѣсто, сообразно съ требованіями разной педагогики; ибо воспитатели въ бывшихъ кадетскихъ корпусахъ по положенію своему въ заведеніи не воспитывали, а были только надзирателями, и вслѣдствіе того, можетъ быть, не многіе изъ нихъ,—лица по натурѣ своей педагоги, могли благотворно дѣйствовать на отдѣльныя личности, но не на массу воспитанниковъ, и такіе безъ сомнѣнія, принесли въ свое время большую пользу.

Важность значенія воспитателя въ нашихъ военныхъ гимназіяхъ достаточно признана всѣми и никто, конечно, не будетъ отвергать и того вліянія, которое уже пріобрѣли воспитатели надъ воспитанниками въ самое короткое время существованія военныхъ гимназій. За исключеніемъ незначительнаго процента, вся масса воспитывающихся отъ самаго младшаго возраста до старшаго включительно, несомнѣнно поняла свое положеніе въ отношеніи къ воспитателямъ, и въ отношеніяхъ этихъ ясно проглядываетъ теперь съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе довѣріе и даже расположеніе воспитанниковъ къ воспитателямъ.

Первые сознали и убѣдились, на опытѣ, что вторые не строгіе менторы и каратели,—а напротивъ, скорѣе снисходительные друзья, терпѣливо относящіеся ко всѣмъ выходкамъ дѣтей и юношей.

Какъ ни строги бываютъ дѣти въ своихъ сужденіяхъ о старшихъ, тѣмъ не менѣе по свойственному дѣтской натурѣ инстинкту,

они хорошо понимаютъ и умѣютъ отличать людей дѣйствительно расположенныхъ къ нимъ.

Обсуждая вопросъ объ инструкціяхъ для воспитателей, безъ сомнѣнія нужно руководствоваться въ такомъ серьёзномъ дѣлѣ тою умѣренною срединою, которая всегда и вездѣ составляетъ самый вѣрный и надежный путь къ преуспѣянію:

1) *Инструкціи эти должны заключать въ себѣ только въ главныхъ чертахъ важнѣйшія обязанности воспитателей и при томъ ясно и опредѣлительно.* Излишнія подробности не должны входить въ инструкцію, потому что нельзя опредѣлить всѣхъ частностей и мелочныхъ пріемовъ, которые въ томъ или другомъ случаѣ могуть быть опредѣлены воспитателемъ. Очевидно, что управленіе такою живою массою, какъ собраніе дѣтей не можетъ быть подведено подъ строгій регламентъ. Каждому воспитаннику присуще нѣчто свое, чего, можетъ быть, не встрѣтишь у другаго. Все это обусловливается особенностями врожденныхъ наклонностей, темпераментовъ, наконецъ тою домашнею обстановкою, какая повліяла на ребенка въ періодъ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста его. А кто не знаетъ, силу первыхъ впечатлѣній дѣтства, когда самое неважное повидимому обстоятельство глубоко врѣзывается въ душу ребенка и не оставляетъ его до старости.

Слѣдовательно воспитателю приходится на каждомъ шагу встрѣчаться съ столькими самыми разнообразными случаями въ своей педагогической практикѣ, что никакая самая подробная программа не дастъ указанія для каждаго даннаго случая; а потому, въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе, могутъ быть указаны только главныя цѣли и направленіе, къ которымъ воспитатели должны стремиться; всѣ же подробности веденія воспитательнаго дѣла и тотъ или другой пріемъ для каждаго отдѣльнаго случая всецѣло и не посредственно зависятъ отъ самаго воспитателя, и тутъ руководителями его являются собственное его умѣнье и находчивость.

2) *Обязанности, налагаемыя на воспитателя должны, быть соразмѣрны съ возможностію выполненія ихъ.*

Наложить на воспитателя столько обязанностей что ему становится невозможнымъ выполнить ихъ на самомъ дѣлѣ, значитъ, дать дѣлу неправильный ходъ, а тогда излишняя работа, не будучи выполняема на дѣлѣ, отзовется вредно на воспитаніи;—а потому, обязанности воспитателя прежде всего должны быть удобоисполнимы на практикѣ.

Самый дѣятельный воспитатель, какъ и всякій человѣкъ, можетъ заниматься своимъ дѣломъ на столько, на сколько у него хватитъ силъ; воспитателю болѣе, нежели кому нибудь, нуженъ отдыхъ; постоянная работа взрослаго съ дѣтьми, при всемъ добромъ расположеніи къ дѣлу, все таки бываетъ крайне обременительна; а человѣкъ, утомленный постоянною вознею съ дѣтьми, и не имѣющій возможности вздохнуть свѣжимъ воздухомъ, теряетъ свѣжесть и силу, безъ которыхъ правильное веденіе воспитательнаго дѣла не мыслимо.

Руководящія начала.

Воспитательная дѣятельность можетъ быть разсматриваема съ 3-хъ сторонъ: *религіозно-нравственной, умственной и физической.*

Образованіе христіанина.

Въ нравственномъ отношеніи воспитатель долженъ прежде всего развивать въ своихъ воспитанникахъ религіозное чувство и поддерживать въ нихъ добрыя религіозныя убѣжденія, внушаемыя имъ законоучителемъ. Здѣсь все важно, начиная отъ приличнаго и благоговѣйнаго стоянія въ храмѣ до внутренняго откровеннаго чувства благоговѣнія къ святынѣ.

Прямыми послѣдствіями нравственно-религіознаго воспитанія являются:

1) Безграничная преданность къ Государю и Отечеству.

2) Христіанская любовь къ ближнему.

3) Любовь къ правдѣ, чувство законности.

Для того, чтобы укрѣпить въ воспитанникахъ добрыя нравственныя начала воспитатель прежде всего долженъ заботиться *о*

развитіи въ мальчикѣ съ самаго ранняго возраста *воли*. Въ натурахъ, одаренныхъ волею отъ природы, стоитъ только поддерживать ее, давая этому могучему двигателю правильное направленіе; въ слабыхъ дѣтяхъ нужно всѣми силами стараться развивать и поддерживать волю и умѣнье покоряться разъ принятымъ правиламъ, какъ бы ни было это трудно для воспитанника.

Въ дѣтяхъ, сколько нибудь пріученныхъ переломить себя, воспитателю не такъ трудно укоренить все доброе; стоитъ только добиться того, чтобы растолковать мальчику и достаточно выяснить ему то или другое требованіе, и, если онъ понялъ въ чемъ дѣло, тогда ребенокъ, сколько нибудь одаренный волею, будетъ въ состояніи пойти по указанному пути. Гораздо труднѣе воспитывать такого субъекта, который при самыхъ лучшихъ качествахъ сердца—мягкости, добротѣ и чувствительности, нисколько не обладаетъ волею, когда онъ не въ состояніи по слабости и распущенности натуры, преодолѣть самой ничтожной прихоти своей, даже и въ томъ случаѣ, когда самъ сознаетъ неправильность своихъ дѣйствій. Такого ребенка при всѣхъ его хорошихъ качествахъ придется воспитателю вести на помочахъ. Отсюда выходятъ самые ничтожные, безхарактерные люди — безполезные какъ граждане, вредные какъ отцы въ семействѣ.

Вотъ потому-то можно съ увѣренностью сказать, что одною изъ самыхъ главныхъ задачъ воспитанія должно быть развитіе въ ребенкѣ воли и, конечно, благоразумною настойчивостію, исподоволь можно достигнуть этого даже при самыхъ неблагопріятныхъ врожденныхъ условіяхъ. Твердая воля лучшее средство именно противъ распущенности, недостатка свойственнаго, можетъ быть, нашей славянской натурѣ. Русскій человѣкъ въ случаяхъ важныхъ, особенныхъ—неподражаемъ и, едва-ли уступитъ кому бы то ни было, когда напримѣръ нужно умереть въ бою, или когда нужна какая нибудь громадная жертва. Въ такихъ исключительныхъ случаяхъ русскій человѣкъ способенъ сдѣлаться героемъ!

Но кто не признаетъ и другую сторону медали: въ обыкновенной жизни, въ дѣлахъ обыденнаго свойства, мы, какъ оказы-

вается на дѣлѣ, далеко не герои. У русскаго человѣка весьма часто не хватаетъ силы воли покориться обстоятельствамъ, терпѣливо переждать временную невзгоду въ надеждѣ на лучшіе дни. Нерѣдко самые даровитые люди впадаютъ въ уныніе отъ первой неудачи; бросаютъ все начатое, а между тѣмъ рядомъ съ нимъ, необладающій особенными способностями нѣмецъ, неутомимымъ терпѣніемъ, настойчивостью и трудомъ при помощи твердой воли, достигаетъ, можетъ быть въ продолжительное время, но все таки непремѣнно достигаетъ того, что онъ поставилъ себѣ задачею. Вотъ гдѣ кроется причина успѣха иностранцевъ въ Россіи, а потому не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ воспитаніи нашихъ русскихъ дѣтей, на первомъ планѣ, конечно послѣ религіи, должно стоять—развитіе воли.

Средства воспитателя въ закрытомъ заведеніи для развитія въ воспитанникахъ воли заключаются главнымъ образомъ въ постоянномъ, настойчивомъ наблюденіи за слабыми дѣтьми, которымъ онъ не дастъ возможности распускаться. Всякое дѣло, самую не трудную работу, мальчикъ съ слабою волею долженъ непремѣнно выполнить, если разъ это опредѣлено. При томъ на первыхъ порахъ воспитателю придется не одинъ разъ самому отъ начала до конца прослѣдить за выполненіемъ требуемаго, и, когда наконецъ будетъ достигнуто и то, что мальчикъ сталъ привыкать выказывать нѣкоторую волю въ самыхъ мелочныхъ проявленіяхъ своей жизни, воспитателю все еще нельзя и думать объ ослабленіи надзора, потому что не вполнѣ окрѣпшая дѣтская натура, предоставленная самой себѣ, непремѣнно попытается воротиться къ старымъ привычкамъ и распущенности. Нужно путемъ продолжительнаго, неотступнаго наблюденія пріучить мальчика къ непремѣнному исполненію всего того, что онъ взялся исполнить. Только такимъ путемъ можно надѣяться и то не вдругъ, а постепенно развить въ мальчикѣ волю, а съ нею не разрывно связано и расположеніе къ труду, потому что для ребенка, который пріобрѣлъ хотя нѣкоторую привычку принуждать себя, самое трудное дѣло будетъ казаться исполнимымъ и возможнымъ.

Напрасно думаютъ многіе, что дѣти лѣнятся потому, что не понимаютъ еще пользы труда. Намъ кажется, что отъ дѣтей младшаго и даже средняго возраста нельзя и требовать сознательнаго понятія о необходимости труда, и съ другой стороны ошибочно будетъ и такое предположеніе, что дѣти совсѣмъ не понимаютъ, что такое трудъ.

Справедливѣе будетъ такое поставленіе вопроса: большинство дѣтей залѣниваются и распускаются отъ естественной болѣе или менѣе врожденной склонности ребенка къ лѣни и недостатка воли принудить себя преодолѣть эту лѣнь.

Коснувшись развитія воли въ воспитанникахъ нельзя не прибавить, что иногда прирожденное мальчику стремленіе воли смѣшиваютъ съ упрямствомъ. И дѣйствительно здѣсь необходимо объяснить, что должно разумѣть подъ выраженіемъ «твердая воля» и, что назвать упрямствомъ?

И воля и упрямство въ основаніи берутъ начало отъ одного источника, т. е. природнаго самовозбужденія. Присущее всякому человѣку въ большей, или меньшей степени—это природное стремленіе къ преодолѣнію дурныхъ инстинктовъ и установленіи гармоніи своихъ потребностей, стремленіе побороть препятствія и достигнуть извѣстнаго результата при помощи труда и усилія—будетъ *твердою волею.*

Тоже природное стремленіе но при обратномъ направленіи, т. е., поддерживаемое ложнымъ самолюбіемъ, а на самомъ дѣлѣ, клонящееся къ тому, чтобы отдѣлаться отъ великаго труда; ведетъ къ огрубѣлости, невѣжеству и называется *упрямствомъ.*

Отсюда слѣдуетъ, что воспитателю нужно внимательно слѣдить за проявленіемъ вышеуказаннаго стремленія въ ребенкѣ и порывы его съ самаго начала направить на все хорошее; если же мальчикъ поступилъ въ заведеніе съ явными признаками дурнонаправленнаго стремленія воли, тогда искусство воспитателя будетъ заключаться въ томъ, чтобы поправить дѣло, отнюдь не парализируя въ сущности дорогаго инстинкта, давъ ему правильное направленіе, которое поможетъ впослѣдствіи выработать изъ упрямаго мальчика— твердаго и хорошаго человѣка.

Образованіе гражданина.

Развивать въ воспитанникахъ патріотизмъ, любовь къ родинѣ и благородныя чувства гражданской честности.

Всѣ эти задачи воспитанія обусловливаются во первыхъ, свойствами народнаго русскаго характера вообще, во вторыхъ, политическимъ и нравственнымъ уровнемъ той среды, изъ которой комплектуются военно-учебныя заведенія и подъ вліяніемъ которой воспитанникамъ этихъ заведеній придется впослѣдствіи дѣйствовать полноправными гражданами, и наконецъ, спеціальнымъ предназначеніемъ этихъ воспитанниковъ къ службѣ военной.

По этому особое вниманіе должно быть обращено на развитіе въ воспитанникахъ религіи, воли, постоянства въ трудѣ и патріотизма въ истинномъ и полномъ значеніи этого слова.

Нельзя несознаться, что въ русскомъ образованномъ обществѣ политическія убѣжденія очень шатки, понятія о гражданской честности затуманены разными космо-политическими теоріями, и терпимость интересовъ чуждыхъ даже враждебныхъ національностей, доведена до слабости. Не говоря уже про наше высшее общество, которое въ большей части случаевъ, получаетъ не вполнѣ русское воспитаніе. Но и въ среднемъ сословіи, при индеферентномъ воспитаніи нѣсколькихъ поколѣній его, при стремленіи подражать высшему, при почти двадцати-лѣтнемъ давленіи антонаціональныхъ органовъ нашей литературы,—понятіе о патріотизмѣ спуталось и самое слово патріотъ почти опошлилось. А, если окружающая среда имѣетъ сильное вліяніе даже на взрослаго окрѣпшаго въ жизни человѣка, то вліяніе ея на 18—20 лѣтн. молодежь, поступающую на службу изъ закрытыхъ военно-учебныхъ заведеній,—неотразимо.

Изъ нашей отечественной исторіи можно привести много образцовъ высокаго патріотизма и великихъ подвиговъ, но тѣмъ не менѣе нельзя незамѣтить и того, что патріотизмъ не всегда понимается у насъ въ настоящемъ широкомъ значеніи этого слова. Многіе у насъ и до этихъ поръ считаютъ священною обязанностію жертвовать всѣмъ, даже, жизнію для пользы и славы отечества на полѣ

битвы, и въ то же время не берегутъ казеннаго интереса, произвольно распоряжаются средствами казны, какъ бы не сознавая, что подобными дѣйствіями они наносятъ ущербъ тому-же отечеству. Вообще, можно сказать, что личная честность у насъ цѣнится и уважается, и похищеніе имущества, кромѣ извѣстной кары закона, влечетъ за собою презрѣніе общества,—но отступленіе отъ нея въ обращеніи съ казенными интересами, если не поощряется общественнымъ мнѣніемъ, то отнюдь и не наказывается.—

Съ другой стороны и мы далеки отъ пропаганды, такъ называемаго, квaснаго патріотизма, который на словахъ кичливо шапками закидываетъ врага, а на дѣлѣ приводитъ къ варварству и отсталости отъ другихъ народовъ. Нѣтъ, воспитывая дѣтей и развивая въ нихъ любовь къ отечеству и народную гордость, не слѣдуетъ вселять въ нихъ безумной самонадѣянности и презрѣнія къ другимъ націямъ. Нужно стараться достигнуть того, чтобы воспитанники русскихъ военно-учебныхъ заведеній при выходѣ на дѣйствительную службу—высоко держали свое національное знамя, гордились бы своею русскою народностію, радовались успѣхамъ отечества и скорбѣли-бы о невзгодахъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣли бы уважать честь другихъ народовъ.

Достигнуть этого можно помощію разсказовъ и бесѣдъ воспитателей о лицахъ самоотверженно дѣйствовавшихъ на пользу родного края и о событіяхъ отечественной исторіи, особенно знаменательныхъ высокими подвигами патріотизма, а также посредствомъ чтенія нѣкоторыхъ статей, какъ историческихъ, такъ и изъ русской литературы, знакомящихъ съ русскимъ народомъ и возбуждающихъ любовь къ нему. Самое преподаваніе исторіи, въ началѣ въ особенности, должно быть принаровлено къ этой цѣли. Для того должны быть составлены разсказы, извлеченныя изъ русской исторіи, особенно изъ эпохъ возбуждавшихъ усиленную жизнь нашего народа, и о тѣхъ историческихъ лицахъ, которые особенно симпатичны. Подобные разсказы должны благотворно дѣйствовать на дѣтей въ самую лучшую пору ихъ свѣжести и воспріимчивости

Безъ сомнѣнія, высказанныя здѣсь начала, которыми должно руководствоваться въ дѣлѣ воспитанія, въ свою очередь обусловливаются многими побочными обстоятельствами, сильно вліяющими на успѣхъ воспитательнаго дѣла.

Во первыхъ: наши военныя гимназіи, при самомъ лучшемъ устройствѣ въ нихъ воспитательной части, какъ заведенія закрытыя, лишены нѣкоторыхъ сильныхъ средствъ воспитанія, какія всегда подъ рукою у родителей и наставниковъ дѣтей, живущихъ въ семьѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда дѣти эти живутъ не въ родномъ домѣ. Средства эти заключаетъ въ себѣ дѣйствительная жизнь со всей ея обстановкой, недоступная интернату. Она—то, эта дѣйствительная жизнь, лучше всего можетъ повліять на молодую натуру, и, кто знаетъ, можетъ быть, иногда примѣръ какого нибудь бѣднаго работника—труженика, котораго мальчику ежедневно приходится видѣть, усидчиво по цѣлымъ днямъ трудящагося надъ парою сапоговъ, заложитъ въ молодую душу такое сильное убѣжденіе въ необходимости труда, что ребенокъ незамѣтно для окружающихъ его, и самъ того не сознавая, призадумается надъ этимъ, повидимому весьма обыкновеннымъ явленіемъ, и захочетъ заняться чѣмъ нибудь.

Въ дѣлѣ воспитанія самое могущественное средство—*живые примѣры;* они дѣйствуютъ всегда вѣрно и съ успѣхомъ; тогда какъ часто самыя краснорѣчивыя наставленія, какъ мертвая буква, скользятъ поверхностно, оставляя въ ребенкѣ одно непріятное чувство.

И такъ первое и главное средство для достиженія всякихъ педагогическихъ цѣлей въ закрытомъ заведеніи—живой примѣръ окружающихъ (воспитателей и наставниковъ). Никакія наставленія, никакія самыя краснорѣчивыя разглагольствованія не дадутъ благотворныхъ результатовъ, если въ глазахъ воспитанника не будетъ живаго примѣра, олицетворяющаго требованія съ которыми къ нему обращаются. Напротивъ чѣмъ меньше разглагольствованій, особенно состоящихъ изъ общихъ пышныхъ фразъ, тѣмъ лучше, потому что такія фразы, часто повторяемыя, просто утомляютъ дѣтей, наводятъ на нихъ скуку и желаніе какъ нибудь отдѣлаться

отъ нихъ. Въ младшемъ возрастѣ обиліе наставленій особенно безплодно и даже вредно, а между тѣмъ замѣчено, что дѣти вообще любятъ бесѣдовать со старшими лишь бы эти послѣдніе успѣли взяться за дѣло просто, не придавая ему сухой педагогическій характеръ. За то и ни что такъ не увлекаетъ дѣтей, какъ живой примѣръ.

Вялый и робкій ребенокъ, введенный въ живой и веселый кругъ дѣтей, сперва смотритъ дико на эту оживленную толпу, но мало—по малу сближается съ ней, и общее настроеніе охватываетъ его, парализуя его вялость и робость. Видя энергію и увлеченіе трудомъ со стороны своего воспитателя, дѣти не замѣтно для себя сами втягиваются въ работу получаютъ привычку къ труду. У воспитателя, который съ увлеченіемъ а не только по обязанности, самъ отдается труду ужъ, конечно, и воспитанники будутъ болѣе трудолюбивы и энергичны къ работѣ, нежели у воспитателя, который лѣниво и вяло относится къ своему дѣлу. У воспитателя, который имѣетъ наклонность выставлять свое отдѣленіе только съ хорошей стороны, выпрашивать баллы своимъ воспитанникамъ и стараться замаскировать слабыя стороны отдѣленія, конечно, и воспитанники будутъ менѣе правдивы, болѣе склонны ко лжи и шарлатанству, нежели у другаго воспитателя, который всегда правдивъ и прямъ. Извѣстно, что привычка великое дѣло въ воспитаніи, а привычки развиваются преимущественно изъ примѣровъ. По этому примѣръ—самое главное средство, которымъ долженъ пользоваться воспитатель въ своемъ дѣлѣ

Во вторыхъ: вся формальная обстановка интерната,—регулярное до мельчайшихъ подробностей, распредѣленіе ежедневныхъ занятій, неизбѣжное при воспитаніи массъ, все это рѣзко противорѣчитъ домашнему быту, въ которомъ большинство дѣтей вращалось до поступленія въ заведеніе. Прямыми послѣдствіями такого громаднаго различія въ жизни ребенка дома и въ заведеніи, являются всѣмъ извѣстные недостатки и рѣзкости, которыми въ особенности выдаются воспитанники, проведшіе лучшіе годы своего дѣтства и юности безвыходно въ закрытомъ заведеніи,—гдѣ избѣ-

жать единообразія въ ежедневной жизни воспитанниковъ, положительно не возможно потому, что начальство заведенія въ дѣйствительности имѣетъ дѣло преимущественно съ массой, какъ съ одной единицей. Прямымъ послѣдствіемъ всего этого является не мало не благопріятныхъ условій, препятствующихъ воспитательнымъ цѣлямъ.

У воспитанника въ интернатѣ нѣтъ собственности, которою онъ могъ бы распорядиться безъ отчетно; нѣтъ времени которымъ бы онъ могъ располагать по своему произволу; у него нѣтъ ничего, чтобы онъ могъ держать только для самаго себя, о чемъ бы могъ сказать съ полною увѣренностію: «это мое, только мое, никто это не увидитъ кромѣ меня (*). Напримѣръ письмо его къ матери и письмо матери къ нему и то можетъ быть прочитано воспитателемъ; у воспитанника на крестѣ виситъ медаліонъ съ волосами покойной матери, котораго безъ сомнѣнія не коснется ни одинъ воспитатель, а между тѣмъ внутреннее ревнивое чувство шепчетъ мальчику, что и эта драгоцѣнность можетъ быть подвергнута холодному осмотру. Во время занятій воспитанникъ подлежитъ постоянному наблюденію старшихъ и это-бы еще ничего, но и въ свободное время онъ подвергается насилію товарищества, которое подъ часъ бываетъ, особенно для застѣнчивой натуры, гораздо тягостнѣе и невыносимѣе всякаго начальническаго? Вліянія такихъ условій очевидны:

Съ одной стороны воспитанникъ не можетъ привыкнуть распоряжаться собственностью и временемъ, пріучается все дѣлать по приказанію, не пособственной иниціативѣ, а въ силу внѣшнихъ побужденій; въ немъ не можетъ развиваться ни сознательная, разумная бережливость, ни сознательное отношеніе къ своимъ поступкамъ; помочи становятся для него необходимостью.

Съ другой стороны жизнь въ открытую, жизнь на показъ, легко ведетъ за собою циническую откровенность, рано убиваетъ дѣтскую застѣнчивость и юношескую скромность, легко вызываетъ

(*) Далѣе мы увидимъ, что могутъ быть вещи настолько священныя, что естественно и законно желаніе хранить ихъ только для себя.

наклонность ко лжи, хитрости, фальшивости, пріучаетъ къ оффиціальности и эгоистической сдержанности въ отношеніяхъ съ людьми.

Само собою разумѣется, что такіе результаты на разныхъ субъектахъ отражаются различно: привычка ходить на помочахъ сильнѣе отдается на мальчикахъ мягкихъ, лѣнивыхъ, слабыхъ; фальшивость на тѣхъ, которые сдержаннѣе и хитрѣе по самой натурѣ своей. А потому воспитатель долженъ никогда не упускать изъ виду и твердо помнить эти неблагопріятныя условія, въ большей или меньшей степени присущія всякому закрытому воспитательному заведенію, и стараться парализировать ихъ вліяніе на сколько это возможно:

1) Онъ долженъ во время и умѣстно обнаруживать довѣріе къ воспитаннику.

2) Долженъ относиться деликатно и съ уваженіемъ къ семейнымъ связямъ воспитанника, отнюдь не огорчая и не оскорбляя его неосторожнымъ прикосновеніемъ къ чувству сыновней или вообще родственной привязанности.

3) Долженъ какъ можно проще, безъ неумѣстнаго менторства, относиться къ распоряженіямъ воспитанника своею собственностью, недопуская лишь злоупотребленія его, а не имѣющему ея, доставлять если можно, случаи пріобрѣтать ее честными способами.

4) Долженъ осторожно защищать воспитанника отъ насилія массы, впрочемъ отнюдь не возбуждая вражды или непріязни между воспитанниками.

Обязанности воспитателя въ религіозно-нравственномъ отношеніи.

Воспитатель долженъ быть сотрудникомъ законоучителя въ религіозномъ воспитаніи дѣтей. По возможности часто посѣщая церковныя службы, онъ долженъ быть для воспитанниковъ своихъ, живымъ примѣромъ благоговѣнія и набожности, отнюдь не вдаваясь однакожъ въ ханжество. Въ бесѣдахъ съ воспитанниками о предметахъ вѣры, воспитатель долженъ высказывать полное и искреннее уваженіе ко всему священному.

Поддерживая и просвѣтляя словомъ и дѣломъ дѣтское и религіозное чувство и настроеніе, онъ слѣдитъ за религіознымъ развитіемъ своихъ воспитанниковъ и прибѣгаетъ къ авторитету законоучителя въ отношеніи къ такимъ воспитанникамъ, которые нуждаются въ особомъ спеціальномъ попеченіи для религіознаго назиданія.

При нарушеніи благочинія за молитвою въ церкви-ли, или въ возрастѣ или наконецъ, въ случаѣ проявленія явнаго неуваженія къ религіи, съ виновнаго взыскать, а для религіознаго назиданія прибѣгнуть къ помощи законоучителя.

Воспитатель при всякомъ удобномъ случаѣ бесѣдуетъ съ законоучителемъ о томъ или другомъ изъ своихъ воспитанниковъ. Такіе разговоры, не заключающіе въ себѣ ничего оффиціальнаго, помогутъ, какъ законоучителю, такъ и воспитателю, незамѣтно коснувшись повидимому неважныхъ частностей изъ жизни воспитанника, составитъ объ немъ болѣе вѣрное понятіе и тѣмъ содѣйствовать правильному направленію мальчика и въ особенности юноши въ религіозно-нравственномъ отношеніи.

Можетъ случиться, что молодой человѣкъ, съ полнымъ довѣріемъ откроетъ своему воспитателю какую нибудь важную семейную тайну, которая тяготитъ его. Священная обязанность воспитателя въ подобныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ показать своему воспитаннику теплое, искреннее участіе, даже и въ томъ случаѣ, когда молодой человѣкъ сознался въ совершенномъ имъ важномъ проступкѣ; долгъ воспитателя, утѣшить юношу, облегчить его горе, добрымъ словомъ и разумнымъ совѣтомъ.

Опредѣливъ себѣ въ общихъ чертахъ нравственно-воспитательную цѣль и стремясь всѣми силами къ достиженію ея, воспитатель въ тоже время не долженъ забывать, что воспитанники, ему ввѣренные какъ по своимъ природнымъ свойствамъ, такъ и по вліяніямъ домашней обстановки, рѣзко различаются между собою, что на его попеченіе поступаетъ не безразличная масса, которую можно развивать огуломъ, принимая общія мѣры, относясь съ общими требованіями и ожидая одинаковыхъ результатовъ. Та-

кое огульное воспитаніе не можетъ привести къ цѣли. Въ основаніи нравственнаго воспитанія должно лежать прежде всего внимательное изученіе каждой личности съ ея индивидуальными особенностями, изъ котораго и долженъ вытекать тотъ или другой образъ дѣйствій по отношенію къ каждому отдѣльному субъекту. Таково убѣжденіе совершенной педагогики. Но это отнюдь не значитъ не касаться индивидуальныхъ особенностей; ихъ-то всего больше и касается дѣло воспитанія, иначе для чего-бы нужно было и внимательное изученіе ихъ? На эти-то индивидуальныя особенности воспитатель и долженъ такъ дѣйствовать, чтобы онѣ, развиваясь въ томъ или иномъ направленіи, приблизили воспитанника къ тому идеалу, который непремѣнно носитъ въ своей душѣ воспитатель, если онъ не простой «воспитательныхъ дѣлъ мастеръ».

Ясно, что сообразно съ этой задачей и дѣятельность воспитателя по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, должна индивидуализироваться: воспитанника съ флегматическимъ характеромъ, вялаго и неподвижнаго, онъ втягиваетъ мало-по-малу въ живыя игры, соединенныя съ движеніемъ, съ бѣганьемъ, то затрогивая его самолюбіе, то увлекая интересомъ самой игры; напротивъ слишкомъ живаго, неудержимаго сангвиника воздерживаетъ, пріохочивая понемногу къ сидячимъ занятіямъ—къ чтенію, къ шахматной игрѣ, къ ремесленнымъ занятіямъ и т. п. Само собою разумѣется, что такой образъ дѣйствій отнюдь не представляетъ насилованія природы и ломки природнаго характера; здравая педагогика вооружается только противъ того придавливанія природы и неуваженія къ природнымъ свойствамъ, которое выражается въ однѣхъ грубыхъ требованіяхъ—не дѣлать того-то или дѣлать непремѣнно вотъ это,—требованіяхъ не рѣдко сопровождаемыхъ мѣрами строгости. Вообще благотворное вліяніе воспитанія на природныя свойства всегда было и будетъ сообразно съ требованіями здравой педагогики и такое вліяніе, конечно, и составляетъ существенную задачу воспитанія.

Въ строгомъ смыслѣ въ ребенкѣ рѣдко встрѣчаются такія индивидуальныя особенности, которыя можно назвать положительно

дурными, или положительно хорошими.—Всѣ они въ развитіи своемъ могутъ дать или превосходныя свойства характера, или безобразныя явленія, которыя будутъ всегда портить жизнь человѣка, смотря потому, какъ подѣйствуетъ на нихъ воспитательная обстановка. Все зависитъ отъ этой воспитательной обстановки, а въ ней главная роль принадлежитъ воспитателю. Его дѣло такъ воспользоваться индивидуальными особенностями молодой души, чтобы изъ мальчика вырабатывался хорошій, нравственный человѣкъ. Это именно и значитъ уважать личность воспитанника; индеферентное же отношеніе къ ея особенностямъ свидѣтельствуетъ только объ отсутствіи всякаго педагогическаго элемента. Въ среднемъ учебномъ заведеніи оно имѣетъ тѣмъ менѣе смысла, что сюда поступаютъ дѣти, въ которыхъ уже ярко бросаются въ глаза вліянія предшествовавшей жизни и иногда полной распущенности во всѣхъ отношеніяхъ, а потому воспитателю предстоитъ на каждомъ шагу борьба; въ этой-то борьбѣ, которая должна быть основана на изученіи личностей, и должно выразиться его искусство воспитывать.

Лучшимъ средствомъ для воспитательныхъ цѣлей могутъ служить частыя, откровенныя бесѣды воспитателя съ воспитанникомъ, въ которыхъ воспитатель не ограничивается объясненіемъ одной отрицательной стороны случившагося, но и заставляетъ воспитанника вдумываться въ тѣ послѣдствія которыя влечетъ за собою каждый его поступокъ въ различныхъ положеніяхъ общественныхъ.

Въ случаяхъ важныхъ воспитатель долженъ заявлять воспитательному коммитету о результатахъ своихъ дѣйствій; коммитетъ, обсуждая дѣло, пополняетъ пробѣлы въ дѣятельности воспитателя, или принимаетъ для даннаго случая новый, выработанный практикою пріемъ, имѣя въ виду возрастъ, темпераментъ, умственное и физическое развитіе воспитанника, а также и продолжительность пребыванія его въ заведеніи.

Обязанности воспитателя по отношенію къ умственнымъ занятіямъ воспитанниковъ.

Умственныя занятія воспитанниковъ, какъ составляющія одну

изъ важныхъ основъ общаго развитія, подлежатъ въ свою очередь вѣдѣнію воспитателя. Здѣсь дѣятельность его распространяется преимущественно а) во время занятій при приготовленіи воспитанниками уроковъ и б) въ педагогическомъ чтеніи.

Во время приготовленій воспитанниками классныхъ уроковъ воспитатель обязанъ слѣдить, чтобы всѣ воспитанники заняты были своимъ дѣломъ; онъ руководитъ учениковъ въ ихъ работахъ. Руководство и помощь воспитателя не должны заходить слишкомъ далеко, чтобы не препятствовать развитію въ воспитанникахъ привычки къ самостоятельному труду; чтобы своею помощію не подрывать въ нихъ надлежащаго вниманія на лекціяхъ въ классахъ. Воспитатель ни въ какомъ случаѣ не долженъ во время вечернихъ приготовительныхъ занятій, принявъ на себя роль преподавателя, повторять передъ воспитанниками лекцію, которую они не усвоили по недостатку вниманія.

Руководство воспитателя должно состоять въ томъ 1) чтобы пріучать воспитанниковъ толково и наивыгоднѣйшимъ образомъ располагать своимъ временемъ для занятій; 2) въ исключительной помощи толкованія и разъясненія урока тѣмъ только изъ воспитанниковъ, которые при достаточномъ прилежаніи и внимательности въ классахъ затрудняются вслѣдствіе слабыхъ способностей, или вслѣдствіе почему либо пропущенныхъ уроковъ, или наконецъ, по причинѣ недостаточной предварительной прдготовки; но отнюдь не тѣмъ, которые не усвоили себѣ класснаго урока вслѣдствіе собственной лѣности и безпечности, и потому требуютъ со стороны воспитателя побудительныхъ мѣръ, которыя-бы заставили ихъ самихъ работать усерднѣе и болѣе заботиться объ исполненіи своихъ обязанностей; 3) въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы занятія воспитанниковъ не имѣли односторонняго направленія, чтобы занятія ихъ однимъ какимъ либо предметомъ не доводило до упущеній по другимъ научнымъ предметамъ; 4) въ провѣркѣ знанія воспитанниками уроковъ и наконецъ 5) воспитатель обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы преподаватели давали воспитанникамъ только посильныя работы, которыя они въ состояніи выполнить къ

назначенному времени; въ случаѣ, если бы дана была работа, несоотвѣтствующая силамъ и времени, которое дается воспитанникамъ, воспитатель вступаетъ въ объясненіе съ преподавателемъ и, если это объясненіе не приведетъ ни къ какому результату, то немедленно сообщаетъ объ этомъ инспектору классовъ.

Обязанности эти возлагаются на воспитателя на томъ основаніи, что ему, какъ ближайшему руководителю своего отдѣленія,—лучше знакомы силы и дѣйствительная нужда воспитанниковъ.

Свободное время по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ должно быть преимущественно посвящаемо чтенію съ воспитанниками книгъ. Выборъ книгъ соображается съ возрастомъ и развитіемъ воспитанниковъ. Чтеніе книгъ имѣетъ цѣлью съ одной стороны пополнять классные уроки, съ другой —общее умственно-нравственное развитіе воспитанниковъ Такое чтеніе въ особенности съ воспитанниками двухъ младшихъ возрастовъ ведется воспитателями; при этомъ главное вниманіе должно быть обращено не на количество прочитаннаго, а на толковое усвоеніе воспитанниками того, что прочитано. Чтеніе это должно служить удобнымъ случаемъ къ бесѣдамъ воспитателя съ дѣтьми о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и явленіяхъ, какъ научныхъ, такъ и касающихся дѣйствительной жизни.

Кромѣ того, по усмотрѣнію воспитателя, книги для чтенія должны выдаваться и самимъ воспитанникамъ на руки—лучшимъ изъ нихъ во всякое время, а слабымъ по успѣхамъ по крайней мѣрѣ въ праздничные дни.—При этомъ воспитатель долженъ иногда повѣрить усвоено-ли воспитанникомъ прочитанное и можетъ-ли онъ съ достаточною ясностію отдать отчетъ передачею воспитателю содержанія прочитанной книги, при чемъ конечно не обойдется безъ разъясненій со стороны воспитателя тѣхъ мѣстъ статьи, которыя могли быть неправильно поняты мальчикомъ. Все это, конечно, ведется въ формѣ простой безъ искусственной бесѣды.

Книги для чтенія выдаются воспитанникамъ изъ возрастныхъ библіотекъ.

Для того, чтобы чтеніе книгъ служило помощію учебному

дѣлу, полезно воспитателю совѣщаться по этому предмету съ преподавателями отечественнаго языка.

Относительно полезности чтенія въ педагогическомъ отношеніи необходимо сказать то, что какъ-бы воспитатель необладалъ даромъ слова, рѣдко сказанное экспромтомъ можетъ быть такъ точно, такъ логично и убѣдительно, какъ мысль помѣщенная въ печати, разумѣя подъ этимъ, конечно, серьезную печать, гдѣ авторъ останавливалъ свое вниманіе надъ каждою мыслію, для разумнаго изложенія ея, какъ по идеѣ, такъ и по формѣ.

Дѣти весьма охотно бесѣдуютъ со старшими; часто очень близко принимаютъ къ сердцу доброе слово своего наставника, особенно, если это слово сказано просто не педантическимъ тономъ и, когда при томъ воспитатель съумѣетъ спуститься до уровня своего воспитанника, не допуская въ то же время излишней фамильярности, которая всегда уронитъ наставника въ глазахъ воспитанниковъ. Однако, какъ бы не были близки и естественны отношенія между воспитателемъ и воспитывающимися, какъ не великъ авторитетъ перваго надъ послѣдними, слова его часто скользятъ по поверхности, не западая въ душу. Это отчасти объясняется тѣмъ, что воспитанникъ въ словахъ своего воспитателя видитъ всегда извѣстную цѣль, относящуюся къ нему: оттого-то мы бываемъ свидѣтелями ежедневно такого явленія, что дитя, выслушавъ со вниманіемъ увѣщанія своего наставника, убѣжденный ими и прочувствовавъ ихъ чрезъ нѣсколько минутъ впадаетъ въ ту-же шалость, въ тотъ-же проступокъ.

Совсѣмъ иное дѣло съ печатнымъ словомъ, гдѣ болѣе цѣлостное и послѣдовательное изложеніе событій конечно произведетъ сильнѣйшее впечатлѣніе на дѣтей. Само собою разумѣется, что дѣло воспитателя впередъ ознакомиться съ статьею, которую онъ намѣренъ читать воспитанникамъ, выбрать ея такъ, чтобы она была и назидательна, и интересна, чтобы самый ходъ событій, возбудилъ въ дѣтяхъ симпатію къ доброму и хорошему, или заставлялъ-бы ихъ гнушаться, представляемымъ порокомъ. По окончаніи статьи, читающій можетъ усилить произведенное впечатлѣ-

ніе своими замѣчаніями, сдѣлать должныя разъясненія, или вступить съ слушателями въ бесѣду по поводу прочитаннаго и путемъ интимнаго разговора узнавать мнѣнія и наклонности своихъ воспитанниковъ. Надо избѣгать дѣлать какія либо замѣчанія или объясненія во время чтенія, когда интересъ слушателей возбужденъ ходомъ самаго чтенія, и гдѣ наставленія и разсужденія читающаго составляютъ только непріятное отвлеченіе, а слѣдовательно теряютъ то значеніе, которое онѣ имѣютъ, употребленные во время.

Что касается до содержанія статей, то воспитатель не долженъ ограничиваться исключительнымъ выборомъ сочиненій назидательныхъ; напротивъ отрывки въ историческомъ, повѣствовательномъ и описательномъ родахъ и наконецъ чисто литературныя статьи, разумно выбранныя, могутъ служить въ свою очередь для воспитательныхъ нравственныхъ цѣлей.

Обязанности воспитателя относительно физическаго развитія воспитанниковъ.

Воспитатели каждаго возраста по очереди между собою должны присутствовать при всѣхъ обязательныхъ занятіяхъ воспитанниковъ (гимнастика, возрастное пѣніе, танцы и фронтъ) и сообщаютъ инспектору классовъ о всѣхъ, замѣченныхъ ими упущеніяхъ во время этихъ занятій, и о тѣхъ воспитанникахъ, которые по усмотрѣнію медика нуждаются въ особыхъ занятіяхъ съ ними гимнастикою, или вовсе должны быть освобождены на нѣкоторое время отъ всѣхъ вообще физическихъ упражненій.

Присутствіе одного изъ воспитателей на всѣхъ обязательныхъ занятіяхъ должно считаться положительно необходимымъ еще и потому, что для нѣкоторыхъ занятій, напримѣръ гимнастикою, большая часть гимназій имѣетъ учителей—молодыхъ людей, состоящихъ въ нижнихъ чинахъ, которые по положенію своему не всегда обладаютъ достаточнымъ авторитетомъ надъ воспитанниками особенно старшихъ возрастовъ. А между тѣмъ важное значеніе всѣхъ вообще физическихъ упражненій и гимнастика въ особенности въ воспитаніи признана всѣми *новѣйшими* педагогами.

Конечно, въ томъ случаѣ, когда весь возрастъ занимается вдругъ, достаточно присутствіе одного дежурнаго воспитателя, а если занятія ведутся полувозрастами, то дежурный остается въ возрастѣ, а одинъ изъ остальныхъ воспитателей по очереди присутствуютъ на занятіяхъ съ другою половиною.

Обязанности воспитателя по отдѣленію.

Главнѣйшія обязанности воспитателя по отдѣленію указаны выше въ отношеніи религіозно-нравственнаго, умственнаго и физическаго развитія.

Въ заключеніе остается сказать, что будучи полнымъ и непосредственнымъ попечителемъ ввѣренныхъ ему воспитанниковъ воспитатель долженъ прежде всего быть искренно преданнымъ своему дѣлу, доброжелательно и разумно относиться къ своимъ воспитанникамъ вообще и въ частности къ отдѣльнымъ личностямъ, долженъ заботится объ нихъ и служить имъ опорою во всѣхъ случаяхъ ихъ жизни въ заведеніи и наконецъ, воспитатель долженъ сознавать и постоянно имѣть въ виду то, что онъ отвѣчаетъ за каждаго изъ своихъ воспитанниковъ передъ Богомъ, передъ собственною своею совѣстью и обществомъ.

Обязанности дежурнаго воспитателя.

Время вступленія на дежурство опредѣляется по взаимному соглашенію воспитателей возраста и утверждается Директоромъ заведенія. Удобнѣйшимъ часомъ для смѣны стараго и вступленія новаго дежурнаго можно считать тотъ, когда преподаватели заняли свои мѣста въ классяхъ, т е. въ промежутокъ между 9-ю и 10-ю часами по утру.

Вступающій на дежурство воспитатель получаетъ отъ бывшаго дежурнаго свѣдѣнія о состояніи возраста, объ особенныхъ распоряженіяхъ Директора, если онѣ были; справляется о поведеніи воспитанниковъ, за которыми по какому-либо случаю, нуженъ особый присмотръ; затѣмъ осматриваетъ помѣщенія возраста, освѣ-

домляется о дежурномъ дядькѣ и о дневальномъ служителѣ; въ случаѣ неисправной уборки помѣщеній, дѣлаетъ немедленно распоряженіе о приведеніи замѣченнаго въ надлежащій порядокъ.

Во время уроковъ, когда всѣ классныя отдѣленія возраста заняты преподавателями, дежурные воспитатели въ двухъ старшихъ возрастахъ могутъ съ вѣдома инспектора классовъ отлучаться изъ помѣщенія возраста на короткое время и то, въ случаѣ крайней надобности, оставляя для наблюденія за порядкомъ въ корридорѣ дежурнаго дядьку, но къ началу перемѣны и во время, когда она продолжается, дежурные воспитатели должны быть непремѣнно въ помѣщеніяхъ своихъ возрастовъ для наблюденія за порядкомъ вообще, за своевременнымъ приходомъ воспитанниковъ на свои мѣста по сигналу, и для того, чтобы принять къ свѣдѣнію, всѣ замѣчанія о воспитанникахъ, которые могутъ быть сдѣланы преподавателями, какъ относительно выполненія учениками уроковъ, такъ и въ отношеніи поведенія ихъ во время лекцій.

Если по болѣзни преподавателя или по какимъ либо другимъ причинамъ остается въ возрастѣ свободная лекція, то она отдается отдѣльному воспитателю, или можетъ быть занята дежурнымъ воспитателемъ, который по своему усмотрѣнію занимаетъ воспитанниковъ чѣмъ нибудь полезнымъ.

По окончаніи классовъ, дежурный воспитатель, безотлучно находится при воспитанникахъ, и, руководствуясь росписаніемъ занятій дня, слѣдитъ за точнымъ его выполненіемъ.

О небытности на урокахъ учителей обязательныхъ и необязательныхъ занятій сообщаетъ инспектору классовъ и обо всѣхъ упущеніяхъ, замѣченныхъ имъ во время дежурства по различнымъ отраслямъ хозяйственнаго управленія, докладываетъ Директору заведенія. Лично же отъ себя дежурный воспитатель никакихъ замѣчаній и распоряженій по отношенію къ эконому, смотрителю дома и завѣдующему обмундированіемъ не долженъ дѣлать.

Дежурный воспитатель водитъ воспитанниковъ на прогулку во время большой перемѣны и въ назначенное для того время дня, — подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ воспитанники

строятся и ходятъ, соблюдая должный порядокъ въ столовую залу на гимнастику и т. п.

Дежурный воспитатель долженъ знать наличный численный составъ воспитанниковъ своего возраста, а равно и объ отсутствующихъ: въ отпуску, въ лазаретѣ, въ уединенной комнатѣ или подъ арестомъ въ карцерѣ, и при посѣщеніи возраста кѣмъ—либо изъ начальствующихъ лицъ, встрѣчаетъ его, рапортуетъ съ шапкою на головѣ о состояніи возраста и остается при посѣтителѣ во все время пребыванія его въ возрастѣ.

Военные воспитатели и гражданскія, носящіе форму военнаго министерства являются на дежурство въ обыкновенной формѣ, въ сюртукахъ при оружіи.

Никто изъ постороннихъ лицъ не можетъ находиться въ помѣщеніяхъ возраста, за чѣмъ наблюдаетъ дежурный воспитатель, онъ же отпускаетъ воспитанниковъ изъ возраста для свиданія съ родными и знакомыми въ положенное для того время въ пріемную комнату, а также даетъ записки тѣмъ изъ воспитанниковъ, которые отпускаются имъ для свиданія съ братьями. (*)

Дежурный воспитатель отправляетъ воспитанниковъ въ лазаретъ на перевязку утромъ сейчасъ послѣ чая при дядькѣ, а равно и въ экстренномъ случаѣ воспитанника, заболѣвшаго во всякое другое время.

Онъ же увольняетъ воспитанниковъ своего возраста въ отпускъ, снабжаетъ ихъ билетами и осматриваетъ опрятно-ли они одѣты, соблюдена-ли форма въ которой смотря по времени года и погодѣ должны быть одѣты воспитанники. При возвращеніи воспитанниковъ изъ отпуска дежурный воспитатель опять осматриваетъ каждаго являющагося и слѣдитъ по возможности за тѣмъ, чтобы не было приносимо изъ дома недозволенныхъ вещей и съѣстныхъ

(*) *Примѣчаніе.* По правиламъ заведенія для этой цѣли воспитанники старшихъ возрастовъ приходятъ въ младшіе возрасты, но неиначе какъ предъявивъ позволеніе своего воспитателя—дежурному по возрасту, и на оборотъ воспитанникамъ младшихъ возрастовъ ни въ какомъ случаѣ не дозволяется посѣщать братьевъ своихъ, находящихся въ старшихъ возрастахъ.

припасовъ. Опоздавшихъ или во все неявившихся изъ отпуска отмѣчаетъ по книгѣ дежурства, и доноситъ Директору о послѣднихъ, если онъ былъ дежурнымъ по цѣлому заведенію, или сообщаетъ объ нихъ воспитателю дежурному по гимназіи для доклада Директору.

Дежурный воспитатель во время приготовленія воспитанниками уроковъ занимается съ своимъ отдѣленіемъ въ классѣ, а по докладу дежурнаго дядьки выходитъ на встрѣчу начальствующихъ лицъ.

Дежурный воспитатель по утру и вечеромъ наблюдаетъ за благочиніемъ во время общей молитвы, которую иногда читаетъ самъ или приказываетъ читать ее одному изъ воспитанниковъ своего отдѣленія, выбирая для этого хорошаго чтеца.

Дежурный воспитатель по утру *встаетъ нѣсколько ранѣе* воспитанниковъ и тотчасъ по пробитіи сигнала наблюдаетъ, чтобы всѣ воспитанники немедленно вставали, умывались, чистились и одѣвались; вечеромъ спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ уложены воспитанники, онъ по обходѣ дортуаровъ, ложится спать въ дежурной комнатѣ совершенно раздѣвшись и только иногда встаетъ во время ночи для наблюденія за дежурнымъ дядькою, который во всю ночь не долженъ спать, чтобы воспитанники ни на одну минуту не оставались безъ надзора.

Вообще весь внѣшній порядокъ въ возрастѣ и присмотрѣ надъ воспитанниками, за исключеніемъ только того времени, когда находятся въ классахъ подъ надзоромъ преподавателей, лежитъ непосредственно на дежурномъ воспитателѣ, который наблюдаетъ за точнымъ выполненіемъ воспитанниками всѣхъ принятыхъ въ заведеніи уставовъ, за тишиною во время занятій, не допуская никакихъ неприличныхъ выходокъ даже во время игръ.

По смѣнѣ съ дежурства воспитатель, дежурный по цѣлому заведенію, является къ Директору, и лично докладываетъ ему обо всемъ, что было замѣчено имъ и другими дежурными въ продолженіи прошлыхъ сутокъ.

Обязанности воспитателя въ отношеніи родителей, родственниковъ или опекуновъ воспитанниковъ.

Для полнаго ознакомленія съ воспитанниками, для безъ ошибочнаго вліянія на нихъ, воспитатель имѣетъ надобность въ свѣдѣніяхъ и помощи со стороны родителей и родственниковъ; и на оборотъ, родители и родственники или, замѣняющія ихъ опекуны, для того, чтобы имѣть извѣстія о дѣтяхъ своихъ, отданныхъ на попеченіе заведенія, въ свою очередь нуждаются въ перепискѣ съ воспитателями такъ какъ это лучшій, даже можно сказать единственный, источникъ для нихъ. Въ особенности переписка неизбѣжна по отношенію къ воспитанникамъ изъ дальнихъ мѣстъ (которыхъ въ нашей гимназіи большинство).

Такимъ образомъ переписка является одинаково важною для обѣихъ сторонъ. Весьма естественно, что въ такихъ случаяхъ, когда родные воспитанника живутъ въ томъ же городѣ, или часто посѣщаютъ его, переписка совершенно замѣняется личными свиданіями.

Къ сожалѣнію, бываютъ случаи апатичнаго отношенія родныхъ къ воспитанію своихъ дѣтей, такъ какъ у насъ и до настоящаго времени найдутся такіе родные, которые, сваливъ мальчика съ рукъ долой, предполагаютъ, что все уже сдѣлано для него. (*) Но со стороны воспитателя какъ человѣка образованнаго и *педагога*, нельзя ожидать ничего подобнаго; а потому, въ случаѣ такой апатіи, воспитатель обязанъ тѣмъ не менѣе дѣлать свое

(*) *Примѣчаніе.* Такъ напримѣръ въ Воронежскую военную гимназію въ Августѣ прошлаго 1867 года поступило 37 мальчиковъ, уроженцевъ Кавказскаго края. Воспитатели по обыкновенію озаботились тотчасъ-же объ адресахъ родителей вновь принятыхъ воспитанниковъ. Нѣкоторые изъ этихъ адресовъ сообщены были самими воспитанниками, объ остальныхъ сдѣланы были оффиціальные запросы отъ гимназіи чрезъ штабъ кавказскаго Намѣстника, такъ какъ 1/3 дѣтей по молодости, неразвитости и наконецъ, по неумѣнью вовсе объясняться по русски не могли сообщить нетолько мѣста жительства, но и именъ своихъ родителей Но вотъ уже прошло болѣе года, какъ дѣти находятся въ гимназіи а адрессы родителей шести мальчиковъ и до этихъ поръ неизвѣстны заведенію. Много и другихъ подобныхъ случаевъ непонятное равнодушіе родныхъ къ дѣтямъ можно-бы было подтвердить фактами, но здѣсь неудобно распространяться объ этомъ.

дѣло, то есть всячески вызывать родныхъ воспитанниковъ на личныя бесѣды или переписку, и только тогда оставить заботу объ этомъ, когда надежда окончательно будетъ потеряна.

Какъ человѣкъ образованный и понимающій свои обязанности, воспитатель не долженъ считать для себя унизительною, нѣкоторую навязчивость въ этомъ случаѣ, онъ долженъ быть снисходительнымъ къ недостаткамъ заблужденія и, можетъ быть, иногда грубымъ понятіемъ иныхъ родителей и терпѣливо добиваться помощи съ ихъ стороны; если ему удастся добиться этого, то,—конечно,—успѣхъ дѣла вполнѣ вознаградитъ труды его. Какъ ни велико значеніе воспитателя, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ замѣнить для воспитанника отца и мать; а потому онъ обязанъ поддерживать въ дѣтяхъ сыновнею любовь и вообще родственныя чувства, относиться къ этимъ чувствамъ съ уваженіемъ, каковы-бы и кто-бы нибыли ихъ родители и родственники. Иногда дѣти, поступивъ въ интернатъ, тоскуютъ по родной семьѣ, вообще по семейной обстановкѣ: эту тоску слѣдуетъ уважать и стремиться, чтобы изъ нея выработалось сознаніе сыновнихъ обязанностей, такое свѣтлое, семейное чувство, которое не сушитъ, не томитъ, какъ тоска, но способствуетъ хорошему нравственному развитію. Такой выработкѣ можно содѣйствовать теплыми, разумными разговорами;—чувство томительной тоски успокаивается, когда оно высказано; воспоминаніе вмѣсто убивающаго, начинаетъ производить одобряющее дѣйствіе, придаетъ энергію въ трудѣ, въ стремленіи къ достиженію цѣли, чтобы порадовать старика отца, нѣжно любимую мать. Кромѣ разговоровъ, хорошо, если воспитатель, такихъ скучающихъ дѣтей, будетъ вводить въ свою семью, конечно, не съ цѣлью замѣнить родную семью, но по крайней мѣрѣ поддержать въ ребенкѣ родственныя чувства, и при этомъ дать имъ такое направленіе чтобы онѣ не убивали, а оживляли и ободряли.

Сближеніе съ семействомъ воспитателя, безъ сомнѣнія, полезно и для всѣхъ воспитанниковъ, но оно не всегда возможно и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставлено въ обязанность воспитателю, а потому остается только желать, чтобы оно су-

ществовало, хоть для нѣкоторыхъ, наиболѣе въ томъ нуждающихся.

Нѣтъ надобности говорить, что письма родителей ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ оставлять безъ отвѣтовъ, какого-бы содержанія онѣ не были, такъ какъ желаніе знать о дѣтяхъ есть неотъемленное право каждаго отца, каждой матери. Въ письмахъ своихъ воспитатель долженъ стараться дать родителямъ самое точное представленіе объ условіяхъ, объ обстановкѣ, среди которыхъ живетъ ихъ сынъ, что отчасти будетъ содѣйствовать разсѣянію разныхъ ложныхъ слуховъ о заведеніи, о его направленіи и обычаяхъ, а слѣдовательно, будетъ имѣть вліяніе и на переписку родителей съ дѣтьми, потому что при полномъ знакомствѣ съ заведеніемъ нѣкоторые изъ родителей, можетъ быть, измѣнятъ характеръ своихъ совѣтовъ и наставленій, нерѣдко противорѣчащихъ стремленіямъ воспитанія. Въ случаѣ же такихъ противорѣчій воспитатель долженъ завести переписку о нихъ отнюдь не подрывая въ воспитанникѣ чувства сыновней любви.

Необходимо вмѣнить въ обязанность каждому закрытому заведенію, чтобы родители или родственники воспитанниковъ по крайней мѣрѣ два раза въ годъ (въ половинѣ учебнаго года и по окончаніи его) были оффиціально увѣдомляемы о поведеніи и успѣхахъ дѣтей, отданныхъ ими на попеченіе заведенія. Въ запискахъ этихъ на имя каждаго воспитанника должны быть проставлены баллы его по всѣмъ предметамъ за подписью инспектора классовъ и особая отмѣтка воспитателя о поведеніи и о томъ, что ожидаетъ того или другаго воспитанника, оказавшаго слабые успѣхи въ наукахъ или дурнаго по поведенію.

Такого рода заблаговременныя заявленія могутъ и должны вызвать родителей на переписку и тѣмъ самымъ благотворно повліяютъ на воспитательное дѣло вообще.

О наказаніяхъ.

Съ теоретически-педагогической точки зрѣнія, наказанія а равно и награды не могутъ считаться раціональными двигателями въ

дѣлѣ воспитанія и обученія, но практика до сихъ поръ не выработала такой системы воспитанія, которая-бы совершенно исключала то и другое, обходилась безъ наградъ и наказаній.

Всѣ понимаютъ, что идеальный взглядъ на искусство воспитанія допускаетъ такое исключеніе, но въ то же время на практикѣ огромное большинство педагоговъ придерживается и тѣхъ и другихъ, а ничтожное, протестующее меньшинство—вступаетъ въ сдѣлки, придумывая такія мѣры, которыя въ сущности тѣ-же награды и наказанія; только подъ другими названіями,—напримѣръ: это меньшинство допускаетъ отдѣленіе шалуна отъ общества работающихъ дѣтей, похвалу за прилежаніе и т. п. Развѣ въ существѣ дѣла это не тѣ же наказанія и награды, хотя теорія и называетъ ихъ естественнымъ послѣдствіемъ поступка, сравнивая это послѣдствіе съ ушибомъ отъ паденія? Конечно тѣ же самыя, только допускаемыя съ ограниченіемъ. Принимая эти формы наказанія меньшинство допускаетъ самый принципъ, а въ принципѣ-то и все дѣло. Допустивъ принципъ, нечего спорить о формахъ, потому что формы объусловливаются множествомъ особенностей въ положеніи и свойствахъ воспитанниковъ. Какія же особенности представляютъ намъ военныя гимназіи?

Во первыхъ, онѣ представляютъ массу, которая не даетъ возможности доставить каждой личности особую обстановку, къ которой корпорація воспитателей по необходимости должна относиться во многихъ случаяхъ, какъ къ единицѣ; во вторыхъ, онѣ представляютъ собраніе индивидуумовъ, первоначальное воспитаніе которыхъ уже сдѣлано дома и нерѣдко подъ системой суровыхъ наказаній (впрочемъ слово система здѣсь едва-ли умѣстно, потому что въ нашемъ домашнемъ воспитаніи въ огромномъ большинствѣ случаевъ нѣтъ никакой системы).

Всѣ эти особенности приводятъ къ такому заключенію, что гимназія не можетъ обойтись безъ наказаній, чтобы справиться съ массой своихъ воспитанниковъ, не впасть во вредное противорѣчіе съ ихъ домашнимъ воспитаніемъ и поддерживать необходимое здѣсь безпрекословное исполненіе требованій, вообще послушаніе.

Само собою разумѣется, что наказанія эти должны имѣть исключительно *исправительный*, а отнюдь не мстительный и не карательный характеръ, то есть наказывать можно только тогда, когда заведеніе расчитываетъ исправить воспитанника, когда оно надѣется на исправительное вліяніе наказанія: если заведеніе не имѣетъ такой надежды, то ему ничего не остается болѣе, какъ честно отказаться отъ воспитанника, а тогда въ строгомъ смыслѣ оно уже не имѣетъ права наказывать. Точно также понятно, что наказанія должны быть приведены въ систему; ограничены извѣстными предѣлами и въ примѣненіи къ практикѣ сообразны съ большей или меньшей воспріимчивостью, съ большей или меньшей мягкостью личности наказуемаго.

Первая категорія наказаній—*лишеніе того, чѣмъ воспитанникъ злоупотребляетъ:* прогулка, общества товарищей; того или другаго удовольствія, наконецъ—свободы. Это наказаніе и есть то, что радикалы-педагоги называютъ прямымъ, естественнымъ послѣдствіемъ проступка. Здѣсь, конечно, можетъ быть очень много подраздѣленій, степеней, потому что лишеніе чего-либо можетъ продолжаться на большій или меньшій срокъ,—необходимо только, чтобы въ будущемъ воспитанникъ видѣлъ возможность возвращенія того, чего онъ лишенъ. Дѣло воспитателя такъ дѣйствовать на него, чтобы въ воспитанникѣ возрастало желаніе возвратить потерянное, чтобы въ немъ жила полная надежда на возвращеніе и зрѣла воля достигнуть этого возвращенія.

Вторая категорія—*наказанія дѣйствующія на самолюбіе*: выговоры наединѣ, передъ отдѣленіемъ, передъ цѣлымъ возрастомъ, *выставка къ барабану*, лишеніе погоновъ, *черная доска, сѣрая куртка*, наконецъ удаленіе въ отдѣльное помѣщеніе на продолжительное время не въ смыслѣ лишенія свободы, но удаленіе отъ товарищей недостойнаго быть съ ними. (*)

(*) *Примѣчаніе.* Это можетъ быть только въ такомъ случаѣ, когда, по важности сдѣланнаго проступка, воспитанникъ подлежитъ немедленному исключенію изъ заведенія, а по существующимъ положеніямъ на такое исключеніе заведеніе не имѣетъ права безъ разрѣшенія Главнаго Управленія и, должно сказать, что какъ ни рѣдки случаи, въ которыхъ является необходимость немедленнаго удаленія воспитанника изъ заведенія, но они бываютъ и, конечно, при подобныхъ обстоятельствахъ до полученія прика-

Здѣсь надо соблюдать строгую разборчивость какъ по отношенію къ личностямъ, такъ и въ выборѣ самаго наказанія: съ одной стороны увеличеніе затрогивающаго самолюбіе наказаніе, легко можетъ привести къ результатамъ прямо противоположнымъ тому, чего предполагалось достигнуть, то есть вызвать озлобленіе, чувство протеста противъ несправедливости, мысль о героическомъ страданіи понапрасну; съ другой стороны неумѣстная осторожность по отношенію къ воспитаннику, уже деморализованному въ средѣ, изъ которой онъ вышелъ, самолюбіе котораго уже дома пріучено было къ толчкамъ или, можетъ быть, даже заглушено,—тоже будетъ вредно, потому что легко можетъ вызвать ухорскія выходки, не исправитъ, а только приготовитъ воспитанника къ равнодушному перенесенію послѣдующихъ наказаній и поведетъ его къ дальнѣйшей деморализаціи. Само собою разумѣется, что здѣсь успѣхъ главнымъ образомъ будетъ зависить отъ педагогическаго такта воспитателя: иногда крутая мѣра спасетъ мальчика отъ порчи, иногда одно ласковое слово замѣнитъ всякое наказаніе.

Третья категорія—*наказанія соединяющія въ себѣ физическую боль и нравственное униженіе, съ преобладаніемъ того или другаго;* сюда относятся лишенія въ пищи въ большей или меньшей степени (одного или 2-хъ блюдъ, *завтрака, обѣда, ужина* (**)

за объ увольненіи, воспитанникъ остается на рукахъ заведенія въ отдѣльномъ помѣщеніи отъ товарищей, не принимая участія ни въ какихъ занятіяхъ возраста. Въ столичныхъ гимназіяхъ по близости центральнаго управленія въ разсматриваемыхъ экстренныхъ случаяхъ исключеніе изъ заведенія бываетъ на самомъ дѣлѣ немедленнымъ, тогда какъ въ провинціальныхъ гимназіяхъ иногда довольно продолжительное ожиданіе приказа ставитъ заведеніе въ положеніе неудобное, какъ относительно самаго помѣщенія, такъ и въ отношеніи присмотра за отдѣленными воспитанниками.

(**) *Примѣчаніе* Лишеніе пищи, какъ дознано изъ многолѣтняго опыта, можно считать наказаніемъ менѣе всего достигающимъ цѣли, а между тѣмъ частое наложеніе этого рода взысканій должно вредно отзываться на физическомъ благосостояніи дѣтей, которыя болѣе всего нуждаются въ достаточномъ количествѣ пищи для своего развивающагося организма. Такое требованіе натуры отчасти достигается тѣмъ, что лишенные цѣлаго обѣда, или 2-хъ блюдъ воспитанники, стараются вознаградить себя, съѣдая больше противъ обыкновеннаго количество хлѣба и супа; а это послѣднее обстоятельство, конечно, лучше всего доказываетъ всю несостоятельность такого рода взысканій, и потому на практикѣ воспитателю надо стараться по возможности рѣже прибѣгать къ лишенію воспитанниковъ пищи. Хотя съ другой стороны нельзя не сказать и того, что на нѣкоторыхъ дѣтей младш. возраста лишеніе *лакомаго блюда* хорошо дѣйствуетъ и служитъ сильнымъ побуждающимъ средствомъ въ особенности въ примѣненіи къ дѣтямъ мало развитымъ

и розги; послѣднія для дѣтей младшаго возраста являются наказаніемъ по преимуществу физическимъ, а для мальчиковъ отъ 12—13 лѣтъ и старше по преимуществу позорящимъ.

Въ назначеніи телѣснаго наказанія мало осторожности и соображеній одного человѣка: *во первыхъ* само наказаніе это слишкомъ опасно и легко-злоупотребляемо, чтобы можно было довѣрить его въ руки одному человѣку кромѣ отца, потому что и розга въ рукахъ отца не то, что въ рукахъ человѣка посторонняго, и всякое наказаніе, наложенное отеческой рукой, дѣйствуетъ совершенно иначе, и побои отъ руки отца—не позоръ; во вторыхъ какъ средство крайнее, допускаемо только за неимѣніемъ другихъ средствъ, розга требуетъ обдуманности, проницательности и такихъ всесторонніхъ обсужденій, какихъ можно требовать и ожидать *только отъ замѣчательно-талантливыхъ педагоговъ.* По этому розги могутъ быть назначены только по опредѣленію коммитета; а на ряду съ ними въ этомъ отношеніи слѣдуетъ поставить также и сѣрую куртку.

Коснувшись вопроса о наказаніяхъ, кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о той вредной мысли, которая нерѣдко примѣняется къ системѣ наказаній и, которой слѣдуетъ положительно избѣгать въ воспитательной практикѣ—*это о наказаніяхъ виновнаго съ цѣлью устрашенія товарищей.* Вообще всякое устрашеніе лишено педагогическаго смысла, потому что педагогика должна воспитывать нравственныхъ людей не изъ страха наказанія, а нравственныхъ по душѣ, по убѣжденію, наконецъ,—по привычкѣ (привычка здѣсь играетъ важную роль: факты воровъ по привычкѣ—не рѣдкость). Кромѣ того съ желаніемъ устрашить воспитанниковъ примѣромъ товарища соединяется далеко ненравственное предположеніе, что отъ устращаемыхъ ожидаютъ того-же, что сдѣлалъ ихъ товарищъ. Воспитатель никогда не долженъ подавать виду, что ожидаетъ со стороны воспитанниковъ такихъ или иныхъ проступковъ; выраженіе подобныхъ ожиданій ставитъ между тѣми и другими такую нравственную преграду, которая влечетъ за собой полное разъединеніе; не рѣдко оно даже

вызываетъ дѣтей на проступки, подталкиваетъ, наводитъ на дурныя мысли.

Наказанія, принятыя въ заведеніи, можно расположить, начиная съ легкихъ до самыхъ важныхъ, въ нижеслѣдующей постепенности:

1) *Замѣчанія* (легкія въ родѣ напоминаній и болѣе серьезнымъ тономъ).

2) Выговоры (наединѣ, передъ отдѣленіемъ и передъ цѣлымъ возрастомъ).

3) Лишеніе игръ съ товарищами, назначеніе занятій въ рекреаціонное время, (въ случаѣ неисполненія заданной работы настойчиво требовать непремѣннаго выполненія ея).

4) Стояніе на штрафу, (отъ 1/4 часа до одного часа).

5) Замѣна булки за завтракомъ чернымъ хлѣбомъ, лишеніе одного или двухъ блюдъ за обѣдомъ.

6) Удаленіе въ отдѣльную комнату отъ одного часа и болѣе на все свободное время дня кромѣ класснаго времени, а для воспитанниковъ старшаго возраста тоже самое съ содержаніемъ въ карцерѣ. (*)

7) Сокращеніе часовъ отпуска, или лишеніе отпуска на весь праздничный день.

8) Отдѣленіе отъ товарищей въ классахъ, за столомъ, въ строю на лѣвый флангъ, за какіе либо неблагородные поступки.

9) Строгій арестъ на хлѣбъ и на воду на сутки, (въ случаѣ арестъ продолжится на двое или на трое сутокъ, то хлѣбъ и вода не могутъ быть назначены иначе, какъ черезъ день, то есть первый день хлѣбъ и вода, слѣдующій—полная порція и такъ далѣе).

10) Лишеніе погоновъ и сбавка балловъ за поведеніе.

11) Наказаніе розгами въ 2-хъ младшихъ возрастахъ и въ 3-мъ недостигшихъ 16 лѣтъ, только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

(*) *Примѣчаніе.* Въ карцерѣ помѣщаются иногда за важные проступки и воспитанники 3-го возраста, но эта мѣра какъ исключеніе, допускается для такихъ воспитанниковъ, которые имѣютъ около 16-ти лѣтъ и при томъ по физическому развитію своему могутъ считаться достаточно возмужалыми.

12) Сѣрая куртка.

13) Исключеніе изъ заведенія (здѣсь бываетъ двѣ степени: по предложеніи заведенія родители могутъ взять воспитанниковъ по домашнимъ обстоятельствамъ, или исключеніе за дурное поведеніе).

Наказанія, означенныя въ 5-ти послѣднихъ рубрикахъ налагаются иначе, какъ съ разрѣшенія Директора по обсужденіи проступка въ воспитательномъ коммитетѣ, а послѣднее наказаніе по опредѣленію полнаго педагогическаго собранія.

Взысканія за проступки воспитанниковъ непосредственно принадлежатъ отдѣленному воспитателю, какъ полному хозяину ввѣреннаго ему воспитательнаго отдѣленія.

Говоря о школьныхъ наказаніяхъ не излишне будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда проступокъ сдѣланъ цѣлою массою воспитанниковъ, которые не сознаются въ немъ?

Всѣ сужденія по этому вопросу сводятся къ тому, что наказаніе массы не раціонально и не педагогично; слѣдовательно воспитателю должно вести дѣло воспитанія такъ, чтобы вслѣдъ за проступкомъ сдѣланномъ массою, являлись настоящіе виновные съ повинною головою, и тогда, конечно, эти послѣдніе понесутъ наказаніе, которое можно смягчить во вниманіе къ сознанію, но оставлять совершенно безнаказаннымъ не должно, именно потому, чтобы не подать повода воспитанникамъ къ ложному заключенію, что при совершеніи шалости массою, она можетъ остаться безъ наказанія.

Если же при совершеніи проступка цѣлою массою воспитанниковъ, никто не сознается въ немъ, (*) то лучше сдѣлать взысканіе съ цѣлаго отдѣленія или класса, нежели выбрать нѣсколькихъ личностей для взысканія съ нихъ за всѣхъ только по одному предположенію, что они прежнимъ своимъ поведеніемъ могутъ

(*) *Примѣчаніе.* Со времени преобразованія, въ Михайловской Воронежской военной гимназіи не было ни одного случая, чтобы тотчасъ же не вышли виновные и не сознались въ сдѣланномъ проступкѣ.

быть болѣе другихъ заподозрѣны въ сдѣланномъ проступкѣ какъ это было взыскано одною военною гимназіею (протоколъ 7, 9, 11 Октября 1867 г. Педагогич. сборникъ № 1 1868 года).

Наконецъ, если проступокъ, сдѣланный массою, въ существѣ своемъ не можетъ считаться важнымъ и носить характеръ дѣтской шалости, то воспитатель на первый разъ можетъ ограничиться строгимъ выговоромъ и внушеніемъ, разъяснивъ при томъ воспитанникамъ, что всякая шалость сдѣланная вдругъ нѣсколькими воспитанниками всегда будетъ строго преслѣдоваться и повлечетъ за собою сильнѣйшее взысканіе; а въ случаѣ повторенія проступка массою—воспитателю остается неуклонно выполнить обѣщанное и строго наказать всѣхъ.

Однимъ словомъ безнаказанность потому только, что проступокъ совершенъ огуломъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущена.

Отношенія воспитателя къ полному педагогическому и воспитательному коммитетамъ.

1) Воспитательный коммитетъ собирается еженедѣльно въ назначенный для того день; въ случаѣ отмѣны засѣданія воспитатели увѣдомляются о томъ заблаговременно записками; такъ точно и о собраніи полнаго педагогическаго коммитета—всѣ члены его составляющіе, увѣдомляются за ранѣе повѣстками.

2) Передъ каждымъ коммитетомъ воспитатели каждаго возраста предварительно совѣщаются между собою, имѣя въ виду всестороннее обсужденіе вопроса или случая, по которому созывается коммитетъ.

3) При обсужденіи въ общемъ коммитетѣ проступковъ воспитанниковъ, воспитатель отдѣленія, къ которому воспитанникъ принадлежитъ долженъ имѣть преимущество голоса, какъ лицо болѣе знакомое съ личностію, о которой идетъ рѣчь. Онъ читаетъ въ коммитетѣ докладъ и объясняетъ подробности дѣла, за тѣмъ предсѣдателемъ отбирается мнѣніе отъ остальныхъ воспитателей возраста, а равно и преподавателей того класснаго отдѣленія, въ

которомъ находится воспитанникъ и тогда проступокъ обсуждается всѣми членами.

4) Рѣшеніе вопроса считается состоявшимся по большинству голосовъ.

5) Воспитатель не согласный съ мнѣніемъ коммитета подаетъ письменно свое особое мнѣніе, которое прилагается къ дѣлу.

6) Всѣ постановленія коммитета каждый членъ въ своей практической дѣятельности долженъ безусловно выполнять

Отношеніе воспитателя къ Директору заведенія.

Воспитатель — исполнитель всѣхъ законныхъ распоряженій Директора, какъ лицо непосредственно ему подчиненное.

Въ случаѣ недоразумѣнія по какимъ либо обстоятельствамъ въ педагогическомъ и другихъ отношеніяхъ воспитатель обращается къ Директору словесно, или письменно. О случаяхъ недоразумѣнія Директоръ сообщаетъ всѣмъ воспитателямъ для свѣдѣнія и руководства въ ближайшемъ коммитетѣ.

Отношеніе воспитателя къ Инспектору классовъ.

Воспитатель сообщаетъ Инспектору классовъ свои наблюденія о способностяхъ и влеченіи воспитанниковъ къ занятіямъ какимъ либо предметомъ преимущественно о причинахъ успѣшности или не успѣшности воспитанниковъ отдѣленія по всѣмъ предметамъ преподаванія и свои соображенія касательно вліянія на воспитанниковъ въ этомъ отношеніи того или другаго преподавателя.

Отношеніе воспитателя къ законоучителю.

Воспитатель, какъ сотрудникъ законоучителя въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго развитія воспитанниковъ, доводитъ до свѣдѣнія законоучителя о всѣхъ поступкахъ полезно или вредно дѣйствующихъ на товарищей воспитанниковъ и обращается къ его содѣйствію въ отношеніи воспитанниковъ легкомысленныхъ, поведеніе которыхъ обнаруживаетъ большее или меньшее уклоненіе въ дурную сторону.

Отношеніе воспитателя къ преподавателямъ.

Воспитатель имѣя отзывы преподавателей о воспитанникахъ своего отдѣленія, старается содѣйствовать преподавателямъ къ достиженію наибольшаго успѣха воспитанниковъ въ научныхъ предметахъ личнымъ участіемъ въ занятіяхъ воспитанниковъ, и заботится о возможно-согласномъ взаимодѣйствіи на воспитанниковъ; въ случаѣ же разногласія обращается за разрѣшеніемъ къ Инспектору классовъ или Директору.

Во время лекцій, когда преподаватель на урокѣ, воспитатель можетъ быть только посѣтителемъ въ классѣ и не долженъ дѣлать никакихъ распоряженій и замѣчаній воспитанникамъ до тѣхъ поръ, пока преподаватель въ классѣ. Все замѣченное воспитателемъ во время урока онъ только принимаетъ къ свѣдѣнію, и потомъ по окончаніи лекціи входитъ въ объясненіе съ преподавателемъ, если признаетъ это необходимымъ, но во всякомъ случаѣ не при воспитанникахъ. чтобы не уронить авторитета преподавателя въ классѣ, гдѣ онъ одинъ полный хозяинъ.

а) Отношеніе воспитателя къ лицамъ завѣдывающимъ хозяйственною частію.

О неисправностяхъ замѣченныхъ воспитателемъ въ своемъ отдѣленіи или во время дежурства въ помѣщеніи возраста, а равно объ упущеніяхъ возрастной прислуги находящейся въ вѣдѣніи смотрителя дома, воспитатели (кромѣ особенныхъ случаевъ требующихъ немедленнаго содѣйствія) передаютъ тому изъ воспитателей своего возраста, который состоитъ членомъ хозяйственнаго комитета, а этотъ послѣдній запискою даетъ знать или лично передаетъ обо всемъ смотрителю дома; и въ случаѣ неисполненія требованія его немедленно докладываетъ объ этомъ Директору гимназіи.

б) Къ завѣдывающему обмундированіемъ.

Воспитатель получаетъ отъ завѣдывающаго обмундированіемъ реестръ вещей, долженствующихъ находиться у воспитанниковъ

его отдѣленія, какъ на ихъ собственныхъ рукахъ такъ и вещей хранящихся въ цейхаузѣ на рукахъ дядьки, которому воспитатель выдаетъ копію съ реестра за своимъ подписомъ, и по ней провѣряетъ время отъ времени всѣ принадлежности воспитанника совмѣстно съ завѣдывающимъ обмундированіемъ. Обо всемъ касающемся обмундированія воспитанника, воспитатель обращается съ требованіемъ къ завѣдывающему этою хозяйственною частію; въ случаѣ же надобности удовлетвореніе которыхъ не зависитъ отъ завѣдывающаго обмундированіемъ, воспитатель обращается за разрѣшеніемъ къ самому Директору.

Отвѣтственность за сохранность вещей, выданныхъ для отдѣленія лежитъ на обязанности отдѣленнаго дядьки и въ вѣдѣніи отдѣленнаго воспитателя.

в) Къ эконому заведенія.

Каждый воспитатель во время обѣда, ужина и чая имѣетъ право въ столовой залѣ потребовать пробу пищи, даваемой воспитанникамъ и, если найдетъ что либо неудовлетворительнымъ, о замѣченномъ доводитъ до свѣдѣнія Директора гимназіи. Во время дежурства, дежурный воспитатель обязанъ дѣлать пробу пищи въ своемъ возрастѣ и въ случаѣ неудовлетворительности ея, указавъ на это экономy, сообщаетъ чрезъ дежурнаго по гимназіи Директору, строго наблюдая при этомъ, чтобы сами воспитанники съ своими требованіями относительно пищи отнюдь не обращались къ экономy, и, чтобы требованія ихъ не были слишкомъ притязательны.

Дежурный воспитатель получаетъ въ обѣдъ, ужинъ, завтракъ, тоже самое, что отпускается воспитанникамъ, но можетъ требовать и лазаретный столъ, если, по состоянію здоровья долженъ соблюдать діэту,—о чемъ заранѣе увѣдомляетъ эконома.

Вообще обязанность воспитателя въ отношеніяхъ его ко всѣмъ лицамъ по хозяйственной части должна ограничиваться только сообщеніемъ о томъ или другомъ безпорядкѣ, не входя ни въ какія объясненія, и затѣмъ доводить обо всѣхъ замѣченныхъ упущеніяхъ по хозяйственной части прямо къ Директору.

г) Къ помощнику инспектора классовъ.

Воспитатель получаетъ отъ помощника инспектора классовъ, всѣ классныя принадлежности для своего отдѣленія, подъ собственную росписку; а по окончаніи учебнаго курса сдастъ ему же классныя принадлежности. Равнымъ образомъ совмѣстно съ нимъ заботится о состояніи библіотекъ по возрастамъ,—заявляетъ о нужныхъ книгахъ для пополненія возрастныхъ библіотекъ. Для болѣе удобнаго веденія дѣла въ отношеніи возрастныхъ библіотекъ, каждый изъ воспитателей возраста по очереди завѣдуетъ въ теченіе года возрастною библіотекою: одинъ онъ получаетъ отъ помощника инспектора классовъ каталогъ книгъ, составляющихъ возрастную библіотеку.

Обязанности воспитателя, какъ члена хозяйственнаго коммитета въ общихъ чертахъ обозначены самымъ положеніемъ о военныхъ гимназіяхъ. а затѣмъ въ Воронежской гимназіи они состоятъ въ слѣдущемъ: изъ каждаго возраста одинъ воспитатель назначается на годъ членомъ хозяйственнаго коммитета. На обязанности его въ нашей гимназіи лежитъ кромѣ присутствія въ хозяйственномъ коммитетѣ и свидѣтельствованія матеріаловъ и припасовъ, принимаемыхъ содержателями казеннаго имущества приходорасходчиками, также завѣдываніе наружнымъ порядкомъ и чистотою въ возрастѣ. Передъ возвращеніемъ воспитанниковъ изъ лагерей смотритель дома долженъ сдать ему помѣщеніе возраста съ подробною описью мебели и принадлежностей. Воспитатель же, росписавшись въ пріемѣ возраста, долженъ оговорить какія неисправности онъ нашелъ, какъ въ самомъ возрастномъ помѣщеніи, такъ и въ мебели и принадлежностяхъ и представить свои замѣчанія въ хозяйственный коммитетъ, или же въ случаѣ, если эти неисправности требуютъ скораго исправленія прямо г. Директору. Въ продолженіе года обо всѣхъ порчахъ мебели и принадлежностей возраста, воспитатель сносится съ смотрителемъ дома записками и, если послѣдній почему либо неисполнитъ его требованія то воспитатель долженъ обратиться съ представленіемъ этого обстоятель-

ства къ г. Директору. Точно также членъ хозяйственнаго коммитета долженъ быть посредникомъ между остальными воспитателями и завѣдующими матеріальнымъ имуществомъ въ нуждахъ по этой части всего возраста.

Воспитатель членъ хозяйственнаго коммитета наблюдаетъ за своевременной уборкой и чистотой въ возрастѣ, за исправностью и благонадежностью возрастной прислуги. Для этого вся возрастная прислуга должна быть подчинена ему, а также и дядьки должны быть подчинены ему въ обще-возрастныхъ распоряженіяхъ.

Въ случаѣ неисполнительности или неблагонадежности возрастной прислуги воспитатель обращается къ смотрителю дома съ просьбою о взысканіи съ нея, или же въ случаѣ надобности, о перемѣнѣ ея.

За отличное исполненіе своей обязанности, кого либо изъ возрастныхъ служителей, состоящихъ на дѣйствительной службѣ,— воспитатель представляетъ его къ наградѣ.

Послѣ выхода воспитанниковъ въ лагери воспитатель членъ хозяйственнаго коммитета сдаетъ возрастное помѣщеніе съ принадлежностями его и мебелью по описи г. смотрителю дома, такимъ же порядкомъ какъ и принималъ его.

При пріемѣ и сдачѣ возрастнаго помѣщенія, слѣдуетъ находиться, по крайней мѣрѣ двумъ членамъ хозяйственнаго коммитета.

Въ заключеніе не лишне будетъ сказать, что воспитатель, назначенный въ члены хозяйственнаго коммитета вступаетъ въ эту должность въ Августѣ мѣсяцѣ и въ теченіе перваго полугодія до Января мѣсяца является на дѣло только пассивнымъ наблюдателемъ, какъ во все незнакомый съ ходомъ хозяйства заведенія, а за тѣмъ къ концу учебнаго года, когда онъ только что вошелъ въ смыслъ дѣла, воспитатель передастъ свое мѣсто въ коммитетѣ новому члену, такому же новичку во всѣхъ хозяйственныхъ разсчетахъ заведенія, какимъ онъ самъ былъ при вступленіи.

Назначеніе воспитателя въ члены хозяйственнаго коммитета съ Января на цѣлый годъ не можетъ быть сдѣлано на томъ основаніи, что воспитатели ежегодно перемѣняются въ возрастахъ съ

Августа, а слѣдовательно, назначенный въ члены съ Января можетъ быть съ Января до Августа въ одномъ возрастѣ а съ Августа до Января въ другомъ. А потому, нельзя не замѣтить, что назначеніе воспитателей членами хозяйственнаго коммитета, не принося фактической пользы хозяйству, значительно отвлекаетъ ихъ отъ прямыхъ обязанностей по воспитанію.

Обязанности воспитателя въ лагерное время.

Занятія воспитателей съ воспитанниками во время лагерей должны быть направлены главнымъ образомъ къ достиженію двухъ важныхъ цѣлей, во первыхъ, чтобы лагерное время было дѣйствительнымъ отдыхомъ для воспитанниковъ, послѣ умственныхъ занятій; во вторыхъ, чтобы воспитанники пріобрѣли большій запасъ физическихъ силъ, безъ которыхъ не можетъ быть надежнаго успѣха и въ предстоящемъ учебномъ году.

Каникулы много содѣйствуютъ педагогическимъ цѣлямъ вообще, представляя воспитателю широкое поле для его воспитательной дѣятельности: лѣтнее время года, купанья, прогулки, особенно прогулки дальнія, игры, чтеніе и постоянная возможность бесѣды съ воспитанниками, возможность поговорить наединѣ, провести ту или другую мысль совершенно естественно, во время какой нибудь прогулки. Все это дѣйствительно большія средства въ рукахъ педагога, которыми онъ долженъ воспользоваться, такимъ образомъ, чтобы воспитанники вынесли изъ лагерей хорошій запасъ свѣжихъ силъ, знакомство съ такими предметами, которымъ нѣтъ мѣста въ теченіе учебнаго года и полную охоту взяться за дѣло послѣ отдыха.

Лагери—это единственное мѣсто, гдѣ воспитатель живетъ вмѣстѣ съ своими воспитанниками въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: помѣщеніе воспитателя въ одномъ и томъ же баракѣ съ воспитанниками, отъ которыхъ онъ отдѣленъ только досчатой перегородкой; большую часть дня во всякое время воспитатель не разлученъ съ ними; слѣдовательно въ лагерѣ все способствуетъ сближенію во-

спитателя съ воспитанниками и сближеніе это является натуральнымъ слѣдствіемъ всей лагерной обстановки.

Съ тѣми изъ воспитанниковъ, которые по натурѣ своей склонны отчуждаться и держаться въ одиночку, воспитателю легче всего сблизиться въ лагеряхъ и повліять на нихъ такъ, чтобы они сами того не замѣчая, стали общительнѣе и откровеннѣе. Самые угрюмые мальчики, тѣмъ болѣе въ младшихъ возрастахъ, непремѣнно войдутъ въ общую колею, принимая сначала пассивное участіе въ разговорахъ воспитателя съ товарищами ихъ, потомъ, увлеченные интересомъ бесѣды, сами примутъ въ ней живое участіе. Тоже самое съ играми: воспитатель долженъ иногда и самъ принять участіе въ забавахъ дѣтей, дѣломъ и въ особенности словомъ, ободряя играющихъ, наблюдая при этомъ, чтобы и въ играхъ строго преслѣдовалось всякое проявленіе неправды, обмана, шарлатанства и вообще дурныхъ наклонностей.

Всякая прогулка по возможности должна служить для достиженія какой нибудь, заранѣе предположенной цѣли, которую воспитатель имѣетъ въ виду и не замѣтно для дѣтей проводитъ, задуманное имъ, въ бесѣду такъ, что большинство воспитанниковъ вынесетъ изъ прогулки понятіе о чемъ-либо мало имъ извѣстномъ и полезномъ. Такіе разговоры во время прогулокъ, при толковомъ направленіи ихъ со стороны воспитателя, незамѣтно обогатятъ воспитанниковъ, новыми свѣдѣніями, добытыми легко и пріятно.

Особенное вниманіе воспитателей должно быть обращено на дальнія прогулки, которыя могутъ быть предприняты только въ лагерное время. Мѣстныя обстоятельства укажутъ воспитателю на тотъ матеріалъ, который для этой цѣли у него подъ руками. Напримѣръ въ Воронежской военной гимназіи не можетъ быть и рѣчи объ осмотрѣ фабрикъ и заводовъ, которыхъ по близости, за исключеніемъ весьма не многихъ уже видѣнныхъ воспитанниками, нѣтъ въ окружностяхъ, здѣшняя станція желѣзной дороги и мастерскія при ней также осмотрѣны воспитанниками во время ежедневныхъ и праздничныхъ прогулокъ.

Воспитатель можетъ отправиться съ своими воспитанниками

въ дальнюю прогулку на нѣсколько дней съ цѣлью ознакомленія ихъ съ крестьянскимъ бытомъ. Выбравъ хорошее время всегда можно сдѣлать ночлегъ подъ какимъ нибудь простымъ навѣсомъ или подъ открытымъ небомъ, поужинавъ изъ котелка самими приготовленной кашицей и ломтемъ хлѣба; и этотъ скромный ужинъ, приправленный хорошимъ аппетитомъ и импровизованный ночлегъ на чистомъ воздухѣ покажутся воспитанникамъ привлекательными, потому что отъ нихъ не вѣетъ форменной обстановкой обыденной жизни и казеннымъ росписаніемъ занятій. А между тѣмъ, проходя полями, воспитателю кстати будетъ поговорить съ воспитанниками о полевыхъ работахъ о трудѣ крестьянина, и о томъ какимъ тяжелымъ потомъ достается простолюдину кусокъ хлѣба. Многіе воспитанники, даже изъ тѣхъ, которые жили въ деревняхъ, не говоря уже о городскихъ, во все не имѣютъ понятія о земледѣліи, о трудѣ крестьянина, по той простой причинѣ, что не приходилось имъ подумать объ этомъ.

Наконецъ, принимая во вниманіе все высказанное въ этомъ краткомъ очеркѣ, нельзя не замѣтить, что всякое строго-разсчитанное росписаніе лагерныхъ занятій, а тѣмъ болѣе назначеніе (какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ) ежедневно 3-хъ часовъ для повторительныхъ курсовъ: по математикѣ, языкамъ и т. п., никогда не могутъ достигать предположенной цѣли и вмѣсто пользы, которую отъ нихъ ожидаютъ, онѣ принесутъ только вредъ въ томъ отношеніи, что не будучи строго выполняемы на самомъ дѣлѣ, всѣ эти мѣлочныя распредѣленія дня остаются лишь документами для отчетовъ, а потому неувлекаясь однѣми теоретическими соображеніями, а руководствуясь опытными данными, естественно прійдемъ къ тому заключенію, что для дѣтей и юношей, которымъ изо дня въ день приходится жить по программѣ въ продолженіи почти 9-ти мѣсяцевъ въ году, необходимо нужно отдать 2 мѣсяца лагернаго времени на то, чтобы они пожили на свободѣ и тѣмъ дать просторъ развиваться ихъ молодымъ силамъ.

Такое предположеніе подтверждается указаніями опыта; замѣчено что дѣти, которымъ приходится уѣзжать на каникулы домой

возвращаются въ заведеніе замѣтно окрѣпшими и всегда почти перерастаютъ своихъ товарищей, оставшихся въ лагерѣ, а между тѣмъ многіе изъ нихъ въ домахъ родителей пользовались далеко неразумною свободою, часто безъ всякаго присмотра за ними.

Всѣ напередъ составленныя росписанія занятій неудобны для лагернаго времени, гдѣ все главнымъ образомъ зависитъ отъ состоянія погоды: во время сильныхъ жаровъ едва-ли умѣстны какія-либо учебныя занятія, когда даже гимнастика и фронтовыя ученья не будутъ обременительны только рано по утрамъ; въ жаркіе лѣтніе дни всего естественнѣе допустить купанье два раза въ день и свободныя необязательныя занятія (чтеніе, ремесла, игры) по выбору самихъ воспитанниковъ. Въ дни пасмурные, прохладные могутъ быть назначены повторительныя занятія по нѣкоторымъ предметамъ, но и здѣсь правильнѣе всего будетъ предоставить выборъ предмета занятій на усмотрѣніе воспитателя, которому лучше извѣстно, что нужнѣе и полезнѣе для воспитанниковъ его отдѣленія, и при томъ воспитатель всегда съ умѣетъ занять свое отдѣленіе именно тѣмъ, что будетъ полезнѣе въ данномъ случаѣ. Напримѣръ положимъ, что въ одномъ изъ отдѣленій возраста воспитанники такъ увлеклись содержаніемъ какой нибудь статьи, что нѣсколько дней сряду охотно сидятъ, слушая чтеніе воспитателя, или одного изъ своихъ товарищей и просятъ продолжать это чтеніе, а между тѣмъ по росписанію наступилъ часъ для переводовъ съ иностранныхъ языковъ или, быть можетъ, пришло время заниматься рѣшеніемъ задачъ. Конечно воспитатель въ подобныхъ обстоятельствахъ бываетъ поставленъ въ неловкое положеніе.

Само собою разумѣется, что гимнастика и фронтовыя занятія полезны и необходимы въ лагеряхъ; также точно нельзя оставить безъ повторительныхъ занятій по нѣкоторымъ предметамъ отставшихъ и лѣнивыхъ учениковъ, которымъ воспитатель ихъ и долженъ дать дѣло, непремѣнно провѣривъ потомъ выполнено-ли заданное.

А потому общій ходъ и направленіе всѣхъ лагерныхъ занятій въ каждомъ возрастѣ должны быть своевременно и всесторонне

обсуждены и опредѣлены полнымъ педагогическимъ коммитетомъ только въ главныхъ чертахъ, а по учебной части указаны воспитателямъ именно тѣ стороны, на которыя они должны обратить преимущественное вниманіе. Для обязательныхъ занятій воспитанниковъ научными предметами достаточно назначать по одному часу ежедневно такъ какъ опытъ указалъ, что при часовыхъ занятіяхъ воспитанники охотно дѣлаютъ дѣло безъ утомленія; для отсталыхъ и слабыхъ воспитанниковъ эти занятія могутъ быть увеличены до 2-хъ часовъ; а затѣмъ всѣ остальныя занятія въ лагеряхъ (прогулки, экскурсіи, гимнастическія упражненія, фронтъ, педагогическое пѣніе массами и ремесленныя занятія) могутъ быть распредѣлены на мѣстѣ общимъ совѣтомъ наличныхъ воспитателей на нѣсколько дней впередъ, о чемъ заблаговременно отдавать въ приказѣ по лагерю.

Обязанности лазаретнаго воспитателя.

На обязанности лазаретнаго воспитателя лежитъ главнымъ образомъ наблюденіе за воспитанниками, находящимися въ лазаретѣ.

Всѣ выздоравливающіе или по свойству болѣзни, могущіе заниматься воспитанники, въ извѣстное время дня по усмотрѣнію воспитателя приглашаются къ занятіямъ тѣмъ или другимъ предметомъ, или просто занимаются чтеніемъ подъ руководствомъ его. Лазаретный воспитатель, собравъ около себя воспитанниковъ, самъ читаетъ имъ о чемъ-либо полезномъ и интересномъ для нихъ. Воспитатель бываетъ въ лазаретѣ по возможности чаще, наблюдая, чтобы выздоравливающіе воспитанники, какъ для занятій, такъ и для игръ, собирались въ залѣ лазарета не производя шума и бѣготни, которые безпокоятъ больныхъ.

Всѣ игры слишкомъ подвижныя не допускаются въ лазаретѣ, гдѣ прежде всего должна быть тишина и спокойствіе, необходимое для больныхъ.

Для того, чтобы занятія воспитанниковъ въ лазаретѣ были бы производительнѣе, лазаретный воспитатель входитъ въ сноше-

нія съ отдѣленными воспитателями, по указанію которыхъ ведется занятія съ воспитанниками, находящимися въ лазаретѣ продолжительное время, (конечно сюда относятся воспитанники одержимые наружными болѣзнями и вообще такими, при которыхъ занятія не вредны).

Воспитатель отвѣчаетъ за казенное имущество въ лазаретѣ и ведетъ шнуровыя книги.

Воспитатель вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдаетъ, за внѣшнимъ порядкомъ вообще и за тѣмъ, чтобы лазаретная прислуга исполняла бы въ точности свои обязанности.

Лазаретный воспитатель по отношенію къ своей педагогической дѣятельности—самостоятеленъ, на общихъ правахъ воспитателей въ возрастахъ.

Что же касается внѣшняго порядка, то онъ обязанъ наблюдать за исполненіемъ всѣхъ заявленій сдѣланныхъ старшимъ врачемъ.

Въ случаѣ отсутствія лазаретнаго воспитателя по болѣзни или по требованіямъ службы (дежурство въ возрастахъ, временное завѣдываніе отдѣленіемъ) присмотръ за воспитанниками въ лазаретѣ возлагается на дежурнаго врача.

Въ случаѣ болѣзни одного изъ воспитателей лазаретный воспитатель наряжается дежурнымъ по возрасту вмѣсто заболѣвшаго.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда лазаретный воспитатель временно замѣняетъ, выбывшаго воспитателя въ возрастѣ, онъ исполняетъ обязанность не отдѣленнаго воспитателя въ отдѣленіи, а только дежурнаго въ смыслѣ надзора за общимъ порядкомъ.

Необходимость имѣть одного запаснаго воспитателя.

Въ особенныхъ обстоятельствахъ, когда Директоръ признаетъ нужнымъ, лазаретному воспитателю поручается временное завѣдываніе отдѣленіемъ на правахъ отдѣленнаго воспитателя, но какъ дознано на опытѣ, такое отвлеченіе лазаретнаго воспитателя отъ прямой его обязанности, всегда сопровождается упущеніями по лазарету, а потому здѣсь умѣстно будетъ заявить, что гимназія не

можетъ обойтись безъ одного запаснаго воспитателя, обязанность котораго должна состоять въ дежурствахъ по возрастамъ вмѣсто кого-либо изъ заболѣвшихъ, на томъ основаніи, что при полномъ составѣ гимназіи, одинъ изъ 16 отдѣленныхъ воспитателей въ продолженіе года всегда можетъ быть законно отвлеченъ отъ своего дѣла, а замѣна его лазаретнымъ часто бываетъ положительно въ ущербъ лазарету, постоянно нуждающемуся въ присутствіи въ немъ воспитателя.

Такой запасный воспитатель можетъ принять во временное завѣдываніе отдѣленіе, которое по какимъ либо причинамъ осталось безъ воспитателя, впредь до прибытія его.

На обязанности запаснаго воспитателя лежитъ собственно отправленіе дежурствъ, и на этихъ условіяхъ всегда можно найти людей подходящихъ, которые возьмутся за дѣло на половинномъ содержаніи въ 600 руб.

Съ другой стороны запасный воспитатель, прослужа нѣкоторое время въ заведеніи, успѣетъ на опытѣ доказать свои способности къ дѣлу и при случаѣ избавитъ начальство заведенія отъ важнаго неудобства вручать отдѣленіе новому человѣку, на основаніи только однѣхъ оффиціальныхъ правъ его, что при настоящемъ положеніи дѣла, неизбѣжно.

Прослѣдивъ важнѣйшія обязанности воспитателя, остается указать когда именно заведеніе вправѣ требовать присутствія его при отдѣленіи.

Здѣсь является прежде всего такая мысль, что присутствіе воспитателя при воспитанникахъ желательно во все свободное время отъ окончанія лекцій и до того времени, когда воспитанники лягутъ спать. Но какъ, такая дѣятельность со стороны воспитателя положительно не возможна, а въ особенности для человѣка семейнаго (какихъ въ заведеніи большинство) то, принимая въ соображеніе тѣ условія, которыя высказаны по этому поводу въ началѣ статьи, а равно и необходимость дать возможность воспитателю освѣжить себя чтеніемъ и участіемъ. хотя изрѣдка, въ общественной жизни по крайней мѣрѣ на столько, чтобы неказаться потомъ

въ обществѣ отсталымъ, чудакомъ,—должно ограничить количество времени, которое воспитатель обязанъ посвящать службѣ въ слѣдующихъ размѣрахъ:

1) Во время приготовленія воспитанниками уроковъ вечеромъ всѣ воспитатели должны быть при своихъ отдѣленіяхъ; на занятіяхъ утромъ передъ классами посѣщеніе своихъ отдѣленій обязательно только для воспитателей 2-хъ младшихъ возрастовъ, гдѣ занятія дѣтей требуютъ постояннаго наблюденія и часто помощи; въ 2-хъ старшихъ возрастахъ во время утреннихъ занятій предоставляется воспитателямъ бывать въ тѣ дни, когда по ихъ собственному усмотрѣнію, встрѣчается въ томъ необходимость.

На всѣхъ обязательныхъ занятіяхъ (гимнастика, танцы, фронтъ, пѣніе, фехтованіе) также въ банѣ и за столомъ, воспитатели обязаны быть по одному кромѣ дежурнаго по очереди

Воспитатели посѣщаютъ церковныя службы по возможности чаще, какъ для наблюденія за благочиніемъ въ храмѣ, такъ и для того, чтобы служить живымъ примѣромъ для воспитанниковъ.

Воспитатель обязанъ присутствовать каждый разъ на экзаменахъ и репетиціяхъ своего отдѣленія. Воспитатель обязанъ бывать на лекціяхъ въ классахъ въ своемъ отдѣленіи для того, чтобы достаточно ознакомиться съ самими методами преподаванія, посѣщеніе классовъ необходимо для воспитателя особенно по тѣмъ предметамъ, въ которыхъ есть отсталые ученики. Хорошо узнавъ требованія учителя и слабыя стороны учениковъ въ томъ или другомъ предметѣ, онъ будетъ имѣть возможность во время помочь нуждающемуся въ поддержкѣ ученику, или дать его занятіямъ болѣе правильное и толковое направленіе.

Опредѣлить сколько именно времени ежедневно долженъ удѣлять воспитатель на посѣщеніе классовъ невозможно потому, что дѣйствительная польза дѣла не допускаетъ здѣсь никакихъ заранѣе опредѣленныхъ, напередъ разсчитанныхъ часовъ.

Наконецъ во время праздниковъ, а въ особенности продолжительныхъ (Рождество, Пасха,) воспитатели обязаны заходить въ возрасты во всякое время по возможности чаще; тѣмъ болѣе это

важно въ младшихъ возрастахъ, гдѣ въ свободное время въ играхъ и забавахъ дѣтей лучше всего выражаются наклонности ихъ, выдаются особенности характера и вообще въ свободное время необходимость присутствія воспитателя слишкомъ очевидна.—Въ старшихъ возрастахъ посѣщеніе воспитателя въ свободные часы имѣетъ большое значеніе въ смыслѣ бесѣдъ, разговоръ съ воспитанниками и руководства ихъ, по части чтенія. Объясненіе и критическое обозрѣніе прочитаннаго, разсказы и бесѣды по поводу самыхъ обыденныхъ явленій, исподоволь знакомятъ молодыхъ людей съ тѣмъ, что ихъ ожидаетъ въ недалекомъ будущемъ, незамѣтно уничтожаетъ предразсудки и ложныя понятія, которыя такъ легко образуются въ молодыхъ головахъ, даже о самыхъ простыхъ вещахъ.

На прогулкахъ по городу и на всѣхъ дальнихъ прогулкахъ воспитатели должны быть при своихъ отдѣленіяхъ.

На ежедневныхъ гуляньяхъ въ рекреаціонное время въ большую перемѣну и послѣ обѣда каждый возрастъ остается подъ присмотромъ дежурнаго воспитателя.

Воспитатель обязанъ посѣщать воспитанниковъ своего отдѣленія и въ лазаретѣ, узнавая ихъ нужды и снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ для занятій, если эти занятія дозволены докторомъ.

Кромѣ высказанныхъ здѣсь главныхъ моментовъ ежедневной дѣятельности воспитателя, на немъ лежитъ веденіе отчетности по отдѣленію: аттестаціонныя тетради воспитанниковъ, штрафные журналы, журналы дежурствъ, лагерныхъ занятій, переписка съ родителями, доставленіе матеріаловъ для протоколовъ воспитательнаго коммитета, для общаго годоваго отчета по воспитательной части, денежныя книги.

Всѣ частные случаи и надобности посѣщенія воспитателями возраста, а также и мелочныя подробности обязанностей ихъ, едвали удобно помѣщать въ инструкцію; собственное усердіе и честное исполненіе своего дѣла лучше всего укажутъ воспитателю, когда присутствіе его нужнѣе для пользы дѣла,—а затѣмъ, на основаніи опыта, можно съ достаточною увѣренностію сдѣлать также за-

ключеніе, что воспитанники того отдѣленія, воспитатель котораго ежедневно проводитъ съ ними около 6-ти часовъ времени, не считая здѣсь дней дежурства, никогда не будутъ отсталыми ни въ нравственномъ ни въ умственномъ отношеніяхъ.

Сообщилъ Ген.-Маіоръ *А, Тыртовъ.*

МИХАЙЛОВЪ ДЕНЬ

(ВОСПОМИНАНІЯ БЫВШАГО КАДЕТА).

Я чувствовалъ, что наступило уже утро, и, сквозь пріятную дремоту, я слыхалъ, какъ на площадкѣ нашего возраста горнистъ проигралъ утреннюю зорю, какъ дядька ходилъ кругомъ нашихъ кроватей и, подергивая за одѣяло, монотонно говорилъ: «вставать, вставать!» Наконецъ, я разбиралъ голоса одѣвавшихся товарищей, бѣготню и стукъ умывальниковъ, паденіе сапожныхъ щетокъ,— словомъ, я все слыхалъ, но пріятное дремотное состояніе не давало возможности открыть глазъ и проснуться.....

Да, вѣдь, сегодня 8-е Ноября! пришло мнѣ въ голову, и я уже сидѣлъ на кровати и надѣвалъ сапоги. Осеннее солнышко и то, какъ—бы нарочно, выглянуло изъ за свинцовыхъ темныхъ тучекъ, и такъ пріятно, весело и ласково освѣтило нашу спальню.

Да, это было 8-е Ноября—день, заставляющій усиленно биться не только сердца дѣтей, какими мы были тогда, но и уже взрослые, которыхъ судьба раскинула выражаясь словами поэта, «отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,» вспоминаютъ этотъ день въ прекрасныхъ образахъ, начиная съ дядьки и кончая наставниками и воспитателями, которые сами, подъ обояніемъ торжественнаго дня, были настроены по праздничному.... Попробуйте спросить бывшаго кадета, а теперь офицера, или штатскаго,

объ этомъ днѣ: какъ онъ вамъ разскажетъ? Съ сіяющими глазами, съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ, со всѣми детальными подробностями, неизгладимыми изъ памяти даже у престарѣлыхъ и теперь уже отжившихъ людей, онъ вамъ разскажетъ событія этого дня.» И такой день бываетъ разъ въ году: къ нему готовятся дѣти; за мѣсяцъ, за два, они ждутъ его, о немъ и послѣ говорятъ ... О, Дѣтство! о, счастливое незамѣнимое время, ты одно теперь въ жизни, въ часы неудачи, горя, всѣхъ житейскихъ дрязгъ и треволненій будишь наши души, ты одно въ часы досуга, въ случайной компаніи «однокашниковъ,» веселишь наши сердца «и заставляешь, Богъ вѣсть почему. не разъ вздохнуть и продолжительно, нелегко вздохнуть» !...

Однако, простите, я уклонился отъ нити моихъ воспоминаній. Они относятся къ періоду начала 70-хъ гг. приблизительно, 71—72 г.: словомъ, мнѣ было тогда 12-ть лѣтъ и я былъ «во второмъ» возрастѣ, въ 4-мъ отдѣленіи, у воспитателя Путилова, недавно умершаго (царство ему небесное)!

Когда я вошолъ въ «умывальную,» тамъ стоялъ шумъ и гамъ не вообразимый; кто тщательно наводилъ «глянцъ» на свои сапоги, кто подвязанный полотенцемъ усердно теръ свое лицо, кто посредствомъ «гербовки», чистилъ кирпичемъ пуговицы на мундирѣ,—словомъ, каждый старался свой наружный видъ довести просто до совершенства, и вотъ тутъ-то нашъ дядька (мы звали его «сычемъ») сообщилъ намъ весьма непріятную новость, а именно: у одного изъ кадетъ, на канунѣ, въ шкафѣ нашли цѣлый запасъ съѣстныхъ продуктовъ: жареныхъ утокъ, и циплятъ, въ перемѣшку съ лакомствами, которыми добрѣйшая маменька снабдила своего сынка. Не смотря на тщательную укупорку, какъ разсказывалъ дядька, продукты эти, отъ порчи, стали распространять міазмы, весьма чувствительныя для обонянія (не кадетскаго, разумѣется), и дежурный воспитатель сдѣлалъ обыскъ,—который привелъ къ результатамъ весьма печальнымъ для насъ всѣхъ вообще, а именно: послѣ этого случая отъ директора послѣдовало печатное объявленіе родителямъ, о воспрещеніи давать дѣтямъ что-

либо съѣстное, разумѣется, кромѣ лакомствъ. Нужно замѣтить, я самъ тогда принадлежалъ къ «отпускнымъ», т. е. къ такимъ, которые имѣли возможность ходить въ отпускъ, а слѣдовательно, и приносить съ собой запасъ провизіи, сообразно своему вкусу и наклонностямъ. На этотъ же праздникъ я остался безъ отпуска, по какой причинѣ я ужъ не помню, но тѣмъ не менѣе это происшествіе, вмѣстѣ съ случайнымъ для меня празднованіемъ «Михайлова дня», въ стѣнахъ Кадетскаго Корпуса, осталось живо въ моей памяти.

— Да это не ты-ли, «Сычъ», наябедничалъ? приставали мы къ дядькѣ; но «Сычъ», птица умная; ему скоро удалось убѣдить насъ въ противномъ и мы, немного потолковавъ, перешли къ предположеніямъ о томъ, чѣмъ подаритъ насъ сегодняшній высокоторжественный день. Мы построились въ рекреаціонномъ залѣ, и насъ повели къ утреннему чаю. На столахъ съ «пеклевашкой», которую мы (для вкуса)? имѣли обыкновеніе наливать чаемъ, было еще для каждаго по французской булкѣ и по двѣ кружки чая, такъ-что, на первыхъ порахъ, мы изъ «столовой» вышли вполнѣ довольные. (Подумаешь, какъ мало было нужно тогда этого «довольства»). Затѣмъ торжественная обѣдня, послѣ которой директоръ ходилъ во возрастамъ и поздравлялъ насъ съ праздникомъ. Завтракъ дали намъ вполнѣ праздничный и выпустили гулять на плацъ до обѣда, который мы ждали съ нетерпѣніемъ, а вкусивъ послѣдній получили каждый по ½ ф. конфектъ.

Не думайте, чтобы все мною перечисленное было не важно, мелочно;—напротивъ, все, что выходило изъ рамки обыденнаго дня, для насъ было верхомъ наслажденія. Видѣть передъ собой лишнюю кружку чая, или лишнюю булку или конфекты,—да это верхъ избытка, понятнаго только тому, кто испыталъ эту жизнь, кто не воспитывался въ роскоши и довольствѣ. Но была другая сторона этого празднества, не менѣе привлекавшая наши юныя головки. Это—семейный вечеръ, котораго если не бывало, то празднество теряло свою цѣнность, особенно для старшихъ возрастовъ, на такіе вечера, какъ это дѣлается и теперь, приглаша-

лись представители города, родные и знакомые кадеть; зала (или столовая) убиралась роскошно; надъ этимъ убранствомъ трудился, преимущественно «4-й возрастъ» (въ которомъ кадеты, въ то время, были ростомъ выше самихъ воспитателей), и приложеніе труда, вкуса и искуства зависѣло именно отъ этихъ воспитанниковъ. И дѣйствительно, въ декоративномъ отношеніи, наша общая столовая въ 1-мъ возрастѣ, выходила очень эффектной.

Наконецъ, какъ теперь помню, наступилъ желанный часъ: зала горѣла огнями, рельефно освѣщая флаги, щиты, оружіе, зелень; негръ, какъ живая статуя колосальныхъ размѣровъ, двигался по блестящему полу, исполняя требованія эконома.

Негръ этотъ, въ бытность мою, ужасно интересовалъ насъ, мы очень жалѣли, что его скоро уволили за драку съ кѣмъ-то изъ прислуги.

Изъ «рисовальнаго класса» была образована женская уборная, тоже прекрасно обставленная; изъ гимнастической залы—мужская уборная, изъ «дежурнаго кабинета» 1-го возраста—игральная комната; словомъ, все измѣнилось къ услугамъ дорогихъ гостей, а послѣдніе не замедляли появляться съ разодѣтыми барышнями. Эти барышни, какъ добрые феи, спустились въ нашу скромную обитель. Сначала мы пятились и выглядывали на нихъ изъ за угла; а когда послышался звукъ перваго вальса,—куда что и дѣвалось, веселье пошло полное. А сколько разсказали анекдотовъ и приключеній!...

Въ тотъ вечеръ, я долго не рѣшался выступить въ качествѣ дамскаго кавалера. Мнѣ казалось, что я, танцуя, уроню даму и самъ упаду, и прежде чѣмъ у меня явилась рѣшимость танцовать, не мало я испыталъ приключеній. Подходитъ ко мнѣ такая-же маленькая, какъ я дама.

— Кадетъ, пойдемте танцовать я конфетку вамъ дамъ.

Помню, я страшно обидѣлся, желая показать себя глубокомысленнымъ, пошолъ, позвалъ лакея и предложилъ дамѣ конфектъ; она покраснѣла и убѣжала; лакей-же пристально слѣдилъ за мной, боясь, чтобы я самъ не воспользовался десертомъ. Видя, что всѣ

танцуютъ, я задумалъ выбрать себѣ даму, но непремѣнно высокую и стройную брюнетку и чтобы была серьезная. Условія, хотя были и не легки, но я все таки выбралъ. Протанцовалъ...

— Съ вами, кадетъ неловко танцовать,—вы очень маленькій!.. вдругъ сказала моя дама, когда я расшаркивался передъ ней.

Я страшно покраснѣлъ и даже слезы навернулись у меня я вышелъ изъ залы и хотѣлъ болѣе не показываться, но потомъ «плюнулъ» и, пригласивъ «блондинку», пошолъ во всю ивановскую танцовать. Съ тѣхъ поръ я благоволилъ къ блондинкамъ и всегда говорилъ, что это—моя симпатія. Мы танцовали долго и много, и, подъ конецъ, я такъ свыкся съ барышнями, что изъ ихъ рукъ пилъ оршадъ, ѣлъ конфекты словомъ, и я былъ доволенъ, и мной были довольны.

А когда гости всѣ поразъѣхались, мы долго не могли заснуть, и въ спальнѣ гулъ стоялъ отъ разговоровъ, не смотря даже на увѣщанія дядьки и приказанія дежурнаго воспитателя: «спать и не разговаривать»! Такихъ разговоровъ хватало на долго; сюжетъ былъ богатый, а потому и заносился въ дневникъ, гдѣ разумѣется, большими буквами, красовалась: «Михайловъ день 8 Ноября» (*).

В. Н. Александровъ.

(*) Заимствовано, съ разрѣшенія автора, изъ газеты «Донъ» 1885 г. № 128.

Празднованіе двадцати-пяти лѣтія со дня основанія Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго Корпуса 8 Ноября 1870 г.

Въ виду предстоящаго, въ недалекомъ будущемъ, празднованія пятидесяти лѣтія съ основанія Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго Корпуса, не лишнимъ считаемъ напомнить какъ праздновался въ заведеніи день двадцати-пяти лѣтія его существованія.

Желая ознаменовать этотъ день, 25-ти лѣтія, 8-го Ноября 1870 года, служащія въ заведеніи соорудили портретъ основателя Корпуса Генералъ-Маіора Черткова, для постановкѣ его въ обѣденной залѣ заведенія. Не задолго до празднества, въ концѣ Октября недавно прибывшій новый директоръ гимназіи (въ каковую Корпусъ былъ переименованъ въ 1865 г.) А. П. Тыртовъ, счелъ нужнымъ сообщить объ этомъ потомкамъ Генерала Черткова, Войсковому наказному Атаману войска Донскаго Генеръ-Адъютанту Михаилу Ивановичу Черткову и Начальнику Гвардейской Стрѣлковой Бригады Генералъ-Адъютанту Григорію Ивановичу Черткову, слѣдующимъ письмомъ:

« 8-го сего Ноября Михайловская Воронежская Военная Гимназія (бывшій Михайловскій Кадетскій Корпусъ) празднуетъ день своего храмоваго праздника и вмѣстѣ съ тѣмъ двадцатипятилѣтнюю годовщину своего основанія.

Желая чѣмъ нибудь почтить память бывшаго основателя этого заведенія, покойнаго Генералъ-Лейтенанта Николая Дмитріе-

вича Черткова, чины Высочайше вверенной мнѣ Гимназіи соорудили, по подпискѣ, портретъ покойнаго благодѣтеля заведенія, который 8-го сего Ноября и будетъ вывѣшенъ въ большомъ обѣденномъ залѣ заведенія рядомъ съ портретомъ Августѣйшаго Отца и Благодѣтеля всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, въ Бозѣ почившаго Великаго князя Михаила Павловича.

Примите, Ваше Превосходительство, какъ потомокъ покойнаго Николая Дмитріевича, нашу глубочайшую благодарность за то великое доброе дѣло, которое выразилось въ пожертвованіи Вашего дяди и вѣрьте, что память о немъ навсегда свято сохранится въ сердцахъ тѣхъ, кто имѣетъ и будетъ имѣть счастіе получить въ стѣнахъ нашего заведенія величайшее благо жизни—образованіе ума и сердца!

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, Вашего Превосходительства, покорнѣйшій слуга

А. Тыртовъ.

Генералъ Адъютантъ Михаилъ Ивановичъ Чертковъ, письмомъ отъ 19 Ноября изъ г. Новочеркасска, отвѣчалъ директору:

Милостивый Государь

Алексѣй Петровичъ

Любезное письмо Ваше за № 11. я имѣлъ честь получить и, какъ одинъ изъ потомковъ основателя Михайловской Воронежской Военной Гимназіи, позволяю себѣ, въ лицѣ Вашемъ, принесть ввѣренному Вамъ заведенію глубокую признательность семействъ покойнаго Николая Дмитріевича Черткова за добрую память, которую гимназія хранитъ о главномъ виновникѣ своего существованія и такъ явственно выразила, празднуя 8 Ноября настоящаго года двацать пятую свою годовщину.

Благодарю Васъ также, Милостивый Государь, за сообщеніе мнѣ этой вѣсти, тѣмъ болѣе отрадной, что я имѣю нѣкоторое право считать Воронежскую Военную Гимназію близкою моему сердцу, будучи однимъ изъ родныхъ племянниковъ и наслѣдниковъ покойнаго ее основателя, будучи Воронежскимъ землевладѣльцемъ и недавно еще Воронежскимъ Губернаторомъ. Эти связи сблизили меня давно съ разсадникомъ юношества, состоящимъ теперь въ Вашемъ вѣдѣніи, а при такомъ условіи Вы не усумнитесь въ искренномъ съ моей стороны желаніи всякаго успѣха и преуспѣянія Михайловской Военной Гимназіи

Не оставьте, Милостивый Государь передать эти чувства и пожеланія, выраженныя мною, изъ глубины сердца, воспитанникамъ и служащимъ при Гимназіи и вмѣстѣ принять увѣреніе въ глубокомъ къ Вамъ почтеніи и преданности.

Мих. Чертковъ.

Самое празднество началось въ Гимназіи съ вечера 7-го Ноября. Послѣ обѣда, въ 5¼ час. вечера воспитанники всѣхъ возрастовъ были собраны въ столовую со своими воспитателями, гдѣ директоръ Гимназіи Полковникъ А. П. Тыртовъ прочиталъ лично самъ слѣдующій приказъ. отданный имъ по заведенію, 7 Ноября за № 185 (пунк. 2).

«Завтра, 8 Ноября, въ день храмоваго праздника заведенія, Божественную Литургію будетъ совершать Преосвященный Владыко, Епископъ Воронежскій и Задонскій. По окончаніи Литургіи имѣетъ быть отслужено молебствіе о здравіи и долгоденствіи Его Императорскаго Величества Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома.

На Литургіи и молебствіи присутствовать всѣмъ чинамъ заведенія въ полной парадной формѣ.

Начало Литургіи въ 11 часовъ утра.

Завтрашній день для нашего заведенія долженъ быть особен-

но знаменателенъ. Завтра ~~исполнится~~ двадцать пять лѣтъ какъ существуетъ оно. Четверть столѣтія,—такая пора въ жизни учебнаго заведенія,—когда можно остановится на его судьбѣ, взлянуть на его прошедшее, подумать о будущемъ! Завтра мы вступаемъ въ новую четверть вѣка!

Первое, что останавливаетъ мое вниманіе при воспоминаніи о прошломъ заведенія, которымъ имѣю честь въ настоящее время командовать—это пожертвованіе Воронежскаго Дворянина, покойнаго Генералъ-Маіора Николая Дмитріевича Черткова, пожертвованіе, послужившее основаніемъ Михайловскому Воронежскому Кадетскому Корпусу, существующему до 1865 года, когда по Высочайшему повелѣнію 20 Мая состоявшемуся, положено преобразовать Кадетскій Корпусъ въ одноименную съ нимъ Военную Гимназію.

Чины, состоящіе нынѣ на службѣ въ этой Гимназіи, желая почтить, въ сей торжественный для заведенія день, память покойнаго жертвователя и основателю сего заведенія, выразили желаніе соорудить на свой счетъ портретъ Генералъ-Маіора Черткова, который изготовленъ и завтра будетъ вывѣшенъ въ большомъ обѣденномъ залѣ Гимназіи.

Воспитанники Воронежской Военной Гимназіи! Да будетъ портретъ этотъ напоминать Вамъ всегда, что послѣ общаго нашего Отца и благодѣтеля, Всемилостивѣйшаго Государя Императора, отъ щедротъ котораго Вы всѣ воспитываетесь, вы также обязаны основателю и устроителю заведенія сего, покойному Генералъ-Маіору Черткову, да сохраните Вы въ сердцахъ Вашихъ о немъ память какъ о человѣкѣ, который способствовалъ къ тому, чтобы дать Вамъ возможность пріобрѣсти высшее благо въ жизни—образовать свой умъ и сердце!

Стоя на рубежѣ двадцати пяти лѣтъ я, какъ новый членъ заведенія не могу ничего сказать о его прошедшемъ: оно не мое и я не былъ его дѣятелемъ! Я могу только искренно пожелать, чтобы все, что было лучшаго въ прошедшемъ заведенія осталось неизмѣннымъ и въ будущемъ!

Товарищи! къ Вамъ мое первое слово! Преобразованіе заведе-

нія, которое по Волѣ Государя Императора, совершено было въ 1865 г. должно касаться не внѣшняго только строя его, но оно должно проникнуть въ самую сущность дѣла, которому мы себя посвятили—дѣла воспитанія дѣтей и юношей. Да проникнемся духомъ преобразованія этого прежде всего мы сами и да укрѣпятся въ насъ незыблемыя основанія любви, правды и добра!... Святое общее дѣло наше да соединитъ насъ не расторгаемой связью, который да не посмѣетъ проникоснуться никакіе личные, сторонніе интересы!..... Заботливое сердце возлюбленнаго Монарха поставило насъ въ самыя тѣсныя, почти родственныя отношенія къ дѣтямъ,—станемъ же воспитывать ихъ сердечно-зовущимъ словомъ и увлекающимъ дѣломъ. Я не могу пожелать, и Вамъ и себѣ лучшей отрады въ жизни кромѣ той, чтобы дѣти, которыхъ мы воспитываемъ, нѣкогда сказали намъ: «благодаримъ Васъ, добрые, хорошіе люди, Вы насъ сдѣлали людьми!.... Дѣти! настоящій праздникъ нашего заведенія имѣетъ конечно значеніе и для Васъ! Вы воспитывающіеся здѣсь помните, что Вы собою представляете какъ бы человѣка, вступающаго въ новую жизнь; сохраните за собой все хорошее изъ прежней жизни: Ваше добропорядочное поведеніе, Ваше прилежаніе, любовь къ труду, честность и правдивость Вашихъ поступковъ и забудьте и отряхните съ себя все дурное—лѣнь, праздность, лживость и неправду! Вѣрьте, что всѣ наши стремленія направлены къ тому, чтобы въ зрѣломъ возрастѣ, Вы вспомнили о времени проведенномъ въ этомъ учебномъ заведеніи какъ о лучшей порѣ жизни—самой дорогой для Васъ послѣ дѣтства, проведеннаго въ родительскомъ домѣ,—оставьте же и Вы намъ по себѣ только одни добрыя воспоминанія!»

По окончаніи чтенія, послѣ краткаго перерыва воспитанники приведены были въ церковь, гдѣ въ присутствіи всѣхъ служащихъ была совершена Его Высокопреподобіемъ о. ректоромъ духовной семинаріи Архимандритомъ Веніаминомъ (нынѣ Епископъ Черниговскій и Нѣжинскій) въ сослуженіи о.о. законоучителей заведенія священниковъ Михаила Некрасова (*) и Петра Палицына

(*) Портретъ его помѣщенъ въ 1 выпускѣ «Альбома».

панихида по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Николаѣ I, бывшемъ Главнымъ Начальникѣ военно-учебныхъ заведеній Великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, начальникѣ бывшаго штаба военно-учебныхъ заведеній Генералъ-Адъютантѣ Яковѣ Ивановичѣ Ростовцовѣ, основателѣ Воронежскаго Кадетскаго Корпуса Генералъ-Маіорѣ Николаѣ Дмитріевичѣ Чертковѣ и всѣхъ усопшихъ и на брани животъ свой за вѣру и отечество положившихъ наставниковъ и воспитанниковъ заведенія. По окончаніи панихиды тѣми же священнослужителями совершена была всеночная.

Въ день праздника въ 10 час. утра воспитанники были поставлены по указанію Директора на парадной лѣстницѣ и площадкахъ для встрѣчи Архипастыря, воспитатели же были всѣ при своихъ отдѣленіяхъ. Около 11 часовъ прибылъ Высокопреосвященнѣйшій Серафимъ Архіепископъ Воронежскій и Задонскій. По принятіи отъ него благословенія воспитанники были введены въ церковь и по установленіи ихъ на своихъ мѣстахъ, началось богослуженіе. Литургію совершалъ Владыко съ городскимъ духовенствомъ. Масса народа, въ большинствѣ, родители, родственники и знакомые воспитанниковъ, наполнила хоры гимназической церкви. Прибыли представители города и высокопоставленные лица. Законоучитель гимназіи, магистръ священникъ Михаилъ Некрасовъ, произнесъ приличное случаю слово, помѣщенное ниже. Передъ молебномъ, совершеннымъ послѣ Литургіи, Архипастырь привѣтствовалъ гимназію съ знаменательнымъ для нея днемъ. По окончаніи богослуженія, Владыко, представители города и учрежденій, духовенство, нѣкоторые изъ жителей города и родителей воспитанниковъ были приглашены на чай, приготовленный отъ заведенія, въ одной изъ классныхъ комнатъ (кажется въ пѣвческомъ классѣ), гдѣ и внесли свои имена въ особую книгу. Воспитанники прямо изъ церкви отведены были въ возрастъ, гдѣ и оставались до отъѣзда Архипастыря, котораго всѣ возраста вышли проводить на лѣстницу и до параднаго крыльца. Черезъ часъ всѣ посторонніе лица разъѣхались, остались только лица, служащіе при гимназіи и воспитанники, изъ которыхъ на этотъ разъ весьма многія отказа-

лись отъ отпуска, до котораго они всѣ, вообще, всегда такія охотники, не только ходящія въ отпускъ къ знакомымъ, но даже къ родителямъ, живущимъ въ Воронежѣ, оставались праздновать день 25-ти лѣтія гимназіи въ стѣнахъ заведенія.

Послѣ небольшой прогулки на плацу, въ 2 часа воспитанники, и служащіи въ заведеніи, какъ одна общая семья, состоящая слишкомъ изъ 400 человѣкъ собрались въ обѣденную залу. Тамъ къ этому времени появился и большой поясной портретъ генерала Черткова, приготовленный, какъ было сказано выше, обществомъ служащихъ при гимназіи, въ знакъ уваженія къ памяти ея основателя. Обѣдъ былъ праздничный, въ полномъ смыслѣ слова. Оркестръ музыки игралъ во все время обѣда. Послѣ тоста, превозглашеннаго за здоровье Государя Императора, привѣтствуемаго воспитанниками громогласнымъ «ура», воспитанники вмѣстѣ съ оркестромъ пропѣли народный гимнъ. Второй тостъ былъ превозглашенъ за Воронежскую военную гимназію. Послѣ обѣда воспитанники превозгласили «ура» своему новому Директору гимназіи, Алексѣю Петровичу Тыртову. Въ отвѣтъ на это привѣтствіе Алексѣй Петровичъ сказалъ воспитанникамъ горячую рѣчь, объяснивъ въ ней тѣ требованія, съ которыми онъ намѣренъ къ нимъ относиться и соблюденіе которыхъ съ ихъ стороны должны установить добрыя отношенія между ними и заведеніемъ: честный, добросовѣстный трудъ и нравственное совершенствованіе, а рядомъ съ ними и соотвѣтствующая имъ добропорядочная внѣшность,— вотъ что легло въ основу требованій г. Директора.

Въ 5½ часовъ вечера воспитанникамъ былъ приготовленъ чай, а въ 7 часу вся огромная гимназическая семья отправилась въ театръ, гдѣ распредѣленіе воспитанниковъ по мѣстамъ было сдѣлано лично директоромъ. Воспитанники были вмѣстѣ съ воспитателями своихъ отдѣленій. По словамъ мѣстнаго корреспондента, театръ въ этотъ день представлялъ чрезвычайное зрѣлище. Партеръ и ложи были наполнены гимназистами «весело и откровенно выражавшими свое удовольствіе». Давали «Грозу» Островскаго и водевиль «Прежде скончались, потомъ повѣнчались». «Высоконрав-

ственный смыслъ драмы Островскаго», продолжаетъ тотъ же корреспондентъ, «къ чести мѣстной труппы, вовсе не былъ затемненъ тѣми непріятными выходами, безъ которыхъ рѣдко обходится эта драма на провинціальныхъ сценахъ,—напротивъ, выражался весьма ярко, благодаря прекрасному исполненію главной роли (Катерины) даровитой актрисою г-жей Бѣльской».

По возвращеніи изъ театра воспитанникамъ данъ былъ ужинъ, послѣ котораго, по прочтеніи въ возрастахъ вечерней молитвы, они довольные и счастливые улеглись спать. На другой день получена была на имя директора отвѣтная депеша Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Николаевича, на поздравленіе принесенное директоромъ отъ имени гимназіи Его Высочеству, какъ бывшему Главному Начальнику военно-учебныхъ заведеній, съ днемъ тезоименитства, слѣдующаго содержанія:

„*Воронежъ, Полковнику Тыртову.*

Очень благодаренъ за депешу и поздравляю военную Гимназію съ ея двадцати-пятилѣтіемъ, дай Богъ чтобы воспитанники оной всегда готовились быть вѣрными и преданными слугами Государю и Россіи.

Михаилъ“

Депеша эта объявлена въ приказѣ по гимназіи 10-го Ноября № 188.

Извѣстный педагогъ, бывшій преподаватель гимназіи Николай Федоровичъ Бунаковъ, описывая это торжество, говоритъ: «Въ Михайловъ день, 8-го Ноября, Михайловская Воронежская военная гимназія праздновала свое двадцати-пятилѣтіе. Заведеніе, въ которомъ постоянно воспитывается четыреста человѣкъ и которое ежегодно выпускаетъ не менѣе пятидесяти молодыхъ людей, будущихъ офицеровъ русской арміи, прожило четверть вѣка: такой фактъ мѣстная пресса не можетъ обойти молчаніемъ.

Извѣстно, что военныя гимназіи образованы изъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ. Это преобразованіе совершилось въ нынѣшнее царствованіе, которое справедливо называютъ «эпохой преобразованій», при теперешнемъ главномъ начальникѣ военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютантѣ Николаѣ Васильевичѣ Исаковѣ, задача этого преобразованія состояла въ томъ, чтобы улучшить воспитаніе и усилить общее образованіе молодыхъ людей, готовящихся вступить офицерами въ войска. Согласно этой задачѣ, среднія военно-учебныя заведенія освобождены отъ заботъ о спеціально-военной подготовкѣ, а курсъ ихъ, какъ заведеній общеобразовательныхъ, но въ то-же время удовлетворяющихъ извѣстной государственной потребности, расширенъ до размѣровъ реальныхъ гимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, преподаванію приданъ характеръ, соотвѣтствующій современному развитію дидактики, составъ преподающихъ лицъ значительно обновленъ, а воспитаніе поставлено на совершенно новыхъ началахъ. Наблюденіе за физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ воспитанниковъ поручается особымъ воспитателямъ, избираемымъ директоромъ гимназіи, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи отдѣленіе, состоящее изъ 20—25 человѣкъ. Для приготовленія хорошихъ преподавателей, въ виду всѣми сознаваемаго недостатка въ людяхъ съ педагогической подготовкой, устроены при одной изъ С.-Петербургскихъ гимназій, педагогическіе курсы, которые уже дали военнымъ гимназіямъ нѣсколько преподавателей, знакомыхъ не только съ предметомъ преподаванія, но и съ его педагогической стороной. Контроль надъ дѣятельностію воспитателей и преподавателей принадлежитъ директору, инспектору классовъ и въ извѣстныхъ случаяхъ педагогическому коммитету. Кромѣ того, дѣятельность военно-учебныхъ заведеній, послѣ преобразованія, отличается полною гластностью: издаваемый главнымъ управленіемъ журналъ «Педагогическій Сборникъ» знакомитъ всѣхъ, интересующихся дѣломъ, съ жизнью, воспитательной и учебной стороной военно-учебныхъ заведеній, печатая не только оффиціальные документы (отчеты, циркуляры,

программы и т. п.), всегда представляющіе одну лицевую сторону дѣла, но и частныя картины и разсужденія, касающіяся педагогической практики. Если къ этому припомнить о постоянныхъ сношеніяхъ воспитателей съ родственниками воспитанниковъ и полную доступность военныхъ гимназій для всѣхъ лицъ, близко стоящихъ къ этимъ послѣднимъ, то можно сказать, что у насъ не было и нѣтъ другихъ учебныхъ заведеній, дѣятельность которыхъ отличалась бы такою гласностью и доступностью для общественнаго наблюденія и обсужденія.

Михайловскій Воронежскій Кадетскій Корпусъ открытъ 8 Ноября 1845 года, благодаря благотворительности одного изъ дворянъ Воронежской губерніи, генералъ-маіора Николая Дмитріевича Чертова, который пожертвовалъ на основаніе въ Воронежѣ Кадетскаго Корпуса полтора милліона руб. ассигнаціями и тысячу душъ крестьянъ. Въ 1865 году корпусъ преобразованъ въ военную гимназію, и преобразованіе его сопровождалось всѣми тѣми коренными измѣненіями воспитательной и учебной части, о которыхъ мы говорили выше. Въ этомъ преобразованномъ видѣ заведеніе и праздновало нынѣ свое двадцатипятилѣтіе.

Обращаясь къ празднику, который вызвалъ настоящую замѣтку, прежде всего скажемъ, что ему былъ приданъ чисто семейный характеръ, сообразно съ духомъ времени и характеромъ заведенія

Всякіе торжественные акты съ длинными и утомительными рѣчами съ офиціальными отчетами, забрасывающими публику фразами и цифрами, въ настоящее время справедливо признаются неприводящими ни къ какой цѣли: чтобы заведеніе не было тайникомъ для общества, нужны не показныя рѣчи, а та живая связь между воспитательно-учебнымъ составомъ и родителями, которая достигается взаимнымъ довѣріемъ и доступностью заведенія для послѣднихъ, и та откровенная, честная гластность, которая не хлопочетъ показать товаръ лицомъ, а представляетъ дѣло такъ, какъ оно есть, безъ подмалевокъ и прикрасъ. Праздникъ воспитательно-учебнаго заведенія долженъ быть попреимуществу праздникомъ воспитанниковъ,—онъ долженъ представлять собою одно

изъ педагогическихъ средствъ для укрѣпленія живой связи между ними и заведеніемъ. Съ этой точки зрѣнія, празднованіе Воронежской военной гимназіи представляется совершенно разумнымъ и цѣлесообразнымъ» . . . .

«Можно думать, что этотъ день на долго сохранится въ памяти учащейся молодежи Воронежской военной гимназіи. Онъ обнаружилъ со стороны заведенія то теплое участіе къ воспитанникамъ, которое сильнѣе всякихъ отрицательныхъ мѣръ способно возбуждать молодую мысль и хорошія чувства, прогонять лѣнь и апатію, смягчать грубость характера, развивать и укрѣплять въ юношахъ человѣческое достоинство».

Такъ совершилось торжество 25-лѣтія Воронежской военной гимназіи, оставившіе послѣ себя такъ много свѣтлыхъ воспоминаній! На другой день воспитанники были разбужены въ 8 час. утра, въ 8¾ ч. былъ данъ чай, въ 9 ч. начались лекціи и затѣмъ все пошло своимъ обычнымъ будничнымъ чередомъ, только черезъ нѣсколько дней, въ приказѣ по гимназіи 13 Ноября 1870 года № 191, пун. 4 было объявлено: «за усердную службу и особенно усиленную работу бывшую предъ храмовымъ праздникомъ заведенія предписываю выдать денежныя награды нижеслѣдующимъ чинамъ служительской команды: фельдфебелю Кугелю 5 руб., унтеръ-офицерамъ: Басову 2 руб., Гринбергу 2 р., Маціевскому 2 р.; рядовымъ: Ментербруту 1 р., Лопатинскому 1 р., Дзіербинскому 1 руб., Фельдману 1 руб., Кисельману 1 руб., Ровному 1 руб., Бернатскому 1 руб.; вольнонаемнымъ: Межевитинову 50 коп., Звѣреву 50 коп. Деньги эти вывести въ расходъ по статьѣ на наемъ прислуги.» Ранѣе же этого, въ приказѣ 7 Ноября № 185 пункть 4-й объявлено: «Псаломщику гимназіи Петру *Смирницкому* состоящему на службѣ при заведеніи современи его основанія, (*) за отличное поведеніе и постоянное усердіе къ службѣ, назначаю единовременную денежную награду въ двадцать пять руб. сер., которые и предписываю выдать изъ остатка отъ содержанія личнаго состава заведенія.»

(*) Псаломщикъ этотъ пользовался всегда особенною любовію воспитанниковъ. Скончался 15 Апрѣля 1878 г. на Пасхѣ.

Но вотъ приближается и день пятидесятилѣтняго юбилея заведенія, опять переименованнаго въ Кадетскій Корпусъ. Быстро пронеслась вторая четверть вѣка его существованія! Тихо, быть можетъ, къ несчастію, многими и забытый канулъ въ вѣчность и памятный день 14 Сентября 1887 г., въ который 50 лѣтъ тому назадъ, въ присутствіи Его Высочества Великаго князя Михаила Павловича совершена была закладка главнаго зданія Корпуса! Будемъ надѣяться, что незабудется день 50 лѣтія его открытія, 8-го Ноября 1895 года. Пройдетъ, и онъ тихо и спокойно, нося «чисто семейный характеръ, какъ прошелъ день двадцатипятилѣтія, съ тою только разницею, что, быть можетъ, соберутся къ этому дню, къ своей alma-mater немало бывшихъ питомцевъ ее, разбросанныхъ нынѣ по всей Матушкѣ Россіи и тѣмъ еще больше укрѣпятъ тѣ узы, которые связываютъ заведеніе съ его бывшими воспитанниками, а послѣ этого дня опять жизнь Корпуса, потечетъ спокойно и обычно во вторую половину вѣка, приготовляя и выпуская изъ стѣнъ своихъ вѣрныхъ и преданныхъ сыновей Царя и Отечества, полезныхъ и честныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной дѣятельности, но въ жизни Корпуса почувствуется, что-то новое, до сихъ поръ не замѣчаемое: точно, будто, больше устойчивости, больше авторитета пріобрѣтетъ Корпусъ, совершивъ полный кругъ полувѣковой жизни, какъ пріобрѣтаетъ, въ глазахъ общества больше авторитета, убѣленный сѣдинами старецъ не мало потрудившійся на благо общее и въ этихъ его трудахъ всѣми торжественно признанный!

Ив. Карпопольцовъ.

14-го Сентября 1887.
Село Лоцманская Каменка.

СЛОВО

произнесенное законоучителемъ священникомъ о. Михаиломъ Некрасовымъ на Литургіи при празднованіи 25-ти лѣтія Воронежской Михайловской военной гимназіи, въ церкви сего заведенія 8-го Ноября 1870 года.

Сегодня у насъ два праздника: празднуемъ мы день Св. Архистратига Михаила, имени котораго посвященъ сей Храмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ празднуемъ и 25-ти лѣтній юбилей нашего заведенія.

Праздникъ Архистратига Михаила,—это торжество добра надъ зломъ, порядка надъ безначаліемъ. Боголюбія надъ самолюбіемъ. Слово Божіе открываетъ намъ, что одинъ изъ высшихъ свѣтоносныхъ духовъ, увлеченный самолюбіемъ, дерзнулъ возстать противъ Творца своего, низвратить установленный Богомъ порядокъ; посѣялъ среди добра повиновенія и послушанія зло ослушанія и самоволія. Въ это время Архистратигъ Михаилъ явилъ себя поборникомъ славы Божіей, ревнителемъ величія Божія. «Кто яко Богъ?» воскликнулъ онъ и низвергъ сатану, съ увлеченными имъ и потому отпавшими отъ Бога духами, съ неба въ преисподнюю.

Одинъ этотъ ужасный примѣръ не научаетъ-ли насъ, братія, бѣгать болѣе всего, при похожденіи своего служенія, самолюбія и искать во всемъ славы Божіей. Если самолюбіе произвело такія ужасныя послѣдствія въ мірѣ ангельскомъ, то чего оно не сдѣлаетъ между нами, существами слабыми? Самолюбіе—это злое семя, отъ

котораго рождается гордость, зависть, злоба—три страшныхъ грѣха; оно опустошаетъ нашу душу, лишая ее всего добраго; оно уничтожаетъ дружескія связи, оно подрываетъ добрыя отношенія начальника къ подчиненнымъ и подчиненныхъ къ начальнику. Нѣтъ добра, котораго-бы не уничтожило самолюбіе; нѣтъ зла, къ которому бы оно не привело. Чтобы избѣгать этого врага не только нашего спасенія, но и душевнаго спокойствія и земнаго благополучія, будемъ помнить, что все, что мы имѣемъ способности, которыми мы отъ другихъ отличаемся, богатство, которымъ обладаемъ, званіе, къ которому принадлежимъ, должность, которую отправляемъ, чинъ, которымъ украшаемся, награды, какихъ удостоиваемся,—все это не наше, а Божіе, и потому будемъ проходить свое служеніе, исполнять лежащія на насъ обязанности съ мыслію не о себѣ самомъ, а о славѣ Божіей. «Не намъ, не намъ, Господи, а имени Твоему слава!» Вотъ мысль, которою мы всегда и во всемъ должны руководиться. Съ сею мыслію, т. е. съ мыслію не о своихъ заслугахъ, а о славѣ Божіей, да о милости Царской, мы должны приступить и къ празднованію 25-ти лѣтняго юбилея нашего заведенія.

Двадцать пять лѣтъ просуществовало наше заведеніе!

Двадцать пять лѣтъ милости Божіей; сколько побужденій благодарить Бога!

Двадцать пять лѣтъ милости Царской; сколько побужденій молить Бога о упокоеніи въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го, при которомъ наше заведеніе получило свое начало, и о здравіи и долгоденствіи ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА нашего АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, который удостоилъ военно-учебныя заведенія высокой чести, бывъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, ихъ главнымъ начальникомъ, и послѣ того продолжалъ и продолжаетъ изливать на нихъ Свои Царскія милости.

Послѣ помазанниковъ Божіихъ, при мысли о началѣ нашего заведенія, воспоминаніе наше съ особеннымъ благоговѣніемъ останавливается на одномъ великомъ имени, которымъ украшается наша гимназія, имени покойнаго Великаго князя МИХАИЛА ПАВЛО-

ВИЧА, много лѣтъ потрудившагося на пользу военно-учебныхъ заведеній; онѣ всѣмъ ему обязаны: своимъ устройствомъ, своимъ духомъ, характеромъ, направленіемъ: не даромъ его называютъ «Отцомъ и благодѣтелемъ.» «Это былъ, по выраженію Его Августѣйшаго брата справедливѣйшій начальникъ и попечительнѣйшій Отецъ.» (*) «Дѣти мои!» Вотъ слова, съ какими онъ обыкновенно обращался къ кадетамъ. И дѣйствительно, его великая душа изливала всю свою нѣжность къ воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній; кадеты какъ-бы замѣнили для него собственныхъ дѣтей мужескаго пола, которыхъ онъ не имѣлъ. Этотъ духъ отеческой заботливости завѣщалъ онъ и своимъ пріемникамъ и, благодареніе Богу! Онъ продолжаетъ оживлять наши заведенія до сего дня! Этой-то заботливости мы обязаны тѣмъ, что кадетскіе корпуса, соотвѣтствующіе духу своего времени, преобразованы въ военные гимназіи, болѣе удовлетворяющія потребностямъ нашего времени. Чѣмъ-же воздадимъ за такую любовь къ намъ Августѣйшихъ Особъ ИМПЕРАТОРСКАГО Дома и за заботливость другихъ лицъ, коимъ ввѣряема была въ разныя времена судьба нашего заведенія? Ни чѣмъ другимъ, какъ глубокою сердечною молитвою къ Всевышнему: «да воздастъ имъ за все сдѣланное для насъ сторицею въ Царствіи Своемъ.» Къ тому обязываетъ насъ простое чувство благодарности. А въ отношеніи къ лицамъ умершимъ, чувство благодарности и можетъ выразиться только въ молитвѣ къ Богу объ упокоеніи души ихъ въ селеніяхъ праведныхъ и въ исполненіи ихъ завѣщанія. Такой-же исходъ это благородное чувство имѣетъ и въ отношеніи къ лицамъ, коихъ Промыслъ Божій высоко поставилъ въ средѣ живущихъ; конечно, не ждутъ они отъ насъ другой награды (ихъ награда у Бога и Государя!), кромѣ молитвы предъ Богомъ и исполненія ихъ воли, которая впрочемъ ничего иного хочетъ какъ только нашего счастія. Какое-же завѣщаніе оставили намъ первые, которые уже почили отъ трудовъ своихъ и предстоятъ суду Божію? Какая воля послѣднихъ? Дѣти! выслушайте эту волю, это завѣщаніе съ благоговѣніемъ такъ, какъ-бы вамъ го-

(*) Печатные приказы: Сентября 10-го 1849 г да.

ворилъ самъ покойный Великій Князь; это Его голосъ къ вамъ изъ-за гроба,—и мы вѣруемъ, что его душа соприсутствуетъ намъ при настоящемъ нашемъ торжествѣ. Вотъ что писалъ онъ воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній:» Дѣти!... внемлите моему совѣту: не забывайте никогда Бога, родителей вашихъ, которымъ вы одолжены вашимъ существованіемъ; помните всегда, что вы одолжены нравственнымъ существованіемъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, Его постояннымъ къ вамъ Милостямъ: Онъ съ младенчества васъ призрѣлъ. Онъ васъ взлелѣялъ и, наконецъ снабдилъ васъ всѣмъ нужнымъ для вашего новаго поприща. Какъ вы можете инако заслужить столь великія Его къ вамъ благодѣянія, какъ не щадя себя ни въ какомъ случаѣ для Его службы?.., Помните всегда, что настоящая честь военнаго человѣка состоитъ въ благородномъ поведеніи, а потому избѣгайте всякаго соблазна и незабывайте словъ самаго Спасителя: «не введи насъ во искушеніе.» Пріимите, дѣти, сіи наставленія друга; будьте увѣрены, что вблизи и издалѣка онъ всегда будетъ слѣдить за вами; во всѣхъ вашихъ нуждахъ, и если вамъ нуженъ добрый совѣтъ, обращайтесь къ нему, какъ къ вѣрному пристанищу Прощайте да благословитъ васъ Господь Богъ и да подкрѣпитъ на дѣла великія. За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ!«. *) Видите-ли, что завѣщалъ намъ нашъ отецъ и благодѣтель,—это любить Бога болѣе всего, усердно молиться Ему любить родителей, любить Государя, нашего общаго Отца, быть готовымъ душу свою положить за Него въ поведеніи быть честными и благородными, въ трудахъ постоянными и терпѣливыми, въ исполненіи приказаній Начальства—точными и искренними. Чувствуете-ли вы всю силу любви, которою дышатъ слова Августѣйшаго Отца вашего? Хорошо-ли вслушались въ нихъ? Вдумайтесь въ нихъ; Онъ называетъ васъ «своими дѣтьми, своими друзьями.» Употребимъ-же всѣ усилія, чтобы быть всегда достойными тѣхъ высокихъ совѣтовъ, съ ко-

(*) Прощаніе мое съ дѣтьми В. У. З. См. прик. 7 Ноября 1849 года. Прощаніе это написано подъ бюстомъ Великаго Князя, находящемся въ залѣ Гимназіи.

торыми обращалась къ воспитанникамъ своего времени, а въ лицѣ ихъ безъ сомнѣнія и къ намъ, великая, нѣжная душа незабвеннаго нашего благодѣтеля.

Золотыя уста, произнесшія эти драгоцѣнныя слова, давно смолкли: Великій князь уже предстоитъ Престолу Судьи. Его съ нами уже нѣтъ, но примѣръ его всегда съ нами долженъ быть; слова его, какъ святыню, мы должны хранить въ своемъ умѣ и сердцѣ: Примѣромъ своимъ онъ и за могилою не перестанетъ благотворить намъ.» Любите-же Бога, скажу вамъ словами другаго вашего начальника, какъ Онъ любилъ; служите Государю, какъ Онъ; будьте чисты сердцемъ, какъ Онъ; будьте преданы долгу, какъ Онъ; будте другомъ солдата, (когда будете начальниками) какъ Онъ. Этимъ вы исполните всѣ заповѣди Божіи, всѣ ожиданія великаго нашего Государя, всѣ надежды на васъ незабвеннаго Августѣйшаго нашего благодѣтеля.» *)

Дерзну сказать вамъ, бр., словомъ великаго нашего Государя: «Я увѣренъ, писалъ онъ, принявъ главное начальство надъ военно-учебными заведеніями, что всѣ чины военно-учебныхъ заведеній, свято сохранятъ въ душѣ своей благодарную память о почившемъ и также свято будутъ исполнять всѣ благотворныя его указанія, какъ исполняли ихъ при немъ. Надѣюсь, что и воспитанники не только въ заведеніи, но и за порогомъ его будутъ стараться и службою, и всею своею жизнію отплатить своему почившему отцу за Его неограниченную любовь къ нимъ.«**)

Державнымъ словомъ мы могли-бы окончить наше слабое слово; но одно имя требуетъ еще слова: это имя Создателя сего храма и заведенія. Не буду распространяться о громадности свыше миліонной жертвы, принесенной имъ на олтарь, отечества, на пользу вашу, дѣти! О ней все говоритъ вамъ: этотъ храмъ, въ которомъ вы молитесь Богу, комната въ которой вы живете,

(*) Изъ Приказа, которымъ увѣдомлялись В. У. Заведенія о смерти Великаго Князя 2 Сентября 1849 года.

(**) Сентября 20-го 1849 года.

(***) Генералъ-Лейтенантъ Николай Дмитріевичъ Чертковъ.

классъ, въ которомъ учитесь и пр. и пр. словомъ все, на что вы здѣсь ни взгляните, сдѣлано отъ его щедрости. Но, какъ пастырь церкви не могу умолчать объ одной высокой нравственной чертѣ его—это скромности, съ которою принесена эта громадная жертва. Другіе здатели украшаютъ зданія, сооруженные ими на общую пользу, своимъ именемъ. И никто ихъ не осуждаетъ за это; это въ порядкѣ вещей. Нашъ жертвователь сталъ выше этого обычая; онъ скрылъ свое имя подъ Августѣйшимъ именемъ нашего благодѣтеля; не Чертковскою, а Михайловскою Гимназія наша называется. Видно онъ хотѣлъ сдѣлать такъ, чтобы, по слову Господа, лѣвая рука не знала, что дѣлаетъ правая (М. Ѳ. В. 3). Видно онъ мало думалъ о своей славѣ, а болѣе о славѣ Царствующаго Дома. Такъ добрая душа умѣла соединить скромность Христіанина съ преданностію вѣрноподданнаго!....

Будемъ-же бр., усердно славить и благодарить милосерднаго Бога, за Его великія къ намъ Милости, за то, что онъ воздвигалъ дѣлателей благопотребныхъ во время свое; за то, что влагалъ въ сердце ихъ благая о нашемъ заведеніи.

Будемъ молиться и теперь и всегда съ сыновнею любовію и благодарностію объ упокоеніи Благочестивѣйшаго Государя нашего ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, Августѣйшаго брата Его, нашего благодѣтеля, Великаго Князя МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА и другихъ нашихъ благодѣтелей, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ создатель сего храма и заведенія,—о здравіи и благоденствіи Великаго Государя ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, всего Царствующаго Дома, всегда намъ благодѣтельствующаго и другихъ нашихъ начальниковъ,—да воздастъ всѣмъ имъ богатымъ своими и небесными дарованіями, да даруетъ имъ вмѣсто земныхъ небесная, вмѣсто временныхъ вѣчная, вмѣсто тлѣнныхъ нетлѣнная.*).

Буду молиться Богу, чтобы Онъ, Всеблагій, помогъ намъ Своею благодатію оправдать тѣ высокія надежды, которыя возлагаютъ на насъ святая Церковь, Государь и Отечество; да ниспо-

*) Изъ Милитвы Св. Василія Великаго.

шлетъ Онъ на питомцевъ сего заведенія духа премудрости, разума, и благочестія, и страха Своего. да просвѣтитъ ихъ свѣтомъ Своего благоразумія, да подастъ имъ силу и крѣпость, во еже скоро пріяти и спѣшно навыкнути божественнаго закона Его наказанію и всему благому и полезному ученію, еже преуспѣвати имъ премудростію и разумомъ и всѣми благами дѣлы во славу пресвятаго Своего Имени; *) да даруетъ и начальникамъ ихъ и наставникамъ ихъ благодать Свою, чтобы они просвѣщали умы и сердца юношей не только свѣтомъ своего ученія, но и свѣтомъ своей благочестивой жизни.

Рцемъ-же вси изъ глубины души: Господи! услыши и помилуй. Аминь.

*) Изъ молебнаго пѣнія предъ началомъ ученія.

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ

СЕНАТОРЪ

БАРОНЪ ФОНЪ-ДЕРЪ-ХОВЕНЪ.

Около 50-ти лѣтъ тому назадъ въ 1841 г. Воронежскимъ Военнымъ и Гражданскимъ Губернаторомъ былъ назначенъ Генералъ-Маіоръ Баронъ Фонъ-деръ-Ховенъ, принявшій тотчасъ по пріѣздѣ въ Воронежъ энергическое участіе въ сооруженіи зданія Корпуса.

Чтобы видѣть какое участіе принималъ этотъ дѣятельный Губернаторъ въ дѣлѣ постройки зданія считаемъ не лишнимъ помѣстить здѣсь цѣликомъ письмо къ намъ, нынѣ Генералъ отъ Инфантеріи, Сенатора, Барона Фонъ-деръ-Ховена.

Милостивый Государь

Иванъ Николаевичъ!

Узнавъ нѣсколько дней только, что Вы желаете узнать болѣе подробностей объ основаніи Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго Корпуса, я спѣшу Васъ удовлетворить:

Воронежскій богатый помѣщикъ Генералъ-Маіоръ Николай Дмитріевичъ Чертковъ, пожертвовалъ въ 1835 году Государству два милліона ассигнаціями рублей, дабы на этотъ капиталъ въ

городѣ Воронежѣ содержано было удобнѣйшее зданіе Кадетскаго Корпуса, для (устройства) воспитанія 500 малолѣтнихъ дворянъ Воронежской губерніи. Для устройства сего военно-учебнаго заведенія, Высочайше назначена была Коммисія, состоящая подъ предсѣдательствомъ начальника Воронежской губерніи, и изъ членовъ, Воронежскаго губернскаго Предводителя Дворянства Василія Васильевича Тулинова, Управляющаго Казенною Палатою Мишковскаго, состоящаго при Главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній полковника Вендорфа, совѣтника Воронежской строительной Коммисіи Терещенки и инженеръ подполковника Фортини.—ГОСУДАРЬ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ особенно интересуясь этимъ предпріятіемъ, самъ составилъ планъ для предполагаемаго зданія и возложилъ на Директора Департамента военныхъ поселеній, Генералъ-Адъютанта графа Клейнмихеля, наблюденіе за наилучшимъ устройствѣ сего заведенія. Въ 1841 году Начальникъ Штаба Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса, Генералъ-Маіоръ Баронъ Христоферъ фонъ-деръ-Ховенъ, (то есть я), былъ назначенъ военнымъ и гражданскимъ Губернаторомъ Воронежской губерніи, по прибытіи въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1841 года, я засталъ что только одинъ фундаментъ главнаго зданія былъ сооруженъ, и мнѣ было вручено въ г. Воронежѣ письмо графа Клейнмихеля, въ которомъ онъ изложивъ всѣ чинимые оною Коммисіею безпорядки и злоупотребленія, просилъ меня (Барона Ховена), *энергически возстановить совершенно утерянное благочиніе и приличіе этой Коммисіи.* Я лично убѣдившись въ вопіющихъ злоупотребленіяхъ помянутой Коммисіи, перевелъ заведеніе оной въ губернаторскій домъ, весьма ревностно самъ занялся дѣлами и устройствами, такъ что работы быстро и успѣшно подвигались впередъ, къ полному удовольствію графа Клейнмихеля.

Хотя полы во всѣхъ зданіяхъ по смѣтѣ полагалось сдѣлать изъ простыхъ досокъ, но я успѣлъ склонить подрядчика, моего Закавказскаго Тифлискаго хорошаго знакомаго армянина Давида Томомшаго, устроить, какъ въ главномъ зданіи, такъ равно и въ помѣщеніи Директора Корпуса, отлично прочные паркеты, которые вѣроятно до сихъ поръ неповредимы. Какъ это зданіе помѣщено

на высокомъ мѣстѣ города Воронежа, и для снабженія сего зданія водою, то предполагалось довольствоваться вырытіемъ глубокихъ колодцевъ, но я придумалъ устроить на трехъ этажномъ зданіи главнаго Корпуса каменный резервуаръ, въ который проведены изъ водяныхъ колодцевъ длинныя кишки, которыя посредствомъ силы машины, гонимой лошадьми, снабжаютъ резервуаръ постоянно водою. Отъ сего чердачнаго резервуара, проведены во всѣ комнаты главнаго зданія краны, такъ что всѣ они весьма удобно снабжаются водою.

Въ началѣ 46 года это зданіе было настолько окончено, что можно было назначенныхъ кандидатъ для вступленіе въ сіе военно-учебное заведеніе, собрать и Высочайше утвержденный Директоръ Кадетскаго Корпуса Генералъ-Маіоръ Винтуловъ помѣстился съ семействомъ своимъ въ директорскомъ домѣ очень удобно.

По особенному распоряженію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, назначена была особая Коммисія изъ извѣстныхъ талантныхъ и опытныхъ инженеровъ и архитекторовъ, для строжайшаго обслѣдованія всей постройки Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго Корпуса. Эти господа занимались двѣ недѣли особенно ревностно занимались таковымъ подробнѣйшимъ обслѣдованіемъ и по окончаніи онаго, донесли ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ: «Что всѣ работы безъ изъятія какъ въ главномъ зданіи сего Кадетскаго Корпуса, такъ во всѣхъ прочихъ постройкахъ, столь добросовѣстно, прочно и роскошно произведены, что могутъ служить примѣромъ Россіи для всѣхъ построекъ.»

Великій князь Михаилъ Павловичъ, какъ Главный Начальникъ всѣхъ военныхъ учебныхъ заведеній, послалъ своего начальника штаба Генералъ-Маіора Ростовцова въ городъ Воронежъ, вмѣстѣ со мною, начальникомъ губерніи и пожертвователемъ капитала на сооруженіе сего Кадетскаго Корпуса Генералъ-Маіора Николая Дмитріевича Черткова, посвятить приличнo это военно-учебное заведеніе При томъ какъ оное носило имя ЕГО ВЫСОЧЕСТВА, то поручилъ Генералъ-Маіору Ростовцову именемъ Его и на Его счетъ угостить въ главномъ зданіи Кадетскаго Корпуса Воронежское дво-

рянство и какъ офицеровъ, такъ равно и кадетъ, баломъ и ужиномъ; что прекрасно и было исполнено

Въ Январѣ мѣсяцѣ 1847 года переведенъ я былъ начальникомъ же Новгородской губерніи. Сынъ роднаго племянника моего, командира Сибирскаго Гренадерскаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА полка полковника Барона Николая Егоровича фонъ-деръ-Ховена, квартирующаго съ полкомъ въ городѣ Тамбовѣ, воспитывался въ Михайло-Воронежскомъ Кадетскомъ Корпусѣ и въ 1886 году по окончаніи курса въ оном, переведенъ въ С.-Петербургскій 1-й Кадетскій Корпусъ, для продолженія въ оном высшихъ военныхъ наукъ.

Извините мнѣ, болѣе 92-хъ лѣтнему старцу, что не аккуратно и чисто написалъ эту записку.

Генералъ отъ инфантеріи и Сенаторъ Баронъ Христоферъ фонъ-деръ-Ховенъ Курляндская губ. Гробинскій уѣздъ. Имѣніе *Орданген*. Подлѣ Либавской желѣзной дороги станція *Прекульнъ*.

С. Н. Сафоновъ.

Высочайшимъ приказомъ, состоявшимся въ 10-й день Января 1871 г., объявленномъ въ приказѣ по Воронежской военной гимназіи 21-го Февраля № 52; воспитатель этой гимназіи, числящій по полевой пѣшей артиллеріи капитанъ Сафоновъ былъ переведенъ въ Бресть-Литовскую крѣпостную артиллерію съ отчисленіемъ отъ гимназіи (приказъ объ этомъ по военно- учеб. зав. отъ 31-го Января за № 4).

Дополненіемъ къ приказу по гимназіи 28 Февраля № 59 капитану Сафонову предложено было сдать завѣдуемое имъ 1-е отдѣленіе 2-го класса маіору Шкляревичу и удовлетворить его содержаніемъ по 1-е Марта.

Отдавая это распоряженіе въ приказѣ, Директоръ гимназіи полковникъ Тыртовъ пишетъ:

«Разставаясь съ капитаномъ Сафоновымъ, я считаю своимъ долгомъ выразить этому достойному воспитателю мою глубочайшую признательность за его безукорызненно честную и добросовѣстную службу при ввѣренной мнѣ гимназіи. Состоя въ должности воспитателя почти пять лѣтъ, онъ своимъ вниманіемъ къ далеко не легкимъ обязанностямъ воспитателя, своимъ теплымъ и всегда гуманнымъ и правдивымъ отношеніемъ къ порученнымъ ему воспитанникамъ, справедливо заслужилъ общую любовь и расположеніе не только своего отдѣленія, но и воспитанниковъ другихъ отдѣленій, близко къ нему стоявшихъ по воспитательскимъ обязанностямъ.

Въ кругу своихъ сослуживцевъ онъ пользовался общею любовію и уваженіемъ за свой прямой и всегда правдивый образъ дѣйствій, никогда не выставляя на показъ свою дѣятельность и отличаясь всегда скромностію, онъ дѣлалъ свое воспитательское дѣло такъ, какъ его дѣлать слѣдуетъ, безъ хвастовства безъ излишней самоувѣренности въ безошибочность своихъ дѣйствій, но съ тою иниціативою въ мѣропріятіяхъ, которая въ извѣстныхъ предѣлахъ, такъ необходима для воспитательнаго авторитета.

Отъ всей души желаю успѣха достойному Сергѣю Николаевичу на новой его дѣятельности и увѣренъ, что чувство сожалѣнія, высказываемое мною по поводу оставленія имъ Воронежской военной гимназіи, есть чувство общее всему заведенію: воспитанники лишаются хорошаго и добросовѣстнаго руководителя, я какъ Директоръ—хорошаго и добросовѣстнаго сотрудника и всѣ мы—хорошаго и честнаго товарища и сослуживца Подлинный подписалъ Директоръ гимназіи гвардіи полковникъ Тыртовъ.

Сообщилъ А. Зосимовичъ.

Нѣсколько поздравительныхъ телеграммъ бывшихъ воспитанниковъ Воронежской военной гимназіи и Корпуса, воспитавшему ихъ заведенію.

Связь между бывшими воспитанниками гимназіи и Корпуса съ воспитавшимъ ихъ заведеніемъ, отчасти выражается въ воспоминаніи о дняхъ знаменательныхъ въ жизни заведенія и заочныхъ привѣтствіяхъ его, бывшими питомцами не рѣдко присылаемыхъ телеграммы и письма со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества. Приводя здѣсь нѣсколько подобныхъ телеграммъ, мы покорнѣйше просимъ бывшихъ директоровъ заведенія, сообщить намъ телеграммы бывшихъ воспитанниковъ заведенія, присылаемые ими въ дни юбилеевъ и храмовыхъ праздниковъ.

— —

Въ 1874 г. въ день храмоваго праздника 8 Ноября. Изъ С.-Петербурга. Воронежъ Алексѣю Петровичу Тыртову поздравляемъ товарищей васъ и бывшее начальство храмовымъ праздникомъ. Вспоминаемъ веселые гимназическіе дни.

Воронежскіе Павловцы.

Въ 1876 году въ день храмоваго праздника. Изъ Петербурга. Воронежъ Директору военной гимназіи. Ваше Провосходительство поздравляемъ Васъ и гимназію съ храмовымъ праздникомъ старшему классу желаемъ счастливаго окончанія курса.

Константиновцы.

Въ 1877 году 8 Ноября. Изъ Петербурга. «Воронежъ Его Превосходительству Алексѣю Петровичу Тыртову. Поздравляемъ Васъ и всю гимназію съ престольнымъ праздникомъ, а отца Михаила (*) и именинниковъ со днемъ ангела.

Юнкера артиллерійскаго училища *Двигубскій. Данилевскій Шидловскій, Михѣевъ.*

Въ тотъ же день изъ Михайлова. Воронежъ. Военная Гимназія, Его Превосходительству Алексѣю Петровичу Тыртову. Дай Богъ Воронежской гимназіи идти также быстро впередъ какъ идетъ теперь Кавказская армія. Поздравляемъ съ престольнымъ праздникомъ.

9 Воронежцевъ Кавказской арміи.

Въ тотъ же день. Изъ Петербурга. «Воронежъ. Директору военной гимназіи, Ваше Превосходительство юнкера Николаевскаго Кавалерійскаго училища имѣютъ честь поздравить Васъ ввѣренную Вашему Превосходительству гимназію съ праздникомъ. (**)

14 Сентября 1887 г. въ день пятидесятилѣтія закладки Корпуса. Изъ Сарокамыша. «Воронежъ. Кадетскій Корпусъ. Отъ души привѣтствую тебя, дорогой Корпусъ, съ торжественнымъ днемъ пятидесятилѣтняго юбилея. Вмѣстѣ съ тысячами, памятствующихъ тебя, питомцевъ, молю Всевышняго о безконечномъ продленіи твоихъ дней и успѣхѣ въ дальнѣйшемъ просвѣщеніи молодежи для грознаго величія матушки Россіи. *Поручикъ Натіевъ.*

Въ тотъ же день. Изъ Екатеринослава. «Воронежъ. Директору Кадетскаго Корпуса. Бывшій питомецъ привѣтствуетъ дорогой Корпусъ съ днемъ пятидесятилѣтія основанія.

Каргопольцовъ.

(*) Законоучитель о. Михаилъ Некрасовъ.

(**) Шмаровъ, Столяревскій, Ясевичъ. Яковлевъ, Козьминъ, Соколовскій, Григорьевъ 2, Урсуловъ, Селезневъ.

ПРИВѢТЪ

Михайловскому Воронежскому Кадетскому Корпусу, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея, 14 Сентября 1887 года.

Храмъ науки долговѣчный,
Корпусъ Милый, дорогой!
Шлю тебѣ привѣтъ сердечный
Я, питомецъ твой родной.
Сколько, храмъ, въ полвѣка жизни
Дѣтищъ Руси ты вскормилъ,
Для величія отчизны
Свѣтомъ знанья озарилъ!
Кто изъ нихъ съ тобой не связанъ
Дѣтской памятью живой?
Кто изъ нихъ, храмъ, не обязанъ
Но алтарь научный твой
Въ день торжественный съ миреньемъ,
Отовсюду со всѣхъ странъ,
Принести съ благоговѣньемъ
Благодарственную дань?
Вмѣстѣ съ ними я склонюся
На божественный алтарь;

Вмѣстѣ съ ними помолюся,
Незабвенный юбиляръ!
Осѣнить Господь вѣками
Благотворный твой удѣлъ,
Чтобы научными лучами
Ярче, ярче ты блестѣлъ.
Отъ временъ святые своды
Разрушающихъ спасетъ
Для блаженства, для свободы,
Для движенія впередъ.....
И подъ сводомъ, волей Божей,
До скончения вѣковъ,
Будетъ крѣпнуть въ молодежи
Дивный свѣточъ Божьихъ словъ.

Д. Натіевъ.

Пожертвованіе воспитанниковъ Воронежской военной гимназіи въ 1876 г.

Сообщаемъ здѣсь въ подлинникѣ пунктъ 1 приказа по гимназіи отъ 9-го Сентября 1876 года № 76, какъ фактъ сочувствія и патріотизма среди воспитанниковъ Гимназіи не разъ проявляемыхъ ими въ стѣнахъ заведенія.

«Въ день Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, 26 минувшаго Августа, послѣ Литургіи, между воспитанниками Гимназіи возникла мысль устроить между собою добровольную подписку для помощи больнымъ и раненымъ Славянамъ Балканскаго Полуострова; это доброе дѣло встрѣчено было сочувственно всѣми воспитанниками Гимназіи и подписка эта дала 194 руб. 55. коп.

Деньги эти переданы мною сего числа, Члену Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, Ея Сіятельству Княгинѣ Оболенской, для передачи въ Главное Управленіе Общества на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ Сербіи и Черногоріи, съ просьбою объ этомъ похвальномъ поступкѣ воспитанниковъ ввѣренной мнѣ Гимназіи, довести до свѣдѣнія Августѣйшей покровительницы Общества Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы.

Съ сердечнымъ удовольствіемъ заявляю объ этомъ фактѣ и вношу его въ приказъ по Гимназіи эту лѣтопись заведенія—да будетъ извѣстно грядущимъ поколѣніямъ, какъ даже дѣти русскіе глубоко сочувствовали вашимъ братьямъ, Задунайскимъ Славя-

намъ, возставшимъ въ защиту Своего человѣческаго существованія, противъ неистовствъ и звѣрства своихъ вѣковыхъ угнетателей и исконныхъ враговъ Россіи,—Турокъ!

Спасибо Вамъ, мои славные воспитанники, за Ваше доброе дѣло!

Приказъ этотъ прочесть въ каждомъ возрастѣ при собраніи всѣхъ воспитанниковъ возраста.

Подлинный подписалъ: Директоръ Гимназіи Артиллеріи Генералъ Маіоръ Тыртовъ.

Сообщилъ Князъ Вачнадзе.

МАТЕРІАЛЫ

для исторіи благоустройства и состоянія зданій и матеріальной части Воронежской военной гимназіи въ 1870 и 1871 г.

Чтобы видѣть въ какомъ состояніи находились зданія и матеріальная часть Гимназіи въ 1870 г., во время принятія ея новымъ Директоромъ Полковникомъ Тыртовымъ и какія мѣры принялъ онъ, по вступленію въ должность, къ улучшенію хозяйственной части заведенія, приведемъ въ подлинникѣ нѣкоторые документы относящіеся къ этому времени.

По прибытіи въ Воронежъ Полковникъ Тыртовъ долго затруднялся принять заведеніе отъ бывшаго Директора, Генерала Маіора Фонъ-Винклера и увѣдомилъ объ этомъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній бывшаго тогда въ Кіевѣ, слѣдующей депешей.

Кіевъ.

«Военная Гимназія. Главному начальнику военно-учебныхъ заведеній. Матеріальная часть и зданія Воронежской военной гимназіи въ большомъ безпорядкѣ. Затрудняюсь дать въ пріемѣ квитанцію Генералу Винклеру. Ожидаю приказанія Вашего Превосходительства. Полковникъ Тыртовъ».

Получивъ 24-го Іюня отвѣтъ, въ которомъ Генералъ Исаковъ предложилъ ему выдать «временную квитанцію въ какомъ видѣ принято заведеніе» Полковникъ Тыртовъ выдалъ квитанцію Гене-

ралу Винклеру въ пріемѣ отъ него Гимназіи. Въ этой квитанціи говорится что «имущество какъ въ вещахъ такъ и въ матеріалахъ принято въ томъ количествѣ въ какомъ состояло по шнуровымъ книгамъ къ 20 Іюня—по вѣдомостямъ; подъемные лошади—по описямъ и зданія въ существующемъ ихъ видѣ—по планамъ;.. денежныя суммы, состоящія къ 1-му Іюня по шнуровой церковной книгѣ и отчетнымъ листамъ: церковной 277 руб. 26 коп. и приварочныхъ нижнимъ чинамъ 161 р. 25 коп. а всего въ билетѣ Воронежскаго приказа Общественнаго Призрѣнія и наличныхъ 438 руб. 51 к. а также ассигновки и талоны, показанные по книгамъ 20-го Іюня—въ цѣлости» и пр. Вслѣдъ за симъ Полковникъ Тыртовъ донесъ Главному управленію военно-учебныхъ заведеній о пріемѣ Гимназіи слѣдующимъ рапортомъ:

«Вслѣдствіе приказанія Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній сообщеннаго мнѣ въ предписаніи Главнаго управленія отъ 13 Іюня за № 6335, 18 Іюня я прибылъ въ Воронежъ для пріема Михайловской Воронежской военной гимназіи отъ Директора ея Генералъ-Маіора Винклера, и 20-го вступилъ въ командованіе заведеніемъ. Сдачу заведенія Генералъ-Маіоръ Винклеръ по болѣзни своей поручилъ произвести Инспектору классовъ, подполковнику Мамчичу. Осматривая зданія и матеріальное имущество я нашелъ и то и другое въ большой не исправности, суммъ-же изъ открытаго Гимназіи въ настоящемъ году кредита, по соображенію съ предстоящими до 1-го Января расходами, остается недостаточно для покрытія обыкновенныхъ текущихъ расходовъ по заведенію. Затрудняясь при такомъ положеніи заведенія выдать квитанцію Генералъ-маіору Винклеру въ пріемѣ отъ него на законномъ основаніи гимназіи, я телеграфировалъ Главному начальнику военно-учебныхъ заведеній въ Кіевъ и испрашивалъ приказанія Его Превосходительства. Вчерашняго-же числа Генералъ-Маіоръ Винклеръ, давъ въ хозяйственномъ Комитетѣ нѣкоторыя

объясненія касательно положенія матеріальной части гимназіи, при чемъ выяснилась причина недостаточности остающагося въ распоряженіи гимназіи, кредита на покрытіе въ настоящемъ году текущихъ расходовъ, объявилъ мнѣ, что онъ по крайнимъ домашнимъ обстоятельствамъ долженъ немедленно оставить Воронежъ и не можетъ ожидать полученія квитанціи. Донося о всемъ вышеизложеннымъ Главному Управленію, присовокупляю, что по личному приказанію Главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній переданному мнѣ 16-го Іюня въ бытность Его Превосходительства въ Москвѣ, я долженъ буду ожидать Его Превосходительство здѣсь, въ Воронежѣ, до первыхъ чиселъ Іюля мѣсяца».

1 Іюля Полковникъ Тыртовъ представилъ Главному начальнику военно-учебныхъ заведеній слѣдующаго содержанія докладную записку о состояніи зданій и матеріальной части Михайловской Воронежской военной гимназіи.

«При сдачѣ зданія, мнѣ не было представлено плановъ и описей, которыхъ заведеніе не имѣетъ; впрочемъ, планы были мнѣ доставлены Архитекторомъ, но старые, нѣкоторые даже относящіеся ко времени постройки зданій и не одинъ ни соотвѣтствовалъ настоящему ихъ положенію; описей же совершенно нѣтъ, такъ что повѣрки при пріемѣ не могло быть никакой и приходилось ограничиваться только осмотромъ и словесными объясненіями смотрителя дома и архитектора.

Осмотръ всѣхъ зданій привелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Главный корпусъ: а., помѣщенія воспитанниковъ, 2-й и 3-й этажи.

Полы въ помѣщеніи возрастовъ находятся въ дурномъ состояніи: паркетъ вообще ветхъ и фанерки мѣстами до того сострУганы что дальнѣйшее ихъ исправленіе уже невозможно; дощатые

полы (крашеные) мѣстами представляютъ совершенные выбоины и уже нѣсколько лѣтъ не красились; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ особенно въ умывальныхъ комнатахъ дощатый полъ сгнилъ и, какъ напр. въ умывальной 3 возраста, мѣстами провалился; гнилость пола въ умывальныхъ комнатахъ сообщается потолочному накатнику нижнихъ этажей, который, какъ оказалось при вскритіи пола въ умывальной 3 возраста, также началъ гнить и потолочная штукатурка умывальной 1 возраста расположеннаго подъ 3-мъ, обвалилась. По предполагаемому въ нынѣшнемъ году ремонту не только не положено было, по неимѣнію средствъ, красить дощатые полы и сколько нибудь поддержать паркеты, но даже и такая неизбѣжная работа, какъ исправленіе пола въ умывальной комнатѣ 3-го возраста не полагалась.

Вообще полы необходимо капитально исправить, и желательно замѣнить старый паркетъ. а также досчатые полы, новымъ сосновымъ паркетнымъ поломъ, каковая замѣна можетъ быть сдѣлана только на особо ассигнованные на это средства.

Оконные колоды и въ нихъ зимніе и лѣтніе переплеты въ теченіе 25 лѣтъ неисправлялись и пришли въ ветхость, особенно послѣдніе, которые требуютъ неизбѣжнаго капитальнаго ремонта, на что средства заведенія положительно недостаточны и необходимо пособій со стороны Главнаго Управленія.

Кромѣ этого при осмотрѣ оказалось, что весьма много рамъ неимѣютъ оконнаго прибора, подоконныя доски изрѣзаны воспитанниками разными надписями, а также дверныя полотна, у которыхъ дверной приборъ въ большой неисправности, а въ нѣкоторыхъ дверяхъ его и вовсе нѣтъ.

Но самою серьезною потребностью заведенія составляетъ капитальное исправленіе ватерклозетовъ во всѣхъ зданіяхъ гимназіи и водопроводныхъ трубъ въ Главномъ корпусѣ и лазаретѣ; отъ исправности этихъ существенныхъ частей зданія зависитъ опрятность помѣщеній, чистый воздухъ въ нихъ и самая прочность зданія.

Безпрестанныя, появляющіеся въ разныхъ мѣстахъ, течи

чрезвычайно портятъ строенія и сообщаютъ стѣнамъ сырость, которая мѣстами весьма значительна и проходитъ въ Главномъ Корпусѣ черезъ всѣ этажи. Течи эти, какъ объясняетъ архитекторъ, происходятъ отъ того, что крысы, которыхъ развелось во множествѣ во всѣхъ зданіяхъ, особенно въ Главномъ корпусѣ, перегризаютъ горизонтальные свинцовыя трубы. Отыскиваніе этихъ поврежденій чрезвычайно затруднительно и всегда соединено съ значительной затратой денегъ. А потому, по мнѣнію архитектора, нужно-бы эти свинцовые трубы замѣнить англійскими желѣзными, такъ называемими, газовыми внутри луженными.

Въ самыхъ ватерклозетахъ, въ устройствѣ механизма есть поврежденія, фаянсовыя чаши и резервуары требуютъ капитальныхъ исправленій; сидѣнья и шкафы—тоже и иного устройства, чтобы были разборчатые на случай какихъ либо поврежденій, особенно около толстыхъ и грязныхъ трубъ.

Писсуарныя чаши для мочи устроены круглыя по срединѣ комнаты.—Такое устройство съ педагогической точки зрѣнія не можетъ быть терпимо, да къ тому же всѣ чаши очень плохи и и малы. Необходимо устроить нѣсколько маленькихъ фаянсовыхъ писсуарныхъ чашъ по стѣнамъ.

Вообще во всѣхъ ватерклозетахъ, даже въ настоящее лѣтнее время при отсутствіи воспитанниковъ чувствовался весьма дурной запахъ, что объясняется дурнымъ устройствомъ механизма, прогнилостію стульчаковъ и пола и неисправностью большой сточной трубы, о которой представляется особая докладная записка.
Вентиляціонныхъ приспособленій въ помѣщеніяхъ воспитанниковъ нѣтъ никакихъ кромѣ простыхъ форточекъ.

Б., *Помѣщенія служащихъ*. Въ нижнемъ этажѣ главнаго зданія размѣщено 15 квартиръ; многія изъ нихъ весьма просторны и совершенно достаточны для помѣщенія семейныхъ Гг. воспитателей; содержатся квартиры нѣкоторыя дурно особенно кухни и помѣщенія прислуги.

Ватерклозеты при этихъ квартирахъ въ очень дурномъ состояніи и неимѣютъ мочевиковъ.

Въ подвальномъ этажѣ размѣщено до 40 семействъ женатыхъ вольнонаемныхъ чиновъ. Это помѣщеніе остается въ томъ же крайне неудовлетворительномъ состояніи въ какомъ нашелъ его въ концѣ 1868 года Полковникъ Павловъ и для улучшенія его заведеніемъ не сдѣлано ничего.

Въ банѣ воспитанниковъ полъ мѣстами сгнилъ, а въ одной комнатѣ обвалилась продольная балка и весь полъ опустился и угрожаетъ обрушеніемъ. Въ 7 окнахъ всѣ лѣтнія и часть зимнихъ переплетовъ совершенно сгнили и требуютъ немедленной замѣны новыми; работа эта по ремонту нынѣшняго года небыла положена и потребуетъ въ настоящее время отъ заведенія экстраординарнаго расхода.

Лазаретъ, по сравненію съ другими частями зданія, находится въ болѣе удовлетворительномъ состояніи, хотя тѣхъ приспособленій о которыхъ указывалъ Полковникъ Павловъ, какъ-то: устройства отдѣльнаго помѣщенія для сыпныхъ больныхъ, теплаго прихода въ ватерклозетъ, очищенія пріемной комнаты отъ не совсѣмъ опрятныхъ шкафовъ и фельдшерскаго стола—не сдѣлано.

Изъ отдѣльныхъ флигелей укажу на прачешную, которая находится въ такомъ положеніи что требуетъ немедленной капитальной перестройки.

Собственно прачешная для мытья бѣлья низка и неимѣетъ никакихъ приспособленій для отвода пара и потому, въ особенности зимой, до того переполняется имъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя ничего видѣть; случалось, по заявленіямъ лицъ близко стоящихъ у дѣла, что прачки за паромъ не могли видѣть кранов съ горячей водой и обваривали себѣ руки. Въ прачешной нѣтъ никакихъ приспособленій для удобства и облегченія стирки, какъ то пресовъ для выжиманія бѣлья, чана для полосканія въ самой прачешной и т. п., катки очень дурные и старые; вся посуда въ прачешной находится въ совершенно ветхомъ состояніи; флигель гдѣ живутъ кастеляншы, прачки и бѣлошвейки и гдѣ устроены сушильни уже нѣсколько лѣтъ вовсе не ремонтируемы, рамы всѣ сгнили, стекла побиты, крыльца обвалились, во-

ротныя полотна за ветхостію сняты со столбовъ и вообще все зданіе представляется въ безобразномъ видѣ.

Мебель и вещи въ покояхъ:

Всѣ эти предметы находятся въ крайней неисправности и по состоянію ихъ не видно чтобы было обращаемо вниманіе на бережливость воспитанниковъ къ казенному имуществу вообще. Камодики нѣкоторые близки къ совершенному разрушенію, другіе или безъ дверецъ и безъ палочекъ, или безъ ящиковъ и всѣ нѣсколько лѣтъ неисправлялись и давно не приводились въ приличный видъ. Табуретовъ вовсе нѣтъ, они постепенно ломались, и уничтожались и въ настоящее время ихъ не болѣе 20 годныхъ; въ послѣднее время табуреты замѣнены въ рекреаціонныхъ залахъ деревянными диванами, но этихъ диванов въ двухъ возрастахъ имѣется по два, а въ двухъ только по одному, что, естественно, недостаточно, такъ какъ сѣсть на такой диванъ могутъ только до 10 воспитанниковъ, въ возрастахъ же ихъ около 100.

Класные столы хотя сдѣланы недавно, но уже находятся нѣкоторые въ очень дурномъ видѣ—верхнія доски и скамейки изрѣзаны и испорчены воспитанниками до безобразія и оставлять ихъ безъ исправленія невозможно.

Креселъ или стульевъ для преподавателей въ настоящее время вовсе нѣтъ; всѣ употреблявшіеся въ текущемъ учебномъ году совершенно изломаны.

Въ столовомъ залѣ столы и скамейки отъ употребленія и отсутствія ежегодныхъ исправленій въ настоящее время находятся въ весьма плохомъ состояніи.

Все это требуетъ поправокъ, исправленій или совершенной замѣны старыхъ ветхихъ вещей новыми, но средствъ на это нѣтъ, такъ какъ изъ назначенныхъ по бюджету заведенія на эту часть почти четырехъ сотъ рублей, въ настоящее время, остается неизрасходованнымъ только 28 р.

Кровати желѣзныя нѣкоторыя поломаны и требуютъ исправленій; деревянные на нихъ постельники не сколочены, а состоятъ

изъ отдѣльныхъ старыхъ досокъ и при томъ не крашены, отъ того въ нихъ гнѣздится множество клоповъ, отъ которыхъ, по отзыву воспитателей, нѣтъ никакого спасенія и воспитанники зачастую цѣлыя ночи проводятъ безъ сна.

Лампъ керосиновыхъ различныхъ достаточное количество, частію вновь пріобрѣтенныхъ, частію передѣланныхъ изъ прежнихъ масляныхъ; но между ними нѣтъ лампъ съ небольшими горѣлками, для ночнаго освѣщенія спаленъ и корридоровъ; кромѣ этого, употребляемые нынѣ, бумажныя абажуры необходимо замѣнить жестяными.

Бѣлье и обмундированіе.

Все бѣлье и обмундированіе находится въ весьма неудовлетворительномъ состояніи и въ крайне ограниченномъ числѣ.

Изъ состоящихъ по книгамъ *2268* рубашекъ разныхъ сроковъ, начиная съ 1867 года, уже теперь признаны *совершенно негодными 462* къ началу курса ихъ выбракуется всего до 800 штукъ и такимъ образомъ останется годныхъ *не болѣе* $3^1/_2$ *смѣнъ*; построить предполагается и уже имѣется матеріалъ одну полную смѣну, такъ что будетъ до $4^1/_2$ смѣнъ, но этого количества нельзя считать достаточнымъ, такъ какъ для мытья, высушки и неторопливой починки необходимо, кромѣ запаса, имѣть въ постоянномъ употребленіи не менѣе 6 смѣнъ пополняя смѣны изъ запаса послѣ каждой браковки.

Подштанники въ 1869 году, по указанію Полковника Павлова, пріобрѣтались бумажные вязанные, они въ удовлетворительномъ состояніи, но ихъ не болѣе 4 смѣнъ. Подштанники эти по отзыву служащихъ, оказываются въ носкѣ будтобы неудобными; они дѣйствительно отъ употребленія очень растянулись и удлинились. Въ нынѣшнемъ году, по недостатку средствъ, на подштанники употреблены старые гимнастическія брюки изъ которыхъ и сдѣлана одна смѣна ихъ. Въ настоящее время имѣется еще по бюджету сумма на шитье одной смѣны подштанниковъ и о пріобрѣтеніи полотна распоряженіе уже сдѣлано.

Носки. Изъ состоящихъ по книгамъ 1,604 паръ, уже теперь признается негодными болѣе 700, такъ что остается въ употребленіи всего не много болѣе 2 смѣнъ. Носки бумажные тканые, очень непрочные и чрезвычайно короткія. Предполагается сдѣлать 1000 паръ вязанныхъ изъ суровыхъ нитокъ, на что имѣется уже матеріалъ; но во всякомъ случаѣ количество носковъ недостаточно, ибо и съ вновь сдѣланными ихъ будетъ къ началу курса не болѣе 4 смѣнъ.

Платки. Въ настоящее время въ употребленіи не много болѣе 3-хъ смѣнъ, почти всѣ они очень ветхи; къ началу курса будетъ изготовлено еще 2 смѣны, платки для которыхъ уже пріобрѣтены изъ Москвы довольно хорошаго качества, но при всемъ томъ 5 смѣнъ нельзя признать достаточнымъ.

Полотенца и наволочки хороши и ихъ достаточно, особенно послѣднихъ, которыхъ имѣется достаточный запасъ еще не бывшихъ въ употребленіи.

Простынь годныхъ въ настоящее время только 1937, такъ что полагая въ смѣну по двѣ простыни ихъ достаетъ только на $2^1/_2$ смѣны, что нельзя считать достаточнымъ, дополнить въ нынѣшнемъ году по крайней мѣрѣ до 3-хъ смѣнъ не предполагается и средствъ на это нѣтъ.

Подушки, обтянутыя сафьяномъ хороши и въ исправномъ видѣ.

Кроватные чехлы негодны по совершенной ветхости, особенно головные, которые нестроились вновь съ 1865 года.

Одѣяла байковыя очень дурны и строго говоря почти всѣ негодны такъ какъ послѣднія изъ нихъ пріобрѣтены въ 1860 и 1861 годахъ.

Одѣяла лѣтнія (тканьевыя) въ порядочномъ видѣ и я предполагаю въ настоящее время подшить подъ нихъ на зиму байковыя, черезъ что послѣднія будутъ достаточно теплые и по внѣшности кровати будутъ представлять приличный видъ.

Матросскихъ рубахъ всего неполныхъ двѣ смѣны и всѣ въ очень дурномъ видѣ, такъ какъ съ 1867 года нестроили новыхъ. Въ настоящее время имѣется матеріалъ на постройку 400, что

будетъ во всякомъ случаѣ недостаточно для приведенія этой части одежды въ приличное состояніе.

Шаровары лѣтнія въ такомъ же дурномъ видѣ какъ и рубахи, но ихъ менѣе послѣднихъ; предполагается построить одну новую смѣну и о пріобрѣтеніи матеріала распоряженіе сдѣлано.

Обувь въ порядочномъ состояніи, но стоимостъ сапогъ довольно высокая (3 р. пара, считая и цѣльные сапоги и головки вмѣстѣ).

Полукафтановъ выходныхъ (съ галунами) вовсе неимѣется.

По книгамъ состоитъ ихъ 169, срока 66 и 67 годовъ, но всѣ они негодны и подлежатъ уничтоженію.

Полукафтановъ вседневныхъ годныхъ только по одному на воспитанника, построенныхъ въ прошломъ году; построенные же въ 1868 г. пришли въ совершенную негодность и подлежатъ уничтоженію.

Брюкъ суконныхъ годныхъ также только одна смѣна. Предполагается въ настоящее время построить 400 вседневныхъ полукафтановъ съ брюками и о пріобрѣтеніи матеріаловъ распоряженіе сдѣлано.

Плащей годныхъ только 150 штукъ, построенныхъ въ 1869 г., остальные, постройки 66 и частію 67 года, представляютъ почти одни лохмотья. Въ настоящемъ году предположено по бюджету построить 50 плащей и матеріалъ на нихъ выписанъ изъ Москвы.

Такимъ образомъ, состояніе всей верхней одежды надобно признать безусловно неудовлетворительнымъ и исправить этотъ капитальный недостатокъ, безъ пособія со стороны Главнаго Управленія, въ ближайшемъ будущемъ не представляется почти никакой возможности; чтобы улучшить эту часть, необходомо построить разомъ полную смѣну выходныхъ полукафтановъ съ брюками и 200 плащей, что, по цѣнамъ нынѣшней постройки, составитъ сумму около 8/т. рублей.

Башлыковъ годныхъ имѣется только съ небольшимъ—100 штукъ и вновь положено сдѣлать 100, на что имѣется по бюджету опредѣленная сумма.

Лаковыхъ черныхъ ремней съ бляхами на полный комплектъ недостаетъ—предполагается сдѣлать 100 шт.

Ремни изъ желтой лакированной кожи (лагерные) изготовляются.

Руковицы всѣ негодны—предположено сдѣлать 400 паръ. Наушниковъ вовсе нѣтъ.

Вообще статьи обмундированія и бѣлья требуютъ чрезвычайныхъ затратъ, для приведенія ихъ въ соотвѣтственный другимъ гимназіямъ видъ и порядокъ.

Столовое бѣлье, посуда и проч. по части эконома.

Салфетокъ имѣется годныхъ только 2 смѣны т. е. 800 шт.

Скатертей 2 смѣны, т. е. 400 штукъ, годныхъ, остальные 16-ть скатертей (неполная одна смѣна) ветхи.

Вилокъ и ножей достаточно и они въ порядочномъ видѣ.

Стакановъ и графиновъ недостаточно, такъ что на каждый изъ 20 обѣденныхъ столовъ, за которыми садится по 20 воспитанниковъ, можно поставить только по четыре стакана, графиновъ же недостаетъ и по два.

Тарелокъ, мелкихъ и глубокихъ, недостаточно въ 1863 году пріобрѣтено отъ Гарднера по 40 дюжинъ тѣхъ и другихъ и эти послѣднія хороши; остальныя, (28 дюжинъ мѣлкихъ и 30 дюжинъ глубокихъ) плохи и на полный комплектъ воспитанниковъ недостаетъ даже по одной тарелкѣ.

Кружки фаянсовыя хороши и ихъ достаточно.

Лотковъ для хлѣба нѣтъ.

Ложекъ серебрянныхъ разливательныхъ 40, соусныхъ 40 и столовыхъ 395.

Оловянная посуда: миски съ подмисниками, блюда и соусники въ половинномъ количествѣ перелиты вновь въ нынѣшнемъ году и находятся въ хорошемъ видѣ, остальная половина плоха и требуетъ также переливки.

Котлы въ кухнѣ исправны; прочая кухонная посуда и разныя вещи для кухни и пекарни требуютъ исправленій и пополненій.

Лазаретное бѣлье и проч. вещи по части завѣдывающаго лазаретомъ.

Бѣлья носильнаго въ лазаретѣ недостаточно и оно въ плохомъ видѣ.

Предполагается построить вновь 38 рубашекъ и подштаниковъ на что и имѣется по бюджету опредѣленная сумма, но и съ этимъ количествомъ, бѣлья будетъ недостаточно, и оно, какъ теперь и водится, въ случаѣ скопленія большаго числа больныхъ въ лазаретѣ должно пополнятся изъ возрастовъ.

Простынь и наволокъ имѣется на штатное число кроватей (40) неполныхъ двѣ смѣны, полагая по 2 простыни въ каждую смѣну.

Халатовъ суконныхъ имѣется только 20; предполагается построить теперь еще 20 и матеріалъ на это уже пріобрѣтенъ.

Халатовъ лѣтнихъ, одѣялъ байковыхъ и лѣтнихъ кроватныхъ чехловъ, полотенецъ и проч. за исключеніемъ носовыхъ платковъ достаточно хотя многое изъ всего этого требуютъ исправленій.

Носовые платки почти всѣ ветхи и ихъ недостаточно. Предполагается пріобрѣсти одну полную смѣну и деньги на это имѣются по бюджету.

Мебель, находящаяся въ лазаретѣ, требуетъ значительныхъ исправленій и ремонтировки, на что по бюджету денегъ не назначено и неимѣется.

Конюшня, экипажи и пожарный инструментъ.

Для водокачекъ, возки тяжестей и для разъѣздовъ гимназія содержитъ въ настоящее время 12 лошадей. Лошади находятся налицо и содержатся хорошо. Число лошадей повидимому велико и вопросъ этотъ потребуетъ внимательнаго обсужденія; есть предположеніе, о замѣнѣ части лошадей волами, для употребленія въ водокачальняхъ, что вѣроятно окажется и удобнѣе и дешевлѣ.

Для разъѣздовъ имѣются слѣдующіе экипажи: тарантасъ городской крытый, шарабанъ, фаэтонъ, дрожки бѣговые, одна ли-

нейка большая и большія сани для возки воспитанниковъ; кромѣ этого имѣется еще двѣ городскихъ небольшихъ линейки и двое городскихъ саней не записанныхъ по книгамъ. Сбруя выѣздная частію есть, но старая; рабочей же сбруи почти неимѣется и въ настоящее время употребляется на это пожарные хомуты.

Кромѣ форменнаго пожарнаго инструмента, пришедшаго въ совершенную негодность, и крановъ пожарныхъ, устроенныхъ во всѣхъ помѣщеніяхъ воспитанниковъ, неимѣется никакихъ новаго устройства ручныхъ пожарныхъ трубъ.

Старый форменный пожарный инструментъ, къ которому неимѣется лошадей и пріученыхъ людей подлежитъ уничтоженію и такъ какъ въ заведеніи имѣется достаточное число пожарныхъ крановъ, то полѣзнѣе бы было пріобрѣсти нѣкоторое количество гидропультовъ, удобныхъ для переноски и дѣйствія во всякомъ мѣстѣ.

Лагерь.

Бараки хотя и выстроены въ 1867 году, но въ настоящее, время крыши въ большей части ихъ сильно протекаютъ.—Тѣ лагерные постройки, которыя покрыты были старымъ картономъ, оставшимся отъ прежняго лагеря неимѣютъ течей и крыши въ совершенной исправности; но новый картонъ оказался чрезвычайно не прочнымъ и прибитымъ дурно; эта непрочность объясняется тѣмъ что, строитель лагеря, бывшій смотритель дома, Полковникъ Смородскій, употреблялъ для крышъ весьма тонкій картонъ и не достаточно его вываривалъ въ маслѣ, такъ что онъ вовсе не пропитывался имъ, какъ бы слѣдовало: одного взгляда на лагерныя постройки и сравненія крышъ, покритыхъ картономъ, существующимъ болѣе 15 лѣтъ и новымъ существующимъ только 4-е лѣто, достаточно, чтобы убѣдится до какой степени эта работа произведена была недобросовѣстно.

Къ будущему лѣту предстоитъ неминуемо капитальная перестилка всѣхъ крышъ, покрытыхъ картономъ Полковника Смородскаго.

Отхожія мѣста устроены дурно, безъ выгребныхъ ямъ вмѣсто которыхъ имѣются выдвижные ящики; стѣнки сколочены изъ досокъ очень дурно и не плотно; стульчаковъ мало, мочевиковъ вовсе нѣтъ, словомъ, отхожія мѣста представляются въ безобразномъ видѣ и отъ нихъ на довольно большое растояніе распространяется зловоніе. На четыре возраста устроено только два отдѣльныхъ отхожихъ мѣста хотя и разгороженныхъ пополамъ дощатой перегородкой, но за то Директорскій баракъ внутри оштукатуренъ и выкрашенъ масляной краской, а нѣкоторыя комнаты оклеены обоями.

Все пространство около бараковъ не расчищено отъ кустовъ и мелкихъ порослей и представляетъ такія закрытія для воспитанниковъ что надлежащій надзоръ за ними совершенно не возможенъ. Кусты и поросль, растущіе на арендуемой заведеніемъ землѣ, ничѣмъ рѣзко не отдѣлены отъ окружающей мѣстности, заросшей совершенно густыми кустами и оттого удаленіе воспитанниковъ за черту лагеря и иногда на весьма далекое растояніе совершенно возможно.

Въ гигіеническомъ отношеніи мѣсто выбранное для лагеря дурно. По отзыву старшаго доктора и воспитателей съ тѣхъ поръ какъ заведеніе перешло въ настоящій лагерь лихорадки, иногда весьма упорныя, не прекращаются, и въ настоящее время въ лазаретѣ заведенія только и существуютъ одни больные лихорадкой. Не проходитъ дня, чтобы изъ 140 воспитанниковъ, живущихъ въ лагерѣ, кто нибудь не заболѣлъ лихорадкой, а иногда ихъ бываетъ двое и трое въ день.

Мебель въ лагерѣ, какъ-то: столы въ баракахъ для занятій и въ столовой, находится въ крайне дурномъ состояніи и едва не разваливаются отъ ветхости.

Рукомойники желѣзные крашеные существуютъ съ основанія корпуса и въ настоящее время представляются въ очень дурномъ видѣ.

Сводя все мною сказанное въ одно, надобно придти къ заключенію что какъ зданія, такъ и вся матеріальная часть гимназіи находится въ крайне неудовлетворительномъ состояніи и безъ серьезнаго пособія со стороны Главнаго Управленія не представляется ни малѣйшей возможности исправить это не только въ близкомъ но и въ далекомъ будущемъ: расходы слишкомъ велики, а надобности по разнымъ частямъ слишкомъ экстренны, чтобы можно было сосредоточивать средства заведенія для постепеннаго исправленія одной части за другою.

Къ довершенію всего я долженъ прибавить, что на текущій годъ, суммъ, состоящихъ въ распоряженіи гимназіи и неизрасходованныхъ къ 1-му Іюля, не достанетъ до новаго года для покрытія обыкновенныхъ текущихъ расходовъ по заведенію и не достанетъ на весьма крупную сумму,—свыше 4/т. р.

Этотъ недостатокъ я предвижу потому, что онъ даже въ большей суммѣ, съ 1866 года бывалъ ежегодно, т. е. заведеніе къ концу каждаго года жило въ долгъ оплачивая его изъ вновь открытаго на новый годъ кредита.

Дѣло это устраивалось такимъ образомъ: не доставало, напр., къ концу года дровъ, т. е. все количество дровъ, какое предполагалось по бюджету на годъ, израсходываволось раньше конца года, а денегъ на покупку новаго количества дровъ уже неимѣлось, тогда брались дрова отъ подрядчика въ долгъ, и уплачивалось за нихъ изъ суммъ слѣдующаго года; самые же дрова показывались пріобрѣтенными въ томъ году, когда за нихъ уплачивались деньги, и тогда же записывались они на приходъ и за тѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ слѣдующаго года въ мѣсячныхъ отчетахъ расходъ дровъ показывался несогласно съ дѣйствительнымъ расходомъ, а каждый мѣсяцъ больше, до тѣхъ поръ пока излишекъ дровъ сожженныхъ въ концѣ минувшаго года и считавшихся по шнуровымъ книгамъ на приходѣ въ текущемъ году, не уничтожался. Такъ, въ прошломъ году перенесено долгомъ на нынѣшній годъ 80 кубич. сажень дровъ на сумму 1,787 р., разныхъ предметовъ по освѣщенію на сумму 692 р. и проч., всего по раз-

нымъ статьямъ хозяйства перенесено разныхъ матеріаловъ и припасовъ, а также уплачивается деньгами за разные расходы, произведенные въ прошломъ году, *4.612 р.* и потому естественно, что на эту сумму не достанетъ денегъ для покрытія расходовъ текущаго года.

Такая совершенно незаконная сдѣлка въ высшей степени роняетъ кредитъ Директора, дѣлая его солидарнымъ съ приходо-расходчиками и вовлекая послѣднихъ въ неправильную, несогласную съ дѣйствительностью, отчетность, чѣмъ естественно подается поводъ, быть можетъ, и къ дѣйствительнымъ злоупотребленіямъ: если приходорасходчикъ по приказанію директора напр. въ январѣ, февралѣ и мартѣ долженъ показывать ежемѣсячно расходъ дровъ 20 кубическими саженями больше чѣмъ въ дѣйствительности ихъ употреблено для того чтобы покрыть израсходованные въ минувшемъ году 60 сажень, то отчего ему, напр. въ апрѣлѣ не показать *уже для себя* 10 саж. больше дѣйствительнаго расхода и деньги за нихъ, 250 р., не положить въ свой карманъ и т. д.

Умоляю Ваше Превосходительство избавить меня отъ подобной незаконной сдѣлки и ассигновать нынѣ же на расходы по хозяйственной части гимназіи изъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи Главнаго управленія. 4500 р. Чтобы доказать необходимость этого дополнительнаго кредита укажу только одно: дровъ на текущій годъ заготовлено 600 кубич. сажень, по бюджету ихъ назначалось только 550, а на весь годъ ихъ нужно около 725, слѣдовательно ихъ недостанетъ около 125 сажень; этотъ предметъ одинъ потребуетъ не менѣе 3000 р.: недостаетъ также керосину на сумму около 1000 р. и многихъ другихъ матеріаловъ и припасовъ. При заготовленіи всего хозяйственнымъ способомъ, покупкою на наличные деньги, а не черезъ подрядчиковъ, черезъ два, три мѣсяца заведеніе будетъ поставлено въ безвыходное положеніе неимѣя чѣмъ топить, чѣмъ освѣщать и неимѣя денегъ на это.

Переводя къ обсужденію причинъ такого бѣдственнаго положенія гимназіи, надобно признать, что возвышеніе цѣнъ въ г. Воронежѣ на всѣ предмѣты первой потребности со времени прови-

денія желѣзной дороги, возвышеніе—дѣйствительно весьма значительное, было здѣсь главною но не единственною причиною. Другою причиною я считаю крайне неблаговидный и недобросовѣстный образъ дѣйствія бывшаго смотрителя дома, полковника Смородскаго, и чрезвычайное довѣріе къ нему переходящее даже въ послабленіе Директора гимназіи Генералъ-Маіора Винклера. Третьею причиною я признаю слѣдующее соображеніе: заведеніе до послѣдняго времени относительно дешевизны разныхъ предмѣтовъ первой потребности сравнительно съ другими гимназіями пользовалось хорошимъ положеніемъ и. если можно такъ выразится, привыкло жить на широкую ногу и не дорожить копѣйкой; съ возвышеніемъ же цѣнъ на все, оно, не могло или не хотѣло, измѣнять свой образъ жизни и продолжая дѣлать безполезныя затраты и подобно тому какъ разорившійся богачъ старается внѣшнимъ блескомъ поддержать свой падающій кредитъ, такъ и Воронежская гимназія продолжала задавать дорого стоющіе балы и вечера и оставляла воспитанниковъ ходить въ домашнемъ быту чуть не въ лохмотьяхъ и въ обыкновенные дни питаться крайне скудной и однообразной пищей.

Внимательное чтеніе журналовъ хозяйственнаго Комитета и разсказы служащихъ навели меня на это соображеніе въ вѣрности котораго я не сомнѣваюсь.

Впрочемъ раскрить вполнѣ значеніе каждой изъ высказанныхъ мною причинъ, а можетъ быть отыскать и другія, можетъ только строгое и безпристрастное разслѣдованіе путемъ формальнаго слѣдствія.

Подробности о положеніи Гимназіи Полковникъ Тыртовъ подробно изложилъ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній Генералъ Адьютанту Николаю Васильевичу Исакову въ слѣдующемъ письмѣ:

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь

Николай Васильевичъ!

Извѣстившись о возвращеніи Вашемъ въ С.-Петербургъ спѣшу сообщить Вашему Превосходительству о положеніи ввѣренной мнѣ Гимназіи. Первое что тревожило меня это опасеніе за возможность просуществовать до будущаго 1871 года на оставшіяся деньги, вслѣдствіе того, что къ началу нынѣшняго года заведеніе перешло съ долгомъ свыше 4½ тысячъ; въ настоящее время уменьшилось; теперь я съ увѣренностію могу сказать, что Гимназіи не потребуется никакого пособія для того чтобы, какъ говорится, свести концы съ концами и я перейду на будущій годъ имѣя очень малый дефи-

цитъ, а это въ свою очередь даетъ мнѣ твердую увѣренность, что, если только заведенію будетъ открытъ въ будущемъ 1871 году кредитъ на строительныя надобности, для приведенія зданій въ возможно приличный видъ, то всѣ другія части матеріальнаго хозяйства могутъ очень скоро поправиться. Такому успѣху я обязанъ, какъ добросовѣстности Гг. Завѣдующихъ различными частями хозяйства, такъ и удачно составленному мною хозяйственному Комитету, членами котораго отъ воспитателей на нынѣшній учебный годъ состоятъ Подполковникъ Нееловъ, Подполковникъ Гакенъ, Маіоръ Сипягинъ, Лейтенантъ Александровскій; во всѣхъ ихъ я нашелъ себѣ весьма дѣятельныхъ и опытныхъ помощниковъ: строгій фактическій контроль всякаго расхода установленный нынѣ, не допускаетъ не только возможности какого нибудь злоупотребленія, но даже простаго упущенія; что это не фраза—факты на лицо: съ небольшимъ въ четыре мѣсяца я дѣлаю экономіи почти въ 3½ тысячи и смѣло говорю, что эта экономія образовалась не на счетъ воспитанниковъ а на противъ положеніе и содержаніе ихъ значительно улучшилось. Самое существенное для здоровья дѣтей—это здоровый, сытый столъ, который въ настоящее время значительно улучшенъ и сдѣланъ разнообразнѣе. Дѣти получаютъ ежедневно не менѣе 79-ти золотниковъ мяса, что нахожу для здѣшняго не холоднаго климата вполнѣ достаточнымъ. Главнѣйшее хорошему и сытному столу, болѣе равномѣрному распредѣленію занятій воспитанниковъ въ теченіе дня и ежедневнымъ прогулкамъ на чистомъ воздухѣ, я обязанъ значительному улучшенію санитарнаго состоянія воспитанниковъ: сравнительныя данные о среднемъ числѣ больныхъ бывшихъ въ лазаретѣ въ Сентябрѣ и Октябрѣ мѣсяцахъ 1868, 1869 г. и настоящаго года служатъ тому доказательствомъ: сред-

ния ежедневная цифра больныхъ въ эти два мѣсяца въ 1868 и 1869 годахъ была 23, нынѣшній годъ—15-ть, разница на 8 больныхъ въ день, что на два мѣсяца составляетъ около 500 человѣкъ. И все это достигнуто не только безъ лишняго расхода, но съ положительною экономіею. Дороговизна о которой прежде такъ настоятельно утверждало начальство Гимназіи была въ сущности не дѣйствительная, а больше воображаемая потому что не хотѣли вникнуть въ дѣло и не хотѣли отстать отъ старыхъ привычекъ и обычаевъ. По сравненію напр. съ Москвой, здѣсь главные предметы довольствія значительно дешевле, штатъ-же Воронежской гимназіи рознится отъ Московской весьма незначительно, теперь я смѣло могу утверждать что тутъ было или неумѣнье, или просто не желаніе. Чтобы поставить Ваше Превосходительство въ извѣстность, какимъ образомъ я могъ вести дѣло порядочно, сдѣлать такую экономію, что надѣюсь перейти на будущій годъ безъ стѣснительнаго долга вотъ цифры: отъ столоваго довольствія ожидаю остатка не менѣе 900 руб., отъ уменьшенія вольнонаемной прислуги и болѣе равномѣрнаго распредѣленія ея обязанностей до 425-ти руб. отъ содержанія казенной прислуги останется 300 руб., отъ уменьшенія 4-хъ лошадей—100 руб. отъ освѣщенія до 50-ти руб., дровъ выйдетъ менѣе прошлаго года по крайней мѣрѣ на 25 куб. сажень меньше, что составляетъ 625 руб., отъ уничтоженія безденежнаго отпуска изъ Аптеки заведенія лекарствъ служащимъ около 200 руб.,*) отъ одной смѣны сапоговъ которые я шью въ самомъ концѣ года, такъ какъ обувь находится въ хорошемъ состояніи, и которую пущу въ носку съ 1 Января и слѣдовательно

*) Замѣтка объ этомъ помѣщена ниже.

заплачу за нее въ 1871 году около 1300 руб., а всего такимъ образомъ составляется до 3900 руб.; къ этой суммѣ надобно прибавить 700 рублей, которые отпущены Гимназіи были въ сентябрѣ мѣсяцѣ изъ остатковъ отъ строительнаго кредита главнаго управленія на нѣкоторыя работы по улучшенію и возобновленію зданій; кредитъ этотъ въ значительной степени облегчилъ меня, избавивъ отъ необходимости производить расходы изъ средствъ заведенія на нѣкоторыя не терпящія отлагательства работы по поддержанію зданій. Съ этимъ добавочнымъ кредитомъ получается сумма 4600 руб., какъ разъ та самая которая заявлена была мной въ особой докладной моей запискѣ 1-го Іюля, и на которую былъ сдѣланъ Генераломъ Винклеромъ переносъ изъ минувшаго 1869 года, когда въ послѣдней трети года не оставалось уже денегъ на покрытіе текущихъ расходовъ

Перехожу къ другимъ частямъ заведенія. Общій характеръ массы воспитанниковъ и общее ихъ нравственное состояніе довольно удовлетворительное, хотя конечно не безъ исключеній, о которыхъ буду имѣть честь доложить лично, если Ваше Превосходительство разрѣшите мнѣ прибыть къ 25-го Ноября въ С.-Петербургъ ко дню празднованія Юбилея Артиллерійской Академіи и училища. Въ старшихъ двухъ возрастахъ замѣтна нѣкоторая распущенность и нѣтъ той выдержанности и безусловнаго подчиненія установленнымъ въ заведеніи порядкамъ, которое желательно-бы видѣть во взрослыхъ благовоспитанныхъ юношахъ, есть и другіе недостатки; въ массѣ еще сохраняются нѣкоторыя старокадетскія тенденціи—такъ напримѣръ составленіе артелей или обществъ для какого нибудь не позволеннаго дѣла,—такъ что нельзя сказать, чтобы масса двухъ старшихъ возрастовъ, особенно послѣдняго, была разъ-

единена авторитетомъ воспитателей на составныя ея части и чтобы авторитетъ ихъ царилъ надъ возрѣніями воспитанниковъ; конечно и здѣсь не безъ исключеній, но въ большинствѣ это такъ. Составъ воспитателей не минуемо потребуетъ освѣженія, но дѣломъ этимъ я не тороплюсь и предоставляю нѣкоторымъ господамъ самимъ присмотрѣться къ моимъ требованіямъ и самостоятельно прійдти къ убѣжденію, что они не соотвѣтствуютъ этимъ возрѣніямъ и требуемый мною отъ нихъ трудъ имъ не по силамъ. Одинъ изъ нихъ, Ш. К. Кулешовъ, уже выходитъ по болѣзни и я не имѣю основанія объ этомъ сожалѣть; на мѣсто его уже выбранъ и мною представленъ воспитатель здѣшней Городской гимназіи *Савинъ*, молодой человѣкъ по видимому весьма порядочный, я его съ разрѣшенія Директора Гимназіи уже привлекъ къ нѣкоторой дѣятельности, чтобы дать ему возможность присмотрѣться и довольно часто его штударую, чтобы выяснить ему его будущія обязанности и высказать мой взглядъ и требованія, при чемъ требую отъ него непремѣнно теоретической подготовки и изученія хотя-бы только одной книги Ушинскаго «человѣкъ какъ предметъ воспитанія». Есть у меня и еще нѣсколько кандидатовъ, такъ что въ замѣщеніи воспитателей, въ случаѣ надобности затрудненій кажется не встрѣчу. Составъ преподавателей потребуетъ къ будущему году безусловнаго освѣженія, особенно по преподаванію иностранныхъ языковъ и математики, о чемъ я уже и заявилъ начальнику учебнаго отдѣленія, я бы желалъ на будущій годъ пріобрѣсти по математикѣ непремѣнно кандидата-Педагога, полагаю что въ этомъ не встрѣтится препятствій; но по иностраннымъ языкамъ едва-ли удастся устроить что нибудь удовлетворительное. По канцеляріи новымъ Секретаремъ своимъ—Больманомъ я очень доволенъ, онъ очень толковый и аккуратный гос-

подинъ и во всѣхъ отношеніяхъ приличный молодой человѣкъ, внесшій въ канцелярію и во всѣ свои отношенія ко всѣмъ лицамъ съ кѣмъ сталкиваетъ его служба элементъ порядочности и приличія; но не скоро еще въ городѣ забудется то чѣмъ была канцелярія при Фокѣ и Смородскомъ, это я теперь испытываю на торгахъ, которые въ настоящее время производятся по разнымъ заготовленіямъ на будущій годъ—большею частію торги не состаиваются, по неявкѣ желающихъ торговаться: такъ всѣ порядочные и честные торговцы боятся имѣть дѣло съ Воронежской военной Гимназіей! Но годъ другой пройдетъ, пройдетъ и это недовѣріе. Что-же касается съ будущаго года, то за него я не боюсь, кажется всѣ заготовленія будутъ сужаны по весьма выгоднымъ цѣнамъ и съ вѣрнымъ обезпеченіемъ хотя и безъ торговъ.

Производство дополнительнаго дознанія по дѣлу о безплатныхъ порціяхъ и другихъ безпорядкахъ по хозяйству бывшаго Кадетскаго Корпуса поручено мною новой Коммиссіи, составленной кажется весьма удачно, и я надѣюсь, что она вполнѣ выяснитъ это, по видимому очень грязное дѣло. Подробныя объясненія по несчастному случаю, бывшему въ лагерѣ, (скоропостижной смерти воспитанника въ купальнѣ) мною представлено, а о другомъ случаѣ, бывшемъ во время обратнаго путешествія партіи воспитанниковъ изъ Задонскаго монастыря, на дняхъ представлю, такъ какъ только сего дня получилъ я отъ Князя Трубецкаго подлинное дознаніе произведенное на мѣстѣ становымъ Приставомъ.

Въ заключеніе прошу Ваше Превосходительство разрѣшить мнѣ двухъ недѣльную поѣздку въ Петербургъ на юбелей Артиллерійской Академіи и для нѣкоторыхъ другихъ дѣлъ собственно по заведенію.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенно преданностію и проч.

17 Декабря 1871 года письмомъ № 22-мъ Генералъ-Маіоръ Тыртовъ опять сообщилъ, къ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній, о состояніи Гимназіи, слѣдующее:

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь

Николай Васильевичъ!

Ожидая пріѣзда Вашего Превосходительства минувшимъ лѣтомъ и осенью въ Воронежъ, я надѣялся имѣть возможность на мѣстѣ доложить Вашему Превосходительству о состояніи Гимназіи и ея нуждахъ по всѣмъ частямъ заведенія и питалъ увѣренность что личное Ваше вниманіе къ послѣднимъ подвинетъ рѣшеніе нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ объ улучшеніи положенія ввѣренной мнѣ Гимназіи. Положеніе это въ настоящее время, требуетъ отъ заведенія чрезвычайныхъ усилій и затрудненія встрѣчаемыя въ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ потребностей заведенія, на столько велики, что ручаться за будущее удовлетворительное состояніе гимназіи, безъ положительно опредѣленнаго пособія, въ добавокъ къ отпускаемымъ заведенію суммамъ по табели, рѣшительно не возможно.

Торги, произведенные въ нынѣшнемъ году, дали результаты весьма неблагопріятные по сравненію съ

подрядами прошлаго года: на всѣ главные предметы потребленія цѣны поднялись и на нѣкоторые весьма значительно, не урожай хлѣбовъ, или вѣрнѣе сказать не возможность убраться во время съ хлѣбами по случаю отвратительной дурной погоды, стоявшей съ половины Августа, вплоть до первыхъ чиселъ Ноября, поднялъ мѣстныя цѣны на всѣ предметы первой потребности; возвышеніе цѣнъ на кожевенный товаръ замѣчается уже нѣсколько лѣтъ къ ряду и на будущій годъ обувь воспитанниковъ потребуетъ излишнихъ противъ прошлаго года нѣсколько сотъ рублей; цѣны на учебный и канцелярскій припасы и на сукно тоже поднялись.

А потому я покорнѣйше-бы просилъ Ваше Превосходительство, не признаете ли возможнымъ вызвать меня по дѣламъ службы въ Январѣ мѣсяцѣ для личныхъ объясненій о состояніи хозяйства заведенія, о бюджетѣ будущаго года и надобностяхъ Гимназіи по строительной части, изъ которыхъ нѣкоторыя представляются до чрезвычайности существенными и важными для гимназіи Кромѣ того есть нѣкоторые второстепенные вопросы, касающія другихъ частей заведенія, которые при этомъ случаѣ могли-бы быть разрѣшены съ пользою для гимназіи, или которые могли-бы быть улажены только лично въ Москвѣ или въ Петербургѣ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Въ отвѣтъ на это письмо помощникъ начальника Главнаго Управленія военныхъ учебныхъ заведеній Генералъ Лейтенантъ Корсаковъ предписаніемъ отъ 30-го Декабря за № 14278, увѣдомилъ Директора, что главный начальникъ приказалъ «предложить ему прибыть въ С.-Петербургъ по дѣламъ службы въ январѣ мѣсяцѣ будущаго года».

Обстоятельные свѣдѣнія о состояніи матеріальной части заведенія будутъ сообщены въ послѣдующихъ томахъ нашего изданія.

Матеріалы сообщилъ
Генералъ-Маіоръ *А. Тыртовъ.*

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ,

ЗАМѢЧЕННЫЯ ВЪ 1-Й КНИЖКѢ „СБОРНИКА“.

На 1 страницѣ, 9 и 10 строки снизу, напечатано: приложить при этомъ томѣ портретъ генерала Тыртова и сообщить на страницахъ его, *надо:* помѣстить въ 1 выпускѣ „Альбома портретовъ“ портретъ Генерала Тыртова и сообщить на страницахъ „Сборника“.

На стр. 2, 5 строка сверху, напеч.: свято чтится нами?, *надо:* свято чтится нами.

Тамъ же, 14 строка сверху, напеч.: на граждаемъ, *надо:* награждаемъ.

На 3 стр., 7 строка сверху, напеч.: 5 Декабря 1885 года, *надо:* 5 Декабря 1855 г.

На 6 стр., 5 строка снизу, напеч.: повторяетъ тотъ часъ же самый проступокъ, *надо:* повторяетъ тотъ же самый проступокъ.

Тамъ же, 12 строка снизу, напеч.: отдѣльнымъ воспитателемъ *надо:* отдѣленнымъ воспитателемъ.

На 41 стр., 13 строка снизу, напеч.: скорослуживая армія, *надо:* старослуживая армія.

На 113 стр., 1 строка сверху, напеч.: прогламмы, *надо:* программы.

На 121 стр., 12 строка сверху, напеч.: (М. Ѳ. В. З.), *надо:* (Мѳ. 13, 3).

На 131 стр., 6 строка снизу, напеч.: съ миреньемъ, *надо:* съ смиреньемъ.

На 137 стр., 7 и 8 строкѣ сверху, напеч.: вышеизложеннымъ, *надо:* вышеизложенномъ.

На 138 стр., 6 строка сверху, напеч.: при вскритіи, *надо:* при вскрытіи.

На 139 стр., 5 строка сверху, напеч.: перегризаютъ, *надо:* перегрызаютъ.

На 142 стр., 18 строка сверху, напеч.: матеріалъ одну полную смѣну, *надо:* матеріалъ на одну полную смѣну.

На 145 стр., 14 строка снизу, напеч.: мѣлкихъ, *надо:* мелкихъ.

Тамъ же, 16 строка снизу, напеч.: недостаточно въ 1863 г, *надо:* недостаточно; въ 1863 г.

На 147 стр., 2 строка снизу, напеч.: перестикла, *надо:* перестилка.

На 150 стр., 1 строка снизу, напеч.: предмѣты, *надо:* предметы; провиденія, *надо:* проведенія.

Тамъ же, 3 строка снизу, напеч.: переводя, *надо:* переходя.

На 153 стр., 3 строка снизу, напеч.: данные, *надо:* данныя.

Тамъ же, 17 строка снизу, напеч.: экономіи. *надо:* экономію.

На 156 стр., 16 строка снизу, напеч.: штударую, *надо:* штудирую.

На 157 стр., 12 строка сверху, напеч.: съ будущаго года, *надо:* до будущаго года.

Тамъ же, 14 строка сверху, напеч.: сужаны, *надо:* сдѣланы.

Тамъ же, 2 строка снизу, напеч.: юбелей, *надо:* юбилей.

На 158 стр., 1 строка сверху, напеч.: и совершенно, *надо:* и совершенною.

Тамъ же, 4 строка сверху, напеч.: къ главному, *надо:* главному.

На 129 стр., 11 строка снизу, напеч.: касающія, *надо:* касающіеся.

На 160 стр.. 1 строка сверху, напеч.: Обстоятельные, *надо:* Обстоятельныя.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го октября 1888 года.